

Анджей Сетман

Бэлла

Между пупком и границей трусиков

Przekład: Julia Bohdzel

© Andrzej Setman
www.setman.pl
andrzej@setman.pl

Wydawnictwo "można inaczej"
PL 01-494 Warszawa, ul. Sołtana 12/24

Drukarnia Sowa Sp. z o.o Warszawa

Fotografia na okładce: Szymon Dederko

Warszawa, 24 grudnia 2011 r.

Ex omni me

всего себя отдать как букет васильков
потому что всегда стоит, потому что никогда не за поздно.
Лампой быть для людей, а кофе для ангелов,
которых мне очень жаль, которым очень скучно там на небе.

Константы Ильдефонс Галчиньский

Дорогая читательница

Случайностей не существует! Эта книга тоже не случайность! Даже сегодняшняя дата не является случайностью. Я неслучайно обращаюсь к женщинам, потому что вы, дорогие женщины являетесь основными читателями моих книг. Мне кажется во время чтения вы зададите себе вопрос, "что в этой истории является вымыслом, а что автобиографией?" Информрую, что правдой является только то, что я пережил все описанные в этой истории эмоции, все остальное, ну или немного меньше - это вымысел. Дорогая читательница, если Бэлла вызовет у вас какие-нибудь мысли, чувства, переживания - пожалуйста: Сядьте к клавиатуре и поделитесь своими впечатлениями - напишите мне, пожалуйста, пару строчек о том, что вы думаете и что чувствуете. Ваше письмо будет лучшим для меня доказательством, что все-таки стоило писать.

Спасибо Вам
Анджей Сетман

Варшава 10 октября 2011

Диктафон

- Па-па?! - Ида аж икнула от удивления, когда увидела отца сидящего перед дверями операционного зала - Ты здесь?
- Чему ты так удивляешься? Ты меня будто не узнаешь? - ответил он, вставая с кресла и раскрывая объятия на встречу дочери.
- Ты знаешь что с мамой? - спросила она, целуя его небрежно в щеку, не показывая особой радости.

В течении четырех лет, от момента ее свадьбы, они виделись всего несколько раз на семейных вечеринках. Он приходил на них вместе со своей, намного младше него, подружкой. Вначале она сочувствовала этой молчаливой девушке, наблюдая как та стареет рядом с таким немолодым человеком. Однако после нескольких встреч она начала чувствовать отвращение, видя взгляд этой "малолетки" устремленный на ее отца. Именно тогда между ней и отцом выросла эта невидимая стена. С того самого момента она уже не могла так просто позвонить отцу и спросить: "как дела?". Единственное, что их связывало, это короткие поздравления на именины, отосланные смской. Если бы у Иду спросили, ревнует ли она отца к этой соплячке со взглядом монашки молящейся перед фигурой святого Юзефа, она бы наверняка отрицала.

- Операция уже началась и скорей всего не закончится так быстро...
- Ты видел маму?
- Да, я видел как ее везли на каталке в операционный зал...
- Она тебя узнала?
- Незнаю. Наверное да.
- Как она выглядела?
- Плохо, но после анестезии люди не выглядят хорошо.
- Ты разговаривал с врачом? - спросила она, надеясь хоть на маленький лучик надежды.
- Нет.
- Ты думаешь, что все обойдется?
- Посмотрим - ответил он спокойно, всматриваясь в красную надпись "Не входить" висящую над дверями операционной.
- Ты так говоришь будто тебя это абсолютно не волнует – высказала она не получая никакой надежды.

- Да. - Он посмотрел ей прямо в глаза. - Да.
- Я не понимаю. Для чего ты вообще тогда сюда приехал? - Она ждала от него объяснений. Она не понимала для чего он проехал семьсот километров, если судьба его бывшей жены его совсем не волновала.
- Чтобы здесь быть.

Категоричность его ответа начала колоть ее сердце. Ей уже был знаком этот тон его голоса не допускающий никаких возражений. Она слышала его только один раз в жизни, когда собиралась на школьную экскурсию в Венецию. Он тогда не согласился, говоря коротко "Не поедешь". Не помогли ни слезы ни капризы. НЕ ПОЕДЕШЬ было невозможно изменить, точно также как и смерть двух друзей из класса в разбитом автобусе. Сегодня, второй раз в жизни она услышала эту категоричность в его голосе. Воспоминания о том случае досадно начали колоть ее сердце, точно также, как может досадно мешать бессмысленная смерть...

"Может он на самом деле по каким-то непонятным причинам хочет дежурить под дверями операционной? Может он все еще любит маму несмотря на то, что прошло уже столько лет с момента их развода?" - подумала она. Ну а если нам предстоит провести вместе этих несколько часов, то пусть не сидит спрятавшись за стеной молчания. Пусть расскажет хоть что-нибудь, не имеет значения даже что, хоть какую-нибудь глупую историю, хоть что-нибудь что может сократить это невыносимое ожидание. Это и так будет лучше, чем тишина в больничной комнате ожидания".

- Отец... - начала она нерешительно. - Ты все еще любишь маму?
- Нет, уже давно нет. Я не люблю ее уже дольше двадцати лет.
- От момента вашего развода?
- Нет, тогда я ее еще любил...
- Я ничего не понимаю. Вы расстались двадцать лет назад. Последний раз ты видел ее на моей свадьбе. Так что же ты тогда делаешь здесь сегодня?
- Не все в жизни нужно понимать. Жизнь это не математика.
- Объясни мне. Пожалуйста!
- Что бы ты хотела знать?
- Я хочу знать как можно больше.

- Что тебе рассказать?
  - Мне без разницы что, а лучше всего то, чего я еще не знаю ну или то о чем я не могу догадываться.
  - Ты еще много чего не знаешь. Если бы мы с тобой попробовали нарисовать портрет твоей матери, то получились бы три разных. Ты знала всего лишь один...
  - Ты абсолютно прав, я абсолютно не знала маму. Теперь я понимаю, что даже и не пыталась ее узнать. Я не хотела быть такой как она и я надеюсь, что никогда не буду.
  - Ну хорошо... С чего мне начать?
  - Лучше всего с самого начала, с того как вы познакомились.
  - Я уже тебе рассказывал когда-то. Тогда, когда мы были с тобой в Варшаве. Помнишь я показал тебе кафе "У Михала", возле Барбакана. В мои времена всегда было полно убогих лицеалистов, которые часами просиживали штаны в кафешках попивая чай в английском стиле.
- В тот вечер я шел в театр. У меня в запасе было много времени и я решил прогуляться по улицам старого города. На плече у меня висели фотоаппарат и диктафон. Я хотел записать представление в театре на которое собирался. Я обожал тогда записывать и фотографировать, останавливать картинки и звуки. Я записывал все, что попадалось под руку: радио программы, телефонные разговоры, театральные представления. У меня дома хранились сотни кассет с записями. Они занимали большую часть моей комнаты, точно также как в погребке у моей бабушки хранились банки консервированных мирабелок со вкусом аккумуляторной кислоты. Вторым моим увлечением было фотографирование важных жизненных моментов. Ты даже не представляешь сколько их было. Каждая экскурсия, каждая школьная вечеринка съедали по несколько пленок. Самые ценные фотографии я клеивал в альбомы, а все остальные хранились в коробках от обуви, которые так идеально помещались на полках в шкафах.
- Что с ними случилось?
  - Большинство уже не существует. Нет уже и людей запечатленных на этих фотографиях. О многих из них кроме меня уже никто не помнит. Точно такое же случается и с собственными детьми. Когда они вырастут они будут помнить меня по твоим рассказам, они даже не смогут вспомнить запах моей бороды.
  - То, что ты мне говоришь невероятно грустно...

- Нет, любимая. Это не грустно. Когда-то мне казалось грустным все, что проходит безвозвратно. Когда мой отец сказал мне: "Все умирают и я тоже когда-нибудь умру", я помню как горько я плакал при одной даже мысли, что когда-то в будущем его не станет. Но он не умер "в будущем", он умер "в прошлом", и в добавок таком далеком, что ты наверное и не помнишь запаха его бороды, которую ты так любила тормошить.

- И все-таки мысль о том, что когда-то нас не станет, очень удручает.

- Не только нас. Не станет также тех мгновений, наших радостей, наших печалей, переживаний, а может даже и этих мест тоже не станет.

Деревня моей бабушки уже не существует. Нет и того дома с рождественской елкой, привезенной из леса на санках. Нет леса... Нет уже тех людей, запаха пирогов, той суеты, тех рождественских цветных оплатков, запеченных до коричневого цвета на протвнях на угольной печке. Этого все уже нет и никогда не будет. Остались только фотографии со смешно одетыми людьми. Только в музеях техники можно теперь еще найти патефоны на которых можно прослушать записи с популярными записями тех лет, записанных на виниловых пластинках, которые разбивались в дребезг если их уронить по неосторожности.

- Я помню этот патефон с рукояткой. Он стоял на чердаке. Я любила залазить туда и слушать эти пластинки. Я представляла, что это музыка записанная привидениями. - Улыбнулась она воспоминаниям. - Знаешь, папа, мне грустно, что нет уже того патефона и я больше никогда не смогу послушать музыки привидений.

- Ты сказала, что тебе грусто, но тем не менее ты улыбнулась воспоминаниям. Ты знаешь почему ты улыбнулась? Потому что эти воспоминания ты носишь в себе. Потому что ты помнишь тот патефон и ту музыку полную шума напоминающего мышей, скребущихся где-то под деревянным полом. Если бы я тебе рассказал про свой мотоцикл и о том как мы с твоей мамой поехали на нем на экскурсию в горы, это бы не вызвало в тебе никаких воспоминаний, только лишь представления. Потому что только наши собственные воспоминания имеют для нас какую-то ценность. Вспоминать мы можем только то, что сами пережили. Большой ценностью для тебя будут воспоминания о прогулке по осеннему парку нежели мысли о любви Джульеты. Прогулка была твоей, а любовь к Ромео это чужие чувства.

- Ты думаешь, что мне безразличны твои воспоминания?
- Да, для тебя они не имеют никакой ценности, ну конечно если ты сама их не пережила. - Он достал из кошелька пожелтевшую фотографию, на которой были двое мужчин с гордостью державших огромную щуку. – Этот человек, который держит щуку тебе тоже абсолютно безразличен. А ведь это именно он научил меня ловить рыбу. С ним я провел так много дней в лодке. У моего дедушки всегда было время, чтобы поговорить со мной. Именно ему в большей степени я должен быть благодарен за то, кем я являюсь сегодня.
- Значит это означает, что воспоминания словно деньги? Только те имеют ценность, которые лежат у нас в кошельке или на банковском счету?
- Нет... не совсем. Когда люди делятся деньгами, то у одного их становится меньше, а у другого больше. Когда делишься нематериальными вещами, такими как чувства, воспоминания, мечты, тогда у обоих появляется больше. Независимо от того позитивные они или негативные.
- Папа, то что ты говоришь абсолютно нелогично. Ты что, думаешь что чем больше я дам тебе, тем больше я буду сама иметь?
- Ты права. Логика чувств отличается от математической логики. Физика элементарных частиц отличается от ньютоновской физики. Но тем не менее она ее не опровергает а только лишь обогащает новыми законами. Если ты хочешь сильнее любить, делись своей любовью, и она тебя окутает как туман. Хочешь убедиться? Представь себе, что двое людей пришло на свадьбу. У одного из них есть видеокамера и он на нее все снимает. Как ты думаешь, у которого из этих двоих останется больше воспоминаний? У того у которого была видеокамера или у того, кто пришел на свадьбу без нее?
- Ну... наверное у того, кто все снимал. Это логично, ведь он постоянно концентрировался на самом интересном.
- Неправда. Если бы сразу же после свадьбы у обоих спросили, кто что запомнил, то человек без видеокамеры мог бы вспомнить в четыре раза больше.
- Ну скорее всего так, но ведь который снимал может всегда посмотреть свои записи - пробовала она защищать свою логику.
- Да, ты права, наверняка он посмотрит и даже некоторое время будет неплохо помнить то, что наснимал. Так как в кино. После

просмотренного фильма мы обычно довольно хорошо помним, что в нем было, но не долго. Год спустя, тот который снимал будет довольно хорошо помнить только "сценки со свадьбы", но они не вызовут в нем никаких эмоций.

Я точно также пытался когда-то запечатлеть воспоминания, я фотографировал и записывал голоса на пленку. Хорошо что в те времена еще не было видеокамер, а то наверняка никто не смог бы отклеить меня от нее все дни напролет. К счастью у меня был только фотоаппарат и диктофон. Благодаря этому моя жизнь не пробежала просто рядом со мной.

- Я не помню, чтобы у нас дома были какие-то необъяснимые количества кассет и фотографий. Я помню только несколько альбомов, но ни кассет ни коробок от обуви с фотографиями я не припоминаю. Что с ними случилось?

- Я их выкинул.

- Как? И тебе не было жалко? - удивилась она.

- Ты даже не представляешь как сильно. Когда я их выбрасывал в мусорный ящик мне казалось, что я выбрасываю всю свою молодость.

- Тогда почему ты это сделал?

- Потому что я пообещал.

- Кому?

- Твоей маме.

- Расскажи мне пожалуйста...

- Это была наша первая экскурсия. Двадцать первое июля. Мы стояли над пропостью в горах. Я готовился к тому моменту с самого утра. Я встал рано утром и пошел купить свежих булочек на завтрак. По дороге я зашел к хозяйке дома, чтобы попросить у нее красную розу. Я знал, что она не продаст ни одного цветка из своего сада. Заплатил я ей правдой.

Она выбрала семь самых красивых бутонов, когда я ей сказал, для чего мне нужны цветы с куста, растущего под ее окном. Она очень аккуратно закутала стебли в пластиковый пакет и мокрую тряпку, чтобы розы не завяли, пока мы с твоей мамой будем взбираться на гору.

Я навел фотоаппарат. В объектив влезли не только мы, но и вся шахматная долина с домиками, напоминающими с той высоты спичечные коробки. Я достал розу из рюкзака и незаметно нажал кнопку диктофона, спрятавшего в кармане куртки. Я встал на колени перед моей

девушкой. В тот самый момент фотоаппарат счелкнул нам фотографию и я сказал ей как сильно я ее люблю и еще я хотел добавить, что...

- Как сильно ты меня любишь? - Твоя мама прервала мои так старательно приготовленные признания.

- Так сильно как только это может быть возможно! Я даже готов прыгнуть с этой скалы в пропасть если ты этого захочешь. - И я бы действительно прыгнул, если бы она этого захотела. Но как раз наоборот она меня совершенно удивила...

- Если хочешь, чтобы я тебе поверила, тогда выброси в пропасть свой фотоаппарат и диктофон из своего кармана. - Я поблбднел!

- А что с пленкой и с кассетой? - спросил я в надежде на то, что она разрешит оставить хотя бы запись и фотографию моего предложения руки и сердца.

- Вмете с пленкой и кассетой - ответила она спокойно. - Я старательно спрятал фотоаппарат в чехол и... выбросил его в пропасть. Я достал из кармана диктафон и не вынимая кассеты с записью, замахнулся с неописуемым удовлетворением. Широкой дугой диктафон полетел триста метров вниз. Полет моего диктофона я буду помнить всю свою жизнь. Двадцать лет на пролет я просматривал его в памяти, кадр за кадром, в замедленном темпе, тысячи раз останавливая, прокручивая назад и повторяя, как будто я снял полет ангела.

- Тебе не было жалко?

- Ужасно жалко! Но я понимал, что если я буду с твоей мамой, то меня ждет, хоть и тяжелая но все-таки захватывающая жизнь, которая не каждому дана.

- Откуда ты знал, что это будет тяжелая, но захватывающая жизнь?

- Это очень длинная история.

- Расскажешь?

- Мне нечего от тебя скрывать.

- Но сначала дорасскажи тот случай - попросила Ида - Ты предложил ей руку и сердце?

- Да. Я всал на колени и еще раз попросил ее стать моей женой.

- На этот раз ты стоишь на коленях передо мной, а не перед объективом - сказала твоя мама. - Теперь я верю, что ты действительно меня любишь. - А потом она добавила: - Ну а если ты хочешь, чтобы я стала твоей женой ты должен выбросить все свои записи и фотографии.

- Все? - спросил я полностью разбитый, будто она просила меня поджечь Александрийскую библиотеку.

- Только те что остались не вклеянными в альбомы. Это моя цена. Ты заплатишь ее если действительно хочешь, чтобы я стала твоей женой.

- Но почему? Объясни мне пожалуйста. - Мой мир вдруг вывернулся наизнанку. До этого она никогда не критиковала моего хобби. Даже наоборот, она охотно позволяла себя фотографировать. Даже очень охотно. А мне было бы намного легче прыгнуть в пропасть, чем жить без моих законсервированных воспоминаний.

- Потому что я хочу чтобы ты жил, а не только наблюдал за жизнью - ответила она спокойно. - Ты сомневаешься? Ты хочешь подумать стою ли я этого? Ты не должен отвечать прямо сейчас. Я дам тебе время для размышлений. Я подожду пять минут.

Я наварачивал круги на том небольшом пяточке и, в отчаянии, неустанно сам себе повторял, будто был поцарапанной пластинкой: "Целая фонотека в мусорку?". Она хотела от меня слишком много. Я не мог ей это дать. Это была все равно что выбросить всю свою жизнь в мусорку? И вдруг я остановил пластинку. Я вдруг понял, что через минуту я действительно выброшу всю свою жизнь в мусорку. Свою будущую жизнь, ту которую я могу прожить вместе с твоей мамой. Говорят, что в моменты большой опасности, человек может увидеть всю свою жизнь за несколько секунд. У меня было несколько автомобильных аварий, но никогда такого не происходило. А тогда, один единственный раз я почувствовал что-то подобное, но это не был фильм из воспоминаний, а из чувств и эмоций ждущих меня в будущем. Я переживал радость и грусть одновременно, огромное счастье и ужасное разочарование. Я не знал, что со мной происходит. Только год спустя я понял весь смысл того момента. Он длился всего лишь минуту и закончился точно также неожиданно, как иначался. Я посмотрел в небо.

- Я хочу прожить остаток моей жизни с тобой, и мне не важно какую цену мне надо за это заплатить. Я молю тебя только об одном, разреши мне оставить одну единственную фотографию, которую я не успел вклеить в альбом.

- Только одну? - спросила она.

- Да, только ту которую я ношу с собой в кошельке.

- Кошелек можно считать разновидностью фотоальбома - согласилась она.

- И еще записанную вчера кассету... - клянчил я.
- Хорошо - сказала она.
- И знаешь, что она тогда сделала? Она встала передо мной на колени и сказала:
- Я хочу попросить твою руку и сердце, стань моим мужем и попроси всего чего ты хочешь. Я сделаю все, что ты захочешь, потому что ты достоин этого.
- У нее не было никакого хобби, она не собирала ни монет ни марок. Ничего абсолютно не приходило мне в голову, кроме одного, того чего я желал уже давно.
- Я хочу, чтобы мы принадлежали друг другу этой ночью...- решился я сказать самое мое большое желание. - И чтобы много лет спустя, даже когда смерть будет близко, ты будешь любить меня так же сильно как и сегодня.

Она посмотрела на меня будто я слишком много от нее хотел.

- Ты хочешь слишком много и даже не знаешь, что это означает... Ну да ладно будь по твоему.

Тогда я не понял, что означает ее взгляд. Я думал, что поспешил и, что может она не готова еще начать интимные отношения. Сегодня я знаю. Она уже тогда чувствовала, а быть может уже знала какой будет наша совместная жизнь. Мы выпили по бокалу теплого шампанского, и целуясь как самые счастливые сумасшедшие, выбросили бокалы в пропасть. На счастье! Бутылку взяли с собой, чтобы не сорить в горах.

Нужно было прожить двадцать лет, чтобы понять, насколько она тогда была права. Только благодаря ей я жил, я не был наблюдателем со стороны, откладывая воспоминания "на потом".

Он амолчал, как будто вдыхал аромат семи распускающихся бутонов бордово-красных роз.

Колокола

- Нам нужен перерыв - сказал он весело. - Может какая-нибудь медсестра пройдет с плюшевым мишкой на подносе или раздастся звонок и режиссер объявит: "десять минут перерыва"?

- Тебе что, обязательно ве свои прекрасные воспоминания заканчивать дурацким комментарием? Точно также как сказки, которые та мне рассказывал на ночь в детстве. Может быть тебе покажется это смешным, но каждый вечер я ждала в напряжении каким образом ты закончишь рассказываемую легенду. Быть может вместо счастливого конца принцесса окажется сестрой принца и они не смогут пожениться? Или может быть Золушка поедет на каникулы к бабушке и не удастся найти владельца хрустальной туфельки? Ты хоть когда-нибудь бываешь серьезным? Даже сейчас не можешь? В такой серьезной ситуации? Ты прав, мне надо отдохнуть. Пойду прогуляюсь - сказала она со злостью в голосе. - Где-то здесь наверняка должен быть автомат с кофе. Принести тебе?

- Да, пожалуйста. Черный с сахаром - сказал он послушно.

Ида вышла из приемной.

"Может я действительно перегибаю палку" - подумал он. - "Ведь не все должны понимать мое чувство юмора". Он решил извиниться перед ней.

В приемную заглянула улыбающаяся медсестра.

- Извините пожалуйста, вы случайно не видели шестилетнего мальчика в красном свитерочке у которого рука в гипсе? - спросила она. Из кармана у нее торчала плюшевая обезьянка.

- Двадцать минут назад здесь была только двадцати семи летняя девочка, но у нее не было ни гипса ни красной шапочки. Так что она наверняка не подходит к вашему описанию - ответил он с актерской серьезностью в голосе.

- Если бы вы все-таки видели малыша на самокате, то помните, что отделение психиатрии у нас находится на пятом этаже - огрызнулась она показывая ряд белых зубов и побежала искать ребенка.

Минуту спустя пришла Ида с двумя чашечками кофе.

- Черный с сахаром - сказала она, пртягивая ему кофе. - Такой как ты любишь. Хочу извиниться за то, что я всплила. Я очень волнуюсь за маму...

- Я тоже хочу перед тобой извиниться...

- Лучше этого не делай - перебила она его весело - Минуту назад я встретила медсестру с плюшевой обезьянкой в кармане. Я поняла, что если бы ты был другим, то это ожидание было бы тяжело пересидеть. Ты лучше дорасскажи историю о том как вы познакомились.

- Как это, разве ты не знаешь? Я тебе уже рассказывал. В чайной не было свободных мест и к тому же какой-то студент пел русские романсы под гитару. Было понятно, что никто в ближайшее время не собирается уходить. У меня было с собой несколько незаписанных кассет. Я мог спокойно записать баллады не боясь, что не останется места на театральное представление. Единственное чего не хватало, так это места в чайной.

Я стоял возле дверей, как дурак. Я прочесывал взглядом зал в надежде, что найдется хоть немножко места, куда я смогу подсесть и начать записывать. За мной наблюдала красивая девушка, сидящая как раз напротив выхода. Она улыбнулась мне и сказала что-то своим друзьям. Каждый из них подвинулся на сантиметр и появилось свободное место. Она показала взглядом, что это для меня.

Я был на небесах от счастья. Мало того, что я мог спокойно записать баллады поющего студента, так еще на меня обратила внимание прехорошенькая девушка. Я был тогда совсем молодой и даже не знал как начать разговор не говоря уже о том, чтобы получить улыбку от девушки... Это было все равно, что чудо. К тому же я тогда ходил в класс технического профиля, где учились одни только юноши.

В школе учили всему тому, что в жизни мне никогда не пригодилось. И что с того, что я умел решить задание с тремя неизвестными тремя разными способами, открыть сложный храповой замок или как овладеть ядерной реакцией так, чтобы ее легко можно было контролировать, если меня не научили как подойти к девушке, начать разговор и покоряя дрожь рук спокойным голосом предложить прогуляться. У меня и так был огромный плюс по сравнению с приятелями из моего класса у которых даже не было сестер. Все они чувствовали себя как марсиане, приземлившись на первомайском параде с портретами Герка, вроде бы весело и хорошо, но никто не знает куда деть руки. Десять друзей из моего класса женились на девушке, которая первая им улыбнулась. После детского сада каждый из них превратился из неинтересного чудовища неумело играющего с

футбольным мячом в какую-то странную особь вздыхающую по особи, называвшуюся в просонародии девушка.

В те времена школа была островом сумасшедствия в океане повседневной жизни. Знание староцерковного языка оказалась в практике так же необходимо как уроки о социалистическом государстве. Наши контакты с девушками ограничивались на танцевальных вечерах. Мы приглашали на них учениц из медицинского лицея, в котором единственными представителями мужского рода был хромой сторож и его кобель. Девчонки тоже не знали как с нами разговаривать. И скорее всего на следующий день после дискотеки они считали нас идиотами также как и мы считали их дурами. И что с того, что все мы сдали "экзамен зрелости", если столько было в нас зрелости сколько в мыши мужества для победы над котом. Я надеюсь, что твоя школа не была таким же нонсенсом как моя.

- Какие ужасы ты рассказываешь. Но признаться честно школа твоего времени не сильно отличается от теперяшних школ. Все также, большинство предметов бессмысленны, например предмет с громким названием: семейное воспитание в нашей школе вела старая дева, которая никогда бы даже не произнесла слово "пенис". Но знаешь ты сказал мне очень важную вещь о которой бы я никогда не подумала. И в самом деле, тем девочкам которые были единственными дочками в семье или тем у которых были только сестры, намного тяжелее было подружиться с мальчиками. Интересно кто-нибудь проводил эксперименты о взаимозависимости между числом разводов и наличием братьев или сестер того же пола. Ведь контакт с противоположным полом в период взросления должен быть постоянным а не только ограничиваться встречами при звоне колоколов.

- Да ты права с этими колоколами. Они многое для меня значат. Благодаря ним я понял как сильно люблю твою маму.

- Во время вашей свадьбы?

- Нет. Это произошло осенью, где-то два месяца после того как я предложил ей стать моей женой. Мой друг из начальной школы женился на очень некрасивой девушке. Естественно на первой которая ему улыбнулась. Кажется мне не надо добавлять, что у него не было сестры. Они женились в том же костеле, в котором я был прислужником на протяжении нескольких лет.

Я очень любил прислуживать в церкви, а в особенности я любил тишину когда священник поднимал облатку, а я мог звенеть тяжелыми латунными колокольчиками. Их звон разносился по целому костелу, а потом еще раз, когда он становился на колени и я звонил три раза - дзынь, дзынь, дзынь.

Я обожал ту минуту. Обычно мне удавалось потрясти ими четыре раза, но когда я доходил до пяти, колокольчики передавались другому прислужнику. Он был болезненным слабым мальчиком и звонил безразлично, а я молился беззаветно о том, чтобы наступила эпидемия гриппа.

Однажды один из зрителей в костеле попросил священника, чтобы кто-нибудь из прислужников помог ему при колоколах. Я очень надеялся, что возьмут моего приятеля, а я смогу спокойно звонить колокольчиками в момент поднесения. А священник пальцем указал на меня и сказал смеясь: "возьми его, он толстенький и любит звонить". Скорее всего он имел ввиду, что для того чтобы раскатать колокола нужен кто-то сильный и тяжелый, а мой болезненный друг был почти на половину меньше меня. Я очень тогда обиделся, но все-таки пошел на церковную башню.

Это была чудесно! Барабанный перепонки лопались в ушах. Сердце выпрыгивало из груди, а конопляный шнур вырывал руки. Колокольчики в церкви вдруг перестали для меня существовать... Неделю спустя я записался в клуб радиолюбителей и перестал быть прислужником.

Свадьба нашего дуга, несмотря на то, что торжественное богослужение вел ксендз Тадеуш, который был нашим учителем религии в школе, была очень скромная. Никто даже не постелил красную дорожку для молодых, как это было принято. На выходе из костела толпы друзей забросали молодых киллограммами риса. Слетелись голуби с целой окрестности. Мы с твоей мамой стояли взявшись за руки в очереди, чтобы поздравлять молодых и переживали все так, будто это была наша собственная свадьба. Я следил за летающими отовсюду голубями и очень жалел, что у меня нет с собой фотоаппарата. Твоя мама посмотрела на церковную башню и спросила: "Почему в такой важный жизненный момент не звонят колокола?" Я схватил ее за руку и потянул в церковь. Она не знала куда я ее веду, но все-таки пошла со мной.

Один единственный раз мне пригодились знания из механического техникума. Обычной невидимкой для волос я без труда открыл замок, стерегущий вход в церковную башню. Твоя мама раскачала маленький колокол, а я большой. Туча голубей встрепенулась. Со всех сил мы тянули конопляный шнур отполированный по середине ладонями прислужников.

С тех самых пор, если мне случается держать в руках конопляный шнур, воспоминания того дня возвращаются. Обычно когда я бываю в магазине с инструментами, я всегда подхожу к катушке со шнуром, дотрагиваюсь к нему и слышу ту самую минуту.

В гуле колоколов мы не услышали как в башню вбежал разъяренный и вспотевший смотритель. "За колокола никто не заплатил!" - пробовал он перекричать колокола. "Это подарок от ксендза Тадеуша!" - крикнул я не выпуская из рук шнур. Он вышел ничего не понимая. Через несколько минут твоя мама упала без сил и я тоже весь вспотел...

Мы целовались тогда под звонящими колоколами и были уверены, что ничто и никогда нас не разлучит. А потом мы смотрели через жалюзи колокольни на счастливую пару внизу и на голубей клюющих рассыпанный вокруг как счастье рис.

Мы еще очень долго стояли на вершине колокольни, а потом сошли вниз захлопывая двери колокольни и последними поздравили молодых.

А когда мы уже уходили с прицерковной площади, то из далека где-то между голубями я заметил идущего к нам ксендза вместе с разъяренным служителем, указывающим на меня пальцем: "Вот тот!".

Я взял под руку твою маму и очень энергично, как будто мы были очень недовольные направились им навстречу. Мы остановились по середине площади, которую все почему-то называли церковным кладбищем. Смотря ксендзу Тадеушу прямо в глаза я сказал с упреком: "Очень прошу ксендза в следующий раз не забыть расстелить красную дорожку для молодых и даже если этими молодыми будем мы". - Я хлопнул в ладоши. Голуби сорвались. Мы оставили их очень удивленных а сами побежали за молодыми.

Мусор

Он смотрел на дочку как на маленькую девочку. Радость, которая была вызвана его рассказом угасала на глазах.

- Что случилось? О чем ты думаешь? - спросил он удивленный ее реакцией.

- Твой рассказ очень радостный, а ведь всего несколько метров от нас, за этими дверями, оперируют мою маму... И я не знаю выживет ли она... Я не должна радоваться твоим рассказам, а наоборот переживать.

- И чем помогут твои переживания?

- Папа, как сильно ты все упрощаешь - ответила она с раздражением.

- Скажи, достаточно ли ты взрослая, чтобы логично со мной поговорить, или же ты предпочитаешь, чтобы я объяснил тебе твое ошибочное мышление как маленькой девочке?

- Оно не ошибочное!

- Доказать тебе?

- Ну ладно, докажи, хотя это абсолютно невозможно - упрямылась она.

- Если это не возможно, тогда ты ничем не рискуешь, если ответишь на вопросы, которые я тебе буду задавать.

- И что ты хочешь этим доказать?

- Наверное тебе ни раз приходилось решать математические задачи, не зная какой будет ответ. Давай посмотрим, что получится из моих вопросов? Согласна?

- Хорошо - согласилась она, все еще убежденная в своей правоте.

- Давай договоримся, что ты будешь отвечать только на мои вопросы. Ну предположим на десять моих вопросов, потому что это округленное число. Отвечай да или нет и без комментариев о смысле вопросов. Хорошо?

- Хорошо.

- Скажи, твои переживания хоть как-то помогут хирургу держать скальпель?

- Вообще нет, но...
- Отвечай только на вопросы, а все свои комментарии оставь на потом! Ну так как, поможет или нет?
- Нет.
- Помогут ли хоть как-то твои переживания лучше осветить оперированное место?
- Нет.
- Помогут ли твои переживания операционной сестре?
- Нет.
- Помогут ли твои переживания каким-то позитивным образом повлиять на ход операции?
- Наверное нет.
- Знаешь ли ты, что наш мозг излучает электромагнитные волны?
- Знаю.
- Существует ли возможность того, что наши мозги как-то общаются между собой?
- Говорят, что да, но лично я не верю в телепатию.
- А если бы она существовала, могло бы твоё плохое настроение передаться хирургу?
- Если бы существовала, то да.
- А могло бы твоё хорошее настроение перейти на хирурга?
- Наверное могло бы и хорошее.
- Тебе как лучше работается, когда у тебя хорошее настроение или плохое?
- Ну естественно когда хорошее.
- А ты предпочитаешь пребывать в хорошем или плохом настроении?
- Обычно я предпочитаю хорошее, но не сейчас.
- Ты не хочешь пребывать в хорошем настроении, потому что оно и так не перейдет на хирурга?
- Нет, ну да, нет... Папа, ты делаешь из моих мозгов воду.

Сколько вопросов ты уже задал?

- Было уже десять вопросов, но прежде чем твоё вода начнет хлюпать я расскажу тебе как твоё мама вылечила меня от переживаний.
- И не дожидаясь её ответа он вернулся к своему рассказу.

После того как мы познакомились прошло несколько дней. Встречались мы практически каждый день. Что то между нами начинало

набухать, но еще не зацвело. Мы были бедны как церковные мыши. У меня были только деньги, которые мне давала мама на обеды в столовой. В магазинчике возле школы я обычно покупал кефир и две небольшие булочки. Благодаря этому у меня оставалось немного денег на чай по-английски в нашей чайной.

Однажды проходя мимо антикварной лавки я заметил "Мага" Джона Фаулза. Эта повесть была редкостью в те времена и мгновенно раскупалась. "Как только у меня появятся деньги я обязательно ее куплю"- сказал я громко о своей мечте. Я понимал, что эта книга долго не задержится на полках магазина.

- А почему ты не можешь купить ее прямо сейчас? - спросила твоя мама.

- Потому что у меня нет столько денег.

- А сколько у тебя есть?

Я машинально залез в кошелек и высыпал на ладонь мелочь. Посчитали. Хватало по крайней мере на два чая, но не на книгу. Твоя мама открыла свой кошелек и высыпала свою мелочь.

- Я хочу, чтобы ты ее купил, прямо сейчас - приказала она.

Я стоял как парализованный или точнее абсолютно безвольный. Твоя мама запихнула меня в магазин, а так как я все еще стоял с открытым от удивления ртом, то она сама взяла "Мага" с полки, отсчитала нужное количество денег, дала девушке на кассе и не беря с собой чека выпихнула меня из магазина.

Еще никогда в жизни я не переживал столько противоречивых эмоций. Это было абсолютно невозможно, чтобы девушка с которой я познакомился так недавно, дала мне деньги на книгу. Я не мог не то что радоваться, но даже показать свою радость. Я шел молчаливо, будто только что потерял лотерейный билет.

- Почему ты не радуешься своему "Магу"? - спросила она.

- Я переживаю потому что у нас не осталось денег на чай - ответил я рассудительно.

- Как ты считаешь, могут ли твои переживания стать для меня благодарностью? - Сбила она меня с моих мыслей.

- Ты даже не представляешь как я радуюсь...

- Нет я не представляю, потому что этого по тебе совсем не видно.

- Но я не умею быть беспечным как ребенок, я ведь совершеннолетний.

- Скажи, ты потому не можешь быть беспечным, потому что считаешь, что взрослая жизнь это одни только проблемы?

- Нет, это совсем не так!

- А как? Быть может ты просто не хочешь взрослеть? А может ты хочешь возвратиться в свое чудесное детство, без забот и проблем?

- Не дразнись. Ведь ты прекрасно знаешь каким оно было...

- Тогда может быть ты просто не хочешь стать самостоятельным?

- Я мечтаю об этом!

- А что для тебя значит быть самостоятельным?

- Ну... что все нужно самому...

- А значит ли самостоятельность то, что пришло время, чтобы быть отважным и самому решать с каким настроением тебе идти по жизни?

- Но ведь это от меня не зависит.

- А от чего?

- От ситуации.

- Что тебя волнует в нашей ситуации? Посмотри какой прекрасный вид перед нами. - А вид из-под Русалки, стоящей на оборонительной стене, был тогда очень романтичным.

- Я не умею радоваться этому виду, потому что я переживаю, что у нас не осталось денег на чай.

- Если ты будешь переживать что-нибудь изменится? Ну естественно кроме того что испортишь себе прогулку со мной, а мне настроение. Давай присядем на минутку - предложила она.

- Я очень хочу радоваться, но я не могу изображать из себя весельчака, если я огорчен.

- Ну не изображай, а просто будь.

- Так не получится - я упрямо стоял на своем.

- Доказать тебе, что получится?

- Докажи - сказал я уверенный, что это невозможно точно так же как ты сейчас.

- О чем ты мечтаешь?

- Чтобы у меня были деньги на чай.

- Зачем тебе чай?

- Потому что я хочу сесть с тобой и поговорить - ответил я и сразу же понял бессмысленность своего ответа, потому то мы как раз сидели и разговаривали.

- А о чем ты сейчас мечтаешь, ну кроме конечно материальных вещей.

- Я мечтаю о... - Заткнулся я. Я ведь абсолютно не мог ей об этом сказать.

- Ты не знаешь или просто не хочешь поделиться?

- Знаю, но...

- Это произойдет само по себе, если ты этого не сделаешь или никому не скажешь?

- Но я боюсь...

- Чего ты боишься?

- Я боюсь того, что ты этого не захочешь.

- Откуда ты знаешь, если ты даже об этом у меня не спросил?

- Я так думаю...

- Ты наверное видишь сам как твое мышление ограничивает твои мечты. Если ты хочешь что-то узнать, спроси.

- Но как?

- Просто так, будто ты спрашиваешь который час?

- Извини, можно я тебя поцелую? - попробовал сразу я, сильно краснея.

- Можно. - И так просто она приблизила свои губы к моим. И я тоже просто так ее поцеловал. И в этом не было ничего необычного. Тогда нет, а теперь да. То, что тогда для меня не имело никакого значения, теперь является доказательством, что жизнь необычайна.

Начинало смеркаться. Мы прыгнули со стены и пошли к Барбакану. Я шел впереди нее так как хорошо вижу в темноте. Я попросил ее идти по моим следам и то и дело говорил, где яма, а где собачие какашки. На пол пути она вдруг крикнула: "Стой!". Я испугался, что она подскользнулась и вывихнула ногу. А она стояла и всматривалась в какой-то мусор.

- Вот наилучшее доказательство... Если ты будешь обращать внимание только на ямы или говно, ты никогда не заметишь денег и счастья - продекламировала она победоносно, расворачивая поднятую с земли двадцати-злотую купюру. Хватало не только на чай по-

английский. Мы были настолько голодны, что с легкостью съели по две порции пельменей.

Именно так выглядела жизнь с твоей мамой. Каждый раз, когда я был "уверен на сто процентов", что наконец- по пришел тот постоянно ожидаемый момент, когда нечего будет есть или вдруг не окажется крыши над головой - вдруг оказывалось, что еще не сейчас и что Ангел Спаситель все еще с нами.

- Теперь ты понимаешь, почему я не переживаю? - Посмотрел он на дочь, которая кивала головой. Скорей всего она восприняла его вопрос как риторический. - Пожалуйста ответь мне, почему я не переживаю? Я бы очень хотел узнать, как ты поняла мой монолог?

- Ты веришь в то, что мама выздоровеет.

- Нет дорогая, не в этом дело. Думая и ведя себя по другому, я перечеркнул бы все то чему я научился от твоей мамы. "Переживания, они ведь как мусор" - говорила она. " Не держи мусор в ладони, потому что с ним ты не сможешь меня обнять".

Он встал и пошел к мусорке возле дверей, чтобы выбросить пустой стаканчик от кофе.

Через минуту встала она и сделала то же самое. А когда у нее в руках уже не было ничего, она вдруг почувствовала прилив неожиданного спокойствия и обняла отца. Они долго стояли обнявшись а потом он прошептал:

Gott gebe mir die Gelassenheit, Dinge hinzunehmen, die ich nicht ändern kann; den Mut, Dinge zu ändern, die ich ändern kann; und die Weisheit, das eine vom anderen zu unterscheiden.

- Что ты сказал? Переведи пожалуйста!

- Это молитва, которую в XVIII веке сочинил Фридерик Кристоф Оэтингер:

Боже, дай мне хорошего расположения духа, чтобы перенести все то, что изменить я не в состоянии,

Дай мне мужества изменить то, что изменить я могу,

И дай мне ума, чтобы я умел отличить одно от другого.

- Папа, что ты не можешь изменить?

- Например я не могу изменить мой мочевого пузырь, который требует, чтоб его опорожнили и поэтому сейчас в хорошем расположении духа я пойду в туалет - объявил он радостно и открыл двери в коридор.

Сливки

- Ничто так не улучшает настроение, как найти туалет в самый нужный момент - сказал он возвращаясь в приемную.

- Ты что вспомнил какую-то историю связанную с туалетом и хочешь мне ее рассказать вместо того, чтобы закончить историю вашего знакомства? - спросила она весело.

- Откуда ты знаешь? Я просто не могу дождаться, чтобы рассказать тебе романтическую историю нашего медового месяца в солнечной Югославии.

- Значит лило как из ведра? - спросила она смеясь.

- Ты так думаешь? Я что как-то по особенному поставил ударение на "солнечной"? Или после того, что я тебе рассказал, ты думаешь, что ветер дул мне всегда только в глаза? Нет дорогая, так было не всегда. Мы пережили очень много солнечных дней, полной свободы и пустых пляжей.

Это был свадебный подарок. Подарил нам его дядя моего приятеля на свадьбе которого мы звоноли в колокола. На постоянную он жил в Клягенфурте, а в окрестностях Задара у него был дом, которым он пользовался очень редко. Это был очень необычный домик.

- Что, до моря нужно было идти пять километров?

- Нет, до берега было пять километров. Вся изюминка заключалась в том, что в какую сторону ты бы не шел, ты все равно приходил на море.

- Домик находился на острове? Вот это да! - Ида крикнула с восторгом.

- Да вот это да! Все в этом и заключалось, попасть на материк можно было только с помощью моторной лодки. Предлагая нам отдых в домике дядя предупредил нас, что в течении семи недель мы будем полностью оторваны от цивилизации, так как ему нужно готовиться к приезду Святого Отца.

Предостерегая нас перед тем, что нас ожидало, он добавил, что у нас в распоряжении будет только одна лодка, а свою он не может дать так как ему самому нужно будет как-то вернуться с острова. Он предостерег также, что если мы не уверены в своих чувствах, то лучше будет отказаться от этой затеи, так как это могло быть прямой дорогой к разводу.

Мы были в восторге от возможности провести наш медовый месяц играясь в Робинзонов на берегу чудесного Адриатического моря. Мы были уверены в чувствах соединяющих нас, а прежде всего мы не могли дожидаться, чтобы остаться наедине друг с другом. Еще перед свадьбой мы узнали друг друга очень хорошо, но еще не знали как поведем себя, когда останемся наедине друг с другом.

Это был старый летний домик с кухней и спальней. Домик стоял на бетонном бункере еще со времен войны и отлично подходил для хранения продуктов. За еду абсолютно не надо было переживать. Консервов, макарон, риса, молока в порошке, кофе и вина хватало бы на долгие месяцы. Подвал был подготовлен так, будто кто-то собрался там зимовать ну или пересидеть войну. Всякого питья в виде кока-колы, соков и лимонада мы привезли в достатке. Единственной проблемой с которой мы могли столкнуться это нехватка питьевой воды. Нам казалось, что двадцать огромных пластиковых канистр с водой невозможно выпить за семь недель.

На острове естественно не было электричества. Для готовки служил газовый туристический балон, а для освещения обыкновенные свечи. У нас их было более сотни.

Ничего кроме кастрюль и приправ там больше не было. Ага, была еще тетрадь и ручка, вещи практически незаметные, если в вашей диспозиции находится множество других вещей.

Когда моторная лодка с дядей и кучей мешков с мусором, которые он планировал выбросить в порту, отплыла, мы не могли усидеть на одном месте от счастья. Мы станцевали танец южных морей. В конце концов без всяких трудностей мы могли загорать голышом и показывать наши тоскующие по солнцу попы. Уже на следующий день они у нас сгорели так, что на них невозможно было сидеть, зато к счастью мы не получили солнечный удар. Ночью оказалось, что заниматься любовью с обожженными на солнце плечами очень тяжело и никто не хочет быть снизу. Нужно было выдумать какую-то другую позицию. Мы наслаждались нашим одиночеством. Абсолютная свобода ограничивалась только береговой линией нашего острова.

Мы выплывали в море на надувных матрасах, которых ночью заменяли нам кровати. Мы ныряли, собирали ракушки и делали все то, что можно делать в раю, когда Архангел занят приготовлениями к визиту Святого Отца. Мы были в абсолютном одиночестве в радиусе

пяти километров. Только в воскресенье мимо нашего острова проплывали моторные лодки и парусники. Они отплывали в поисках уединения, которого у нас было больше, чем через край тотчас как понимали, что кто-то есть на острове. Они направлялись к другому необитаемому острову, виднеющемуся примерно в километре от нас.

Первая неделя была божественной! Единственным облачком на фоне голубого неба были мои часы. Они не пережили того, что намочились и теперь ходили как хотели, а когда не хотели, тогда отдыхали. Но это не оказалось большой проблемой. Вместо часов у нас было солнце и наши желудки, которые наполнялись, как только им этого захотелось. После несколькими днями мы абсолютно потеряли счет времени и даже не знали какой сегодня день недели. Несколько часов мы разговаривали и вспоминали, что мы делали каждый день, что мы ели на обед, а что на ужин. Но все равно мы не были уверены суббота сегодня или воскресенье. Только вечером мне в голову пришел гениальный план.

В первый же день мы завели ритуал провожать день выпиванием кофе на закате солнца. Днем твоя мама не пила кофе, а заваривала себе чай. Она любила пить кофе со сливками, а я пил черный кофе. Она всегда наливала одну порцию в чашку. Весь неорганический мусор мы выбрасывали с литровые мешки. Потом мы складывали их на северной стороне острова. Весь органический мусор, а это картофельные очистки и шкурки от фруктов, мы выбрасывали в уборную.

- Если мы просмотрим наш мусор и найдем только шесть одноразовых емкостей, значит сегодня пятница, а если семь, значит суббота – объявил я решение нашей проблемы.

Целый вечер мы сортировали содержание огромного мешка, и в конце концов мы досчитались до нашего мусорного календаря. Каждая макаронная упаковка или упаковка от пудинга пробуждали наши воспоминания и радость, как будто мы смотрели альбом с семейными фотографиями, а не копались в мешке с мусором.

Вторник!

Два дня счастья выпали из нашей памяти.

Твоя мама посмотрела на меня и сказала:

- Я уверена, что была права, когда попросила тебя выбросить фотоаппарат, но это было когда-то. Теперь я хочу, чтобы ты купил себе новый и начал запечатлять нашу жизнь.

Пол ночи мы потратили на то, чтобы записать эти девять счастливых дней. Благодаря мусору мы смогли вспомнить то, что мы делали, как занимались любовью, что мы ели и как мазали кремом наши сгоревшие попы. Точно также как наша жизнь на острове была не ограничена ничем, так же и в нашем дневнике не было места скромностям. В нем были тексты, понятные только нам, с сплетенными в них поговорками и сердцами пробитыми стрелами, свинства, вульгарные слова и всевозможные ассоциации.

Описание каждого дня начиналось с предложения: "Сегодня... за этим следовала дата - мы сели на скале, что бы выпить кофе и восхищаться заходом солнца..." то, что следовало дальше напоминало сказку для детей, порно или комикс.

- Что случилось с этим дневником?

- Он до сих пор у меня. И он принадлежит только мне. Когда мы развелись мы поделили наше совместно нажитое добро. Твоя мама разрешила мне оставить этот дневник себе, а все остальное взяла себе: квартиру, машину и деньги...

- Ты шутишь?

- Нет. Когда-нибудь ты это поймешь. У нее нет уже ни этой квартиры, ни машины, ни тех денег, а у меня попрежнему есть дневник.

- Ты дашь когда-нибудь его почитать?

- Нет. Ты должна создать свой собственный дневник и заполнить его своей жизнью. Он не должен быть всего лишь старым черновиком из ста страниц.

- А что ты сделаешь с ним?

- Когда я буду прощаться с этой жизнью я сожгу его, чтобы он тоже стал пеплом.

- Я не понимаю. Почему?

- У каждого из нас есть что то ценное, что является для нас талисманом. Одни никогда не разрешат другим померять свое обручальное кольцо, у других есть секретная коробка с сувенирами. Для именно таким амулетом является этот черновик.

- После всего, что ты сказал мне почему-то стало грустно...

- А ты бы смогла достать из своих трусиков окровавленную прокладку и показать ее мне?
- Зачем? - спросила она удивленно.
- Ну просто так, потому что мне интересно посмотреть.
- Нет, ну что ты, папа.
- Почему нет? Ведь у всех женщин идут месячные и плюс ко всему ты моя дочь.
- Потому что это слишком интимно.
- А ты бы показала ее без всякого стеснения своему мужу?
- Ему? Он видел...
- Представь себе что-то подобное, как и каждый человек у меня есть свой порог интимности и я не хочу, чтобы кто либо его пересекал.
- Наверное ты прав...
- Я знаю, что я прав, потому что я очень хорошо знаю этот дневник. Я читал его и всоминал все хорошие и плохие моменты той сказки так много раз.
- Значит не все до конца было таким чудесным?
- Нет, не все время. Через неделю всякий рай может начать надоедать, когда вы оставлены один на один с собой на необитаемом острове, где нет ни радио, ни телефона, ни даже книг. По сегодняшний день я просто уверен, что дядя специально забыл чемодан с книгами, чтобы мы смогли до основания костей почувствовать себя Адамом и Евой.
- Я не могу этого себе представить. Папа без книжки. Это скорее был ад, а не рай - пошутила она.
- Да ты права. Ад там тоже был, но не так сразу, вначале был рай.

Вода

- Вначале мы занимались любовью когда нам только заблагорассудится, т.е. столько сколько влезет. Мы игрались сексом. Он был нашим единственным развлечением и единственным занятием, естественно кроме приготовления пищи.

Мы попробовали всевозможные позиции из Камасутры и помяли всю траву на острове.

- Вам можно только позавидовать...

- Ты так думаешь? Примерно за две недели мы использовали половину пресной воды для мытья посуды, готовки, умывания и стирки. Мы решили установить дневной паек. Но твоя мама как не старалась не умела его придерживаться. Мы сэкономили воду. Мы стали мыть посуду в море. Но тем не менее картошка вареная в морской воде не пригодна к пище, потому что мало того что она воняет, так еще и становится горькой. Вода из Адриатического моря абсолютно не пригодна для мытья волос, ни для мытья тела, ни для чистки зубов, а твоей маме было просто необходимо смыть соленую воду после каждого купания в море. Я впадал в сумасшедствие когда видел как твоя мама переводила зря драгоценную жидкость. Тем не менее я не произнес ни слова, а только лишь сильнее сжимал зубы. Не нужно ехать на Сахару, чтобы полюбить воду, достаточно лишь непродолжительного отпуска на Адриатическом побережье.

Еще сильнее, чем воды мне стало не хватать чувства юмора и желания заниматься любовью. Того, чего перед свадьбой мне так не хватало, теперь было в излишестве и когда только захочется, точно также как соленого моря...

Первым знаком перенасыщения была все более короткая вступительная игра, а потом полное отсутствие ласк. Потом начало нехватать каких либо знаков внимания, даже прикосновений, как будто мы боялись что это неизбежно приведет к сексу.

Мы начали искать одиночества, притворяясь, что не видим друг друга. Потом мы начали избегать друг друга, так как уже не могли смотреть друг на друга. По даже самому малому поводу у ныс были претензии друг к другу, например слишком громкое перемешивание сахара в стакане с чаем могло стать причиной ссоры.

Мы ненавидели друг друга днем...

Спать я приходил только после того как твоя мама засыпала.

Сколько правды все-таки было в словах Франко Ламбарди: "большинство мужчин беря с собой на необитаемый остров женщину, взяли бы с собой еще и топор".

Мы вместе решили, что наша женитьба была ошибкой и, что дальнейшее прибывание на острове не имеет никакого смысла. Только в этом мы соглашались. Мы решили, что расстанемся сразу же после того, как вернемся с острова. Но никто из нас не выстрелил ракету.

Ах да, я тебе не сказал, что на самом деле мы не были так до конца оставлены на произвол судьбы. Достаточно было после заката солнца выстрелить красную ракету, как сразу бы приплыл морской патруль. Один раз они уже приплывали... Я знал, что мы не являемся первыми на острове. Нашим предшественником не удалось продержаться на острове и четырех недель. Они так эффективно отлюбили друг от друга, что даже не хотели садиться вместе в одну лодку, которая приплыла за ними.

- Вы тоже ненавидели друг друга аж до конца пребывания?

- Нет, только до момента, когда твоя мама надела трусики от купальника, а я чтобы ее разозлить и начать утреннюю ссору, по-дурацки спросил: ты что собралась нанести кому-то визит? Вместо того, чтобы злиться, она спокойно ответила: нет, "тетя приехала". Я знал что она имеет ввиду, но чтобы подразнить я в тот же момент натянул плавки и с радостью побежал на пристань, как будто хотел встречать лодку с тетей. - засмеялся он, вспоминая тот момент.

- А как отреагировала мама?

- Первый раз за несколько дней она засмеялась и сказала: извини, я не была слишком добра с тобой в последнее время.

После одной недели пощения мы снова смогли шутить друг с другом как и прежде. Возвратилась радость и сердечность.

- Вы же спокойно могли заниматься любовью во время месячных, ведь никто вам не запрещал - вставила дочка с желанием развить тему.

- Конечно же могли, там на острове никто и ничего не мог нам запретить. Такое уже случалось во время того, как мы были помолвлены. Но менструация была идеальной причиной, чтобы не заниматься сексом. Те месячные были подарком от природы, она

возвращала нам прежние чувства, абсолютно изменила наше отношение к сексу.

- Вы предпочли качество количеству - обрадовалась своей ассоциации дочка.

- Да именно так и случилось! Мы поняли как выглядит ад. Он начинается тогда, когда мужчина совершенно необоснованно начинает беспокоиться предменструальным синдромом, т.е. несбалансированным гормональным фоном женщины. Я бы не знал, что пришло с твоей мамой, если бы не знал тогда Бэллы. Ничего удивительного, что в средневековьи женщин считали околдованными дьяволом, когда они без всякой видимой причины вдруг превращались в ужасных злюк. Когда мужчина уже не может больше выдерживать ехидство и колкость, тогда перестает чего-либо желать и именно тогда начинается ад.

- Ты преувеличиваешь - запротестовала она раздражительно. - Если бы я тебя не знала, то подумала бы что ты какая-то мужская шовинистская свинья.

- Я тебе только говорю, как чувствует себя мужчина, который абсолютно не понимает причины изменения настроения женщины. Месячные закончились и начался абсолютно новый раздел в нашей жизни. Мы снова занимались любовью, но уже по другому. Мы часами наслаждались вступительной игрой, радуясь, что желаем друг друга. Как только могли мы оттягивали момент удовлетворения. Иногда случалось, что он никогда не наступал и мы засыпали неудовлетворенные. Секс уже не был для нас только лишь дохождением к цели. Он стал праздником и самым лучшим развлечением. Потом я понял, что подобное происходит с едой. Еда это не только успокоение голода...

- А что еще? - спросила она, готовясь тотчас возразить.

- Еда прежде всего служит для общения и игры.

- На этот раз ты действительно преувеличиваешь.

- Ды ты права я слегка преувеличиваю, но не так сильно как тебе кажется. Если бы еда не была одним из способов общения, то каждый из нас выедал бы в одиночестве все самое лучшее из холодильника. Но все-таки в большинстве мы предпочитаем кушать в окружении близких людей. Все вечеринки, именины, свадьбы, праздники заключаются в еде, которой мы подчеркиваем значимость момента. Индюк в день

Благодарения означает важность момента, точно так же как и торт на день рождения.

- Да, с этим я согласна. Но то, что еда является игрой это уже слишком. Ведь все знают поговорку: не играйся во время еды.

- Только наверное потому что кто-то после слова "не" забыл поставить запятую. Приглядиись внимательно к тому, что ты кушаешь. В большинстве, в твоей еде многое взято от игры. Чем важнее момент, тем больше игры. На свадебных тортах обязательно должна быть фигурка молодых. Овощные салаты украшаются цветами, вырезанными из морковки... Ведь морковка которая притворяется розой это чистая игра. Ветчина притворяется цветком, яйца притворяются мухоморами, а из кубика масла тоже делают цветок. Убранство стола это тоже игра: бумажные салфетки играют веерами, вазоны формами напоминают гусей, тарелки разукрашенные узорами.

- Но ведь это только по праздникам.

- Серьезно? Тогда пошли со мной в магазин посмотрим. Чипсы в форме решеток. А отдел с макаронами это настоящий отдел с игрушками. Там полно ракушек, зверьков, буквочек, звездочек, бантиков трех цветов, а спагетти, есть которое это все равно, что играть. А сладости? Там то действительно королевство цветов и форм! От шнурков и до домиков из пряников.

- Там где игра, там и приятно. Недостаток игры деморализирует человека, делает из него инструмент. Смертельная серьезность это начало всякой фанатичности: политической, религиозной, военной. В армии еда служит только для того, чтобы заполнить кишки калориями. Ты видела когда-нибудь счастливого военного? Наверное только тогда когда он снимает свою форму. Недостаток игры это недостаток радости. Недостаток радости это недостаток легкости и вкуса жизни. Это касается не только еды, но и остальных сфер жизни. Посмотри внимательно, в мире появляется все больше элементов игры. Школьные учебники начинаю веселить, лучше всего продается забавная одежда, автомобили веселых форм, цветные дома, потешные компьютеры...

Есть люди, которые не разделяют игры и работы. Радуюсь работе, живут полной жизнью, или же примерно на восемь часов в день длиннее.

Если хочешь чтобы твоя жизнь была полной чашей, радуйся всему, что встречается на твоём пути, играйся также любовью и сексом!

Только на нашем острове мы научились по-настоящему радоваться. Все для нас там было развлечением. Даже то, что из-за менструации у нас не осталось пресной воды.

Картошка сваренная в белом вине получатся довольно вкусная, а кока-колой очень удобно чистить зубы. Чтобы заварить чай, кофе или развести молоко из порошка нужна только вода, но она может быть газированной. Мы берегли каждую каплю воды. В самом начале я перестал бриться. Благодаря этому у меня появилось на десять минут больше времени каждый день. Я знаю, что это скорее всего прозвучит по-дурацки но мы вырывали друг у друга занятия, которые таили в себе хоть немного смысла. Мы вели себя как заключенные, для которых хуже чем бездействие может быть только переливание из пустого в порожнее. Хватало того, что кто-то заметил мусоринку на полу и сразу же бежал за метелкой и подметал этих несколько метров квадратных. Тот, кто готовил обед всегда предлагал картошку, вместо риса и макарон потому что благодаря этому мог на пол часа продлить приготовления обеда так, чтобы с одной картошки получилась одна длинная очистка.

Через три недели заончилась кола, несколько дней позже фруктовые соки, потом компоты. Остался только алкоголь.

В жару организм требовал большого количества жидкости, поэтому целыми днями мы ходили уже пьяные или еще с бодуном. Бодун после красного вина никак не вылечишь пивом, остается только красное вино. Белое вино было зарезервировано для приготовления картошки, макарон и риса. Несколько дней подряд мы отлично игрались нашим пьянством, но в конце концов нам это надоело. С огромным нетерпением мы ждали вечера.

Время кофепития, заваренного на свежей воде, т.е. последней пятилитровой емкости, мы праздновали как самый долгожданный праздник. Мы занимали свои места на скале, почти вертикально уходящей в море, и цедили прекрасный безалкогольный напиток из маленьких чашечек. Мы всматривались в светящийся шар заходящего солнца, точно также как день до этого. Сидя так уставившись в линию горизонта я не мог думать ни о чем другом кроме быстротечности жизни...

Когда совсем темнело мы шли спать или играли при свечах в шахматы на шахматной доске нарисованной ручкой на кухонном столе. Это не была всемирно знаменитая игра. И не только потому что фигуры

были сделаны из хлеба намоченного в красном вине. Король напоминал бы туру, а конь офицера, если бы не спички, которые мы воткнули в пешки. И сама игра была другой. Твоя мама не радовалась победе, но и не расстраивалась при проигрыше. Результат не имел для нас никакого значения. Целью была сама игра. Я видел в ее лице сосредоточенность и возбуждение, но этим она только нагнетала ситуацию, которая требовала размышлений. Чем труднее, тем лучше. Чем больше решений, тем интересней. Чем меньше предсказуемости, тем больше увлекательности.

Шахматы сыграли большую роль в наших отношениях. Это началось на прогулке в парке на нашем втором свидании. Ну ни так сразу, потому что я ждал ее четыре часа и в голову мне приходили разные мысли. Даже то, что она меня обокрала.

- Украла что?

- Диктофон, который я ей отдал на первом свидании. Я дал ей его, чтобы она записала свой стих.

- Ты мог просто пойти и забрать его - рассудительно заметила дочка.

- Я не мог, потому что я не знал ни ее адреса, ни фамилии и к тому же она не разрешила себя проводить.

- Ты дал незнакомке свой любимый диктофон? - удивилась она.

- Дал. Даже сам не понимаю почему... После двух часов ожидания я не мог себе этого простить. Я подумал, что повел себя как дурак, отдав свою самую ценную вещь какой то незнакомой девчонке. После пятнадцати минут я был просто уверен, что она продала его на базаре. А после четырех часов, все еще всматриваясь в двери кафе я подумал, что с ней могло что то случиться. Может она попала в аварию? Попала под трамвай? Ей отрезало ноги?

- Но она его все-таки принесла?

- Нет. Пришла и сказала, что у нее дома были проблемы и что она не смогла его принести и что ей не хочется сидеть в чайной и что предлагает прогуляться. Я так радовался смотря на ее две абсолютно здоровые ноги, что сказал, чтобы она не переживала и что диктофон мне временно не нужен.

Идя через парк мы остановились возле старичков, которые играли в шахматы.

- Ты любишь играть в шахматы? - спросила она.

- Не только люблю, а просто обожаю - ответил я.

- Тогда давай сыграем - предложила она. Мне очень понравилась эта идея. Я мог проявить себя с очень хорошей стороны.

В первой же партии она создала настолько сложную ситуацию, что я потерялся, но все-таки после нескольких ходов выиграл без всяких проблем. Я радовался как ребенок, прыгая от счастья. Она попросила о реванш. Я конечно согласился и в момент, когда был абсолютно уверен, что выиграю и мне казалось, что я смогу сделать мат через пять ходов, мне самому сделали мат через четыре хода. Я был так зол на себя и нее тоже. И обозлен на весь мир. Я объяснялся, что это всего лишь случайность, что я не заметил коня, что я устал, что мне мешает шум в парке.

- Ты меня обманул... - посмотрела она на меня с улыбкой и закончила абсолютно серьезно: - Ты ведь не любишь играть в шахматы. Ты любишь выигрывать.

- Неправда... - запротестовал я.

- Мария вон Эбнер-Эсхенбах сказала когда-то: "Смотреть без зависти как другие достигают успехов в том к чему ты сам идешь является величием". Помни об этом.

- А держаться за руки и смотреть в том же направлении это счастье, как говорил Антон Сент Экзюпери. Этого тоже не забывай - отрезал я ей тотчас же.

- Встречаемся утром в то же самое время. Я сыграю с тобой на что угодно. Хочешь? Я смогу тебя убедить. У тебя есть время до утра, чтобы выдумать то о чем ты не пожалеешь. А теперь мне надо идти. Не провожай меня. Пока! - и ушла.

У меня было такое лицо, будто мне кто-то посолил компот. Целый вечер я прокручивал в мыслях проигранную партию до тех пор пока я не понял, что проиграл ее только из-за своей глупости и уверенности в свои возможности, укрепленной первой выгрынной партией.

Она не была гроссмейстером, делала много ошибок, которые казались мне засадами. Вполне уверенный в своей утренней победе я спокойно пошел спать. Но я не мог заснуть. У меня были диллема: на что я могу сыграть? Что для меня самое важное? Что такого ценного есть у нее, чего я не смогу ни за что получить? Конечно же секс. Я хотел ее. Я очень ее хотел... Эта девушка вела себя очень развязанно и

провоцирующе, скорее всего у нее было уже много мужчин. Для нее секс скорее всего являлся повседневным хлебом.

Я знал, что я выиграю.

Я прготовил очень красивую открытку с тюльпанами. В приливе мужества я написал там свое желание. Я положил ее в розовый конверт и очень довольный собой пошел спать.

А ночью мне приснился сон про завтрашний день как будто это было воспоминание. Как я играю в шахматы и выигрываю. Как она идет со мной в гостиницу. Как страстно занимается со мной любовью. Как она уходит и я никогда больше ее не вижу. Как я влюбляюсь. Как шатаюсь по улицам и ищу ее. Как расспрашиваю официанток видели ли они ее. Как целыми днями я сижу в чайной и жду пока она появится и даст мне еще один шанс начать все заново.

Я проснулся в ужасе. Я уже вкусил это депрессивное чувство бессильности, когда ожидая ее много часов, зная что у меня нет ни одного шанса на то, чтобы ее найти, потому что я даже незнаю ее фамилии.

Как сильно бы я пожалел об этой "победе". Я решил, что буду играть с ней на что то совсем другое, намного более ценное. Я вспомнил ее слова: "к утру тебе надо придумать что такое о чем ты не будешь жалеть".

Я встал. Порвал открытку с тюльпанами. Взял чистый лист бумаги. Я знал, чего я не пожалею. Я заклеил конверт и сразу же заснул.

- Ну хорошо, ты начал рассказ про туалет, а закончил про шахматы... - вставила дочь.

- Я как раз до этого дошел. Мы как раз сидели на скале и восхищались закатом солнца. Стемнело. Вставая я потерял равновесие и чтоб не разбить голову, потому что именно она казалась мне самой ценной частью тела, вытянул руки вперед. Сразу же под поверхностью воды была скала. Руки к сожалению не смягчили удара. Я вывихнул себе запястья и содрал кожу с обеих рук. К тому же я ударился головой о скалу. Я чуть не утопился, потому что от сильного удара я на момент потерял сознание. Совершенно потеряв ориентацию, я плыл только с помощью ног, потому что каждое движение рукой доставляло мне невыносимую боль. Но хуже всего была эта пустота в голове. Стопроцентная амнезия! Я помнил только свои имя, фамилию и дату рождения.

На берегу стояла какая-то незнакомая, обнаженная женщина и улыбаясь звала меня по имени. К сожалению я не мог вспомнить откуда я ее знаю. Когда мне наконец-то удалось без помощи рук выбраться на берег, совсем стемнело. Должно быть я выглядел ужасно с кровью на лице, потому что эта женщина стала не только очень серьезной, но также испугалась. Она спросила все ли со мной в порядке. Я ответил, что все в порядке. Это была абсолютная правда, потому что в голове у меня была огромная пустота.

Я пошел за ней, стыдясь своей наготы, но она относилась к этому как к чему то совершенно нормальному. Я подумал, что скорей всего это медсестра раз она посадила меня на табуретке и начала осматривать мои раны. Когда она полила мои руки йодом я потерял сознание.

Проснулся я на следующий день около полудня. Мне хотелось по маленькому. Я вышел из домика и решил, что это не вполне возможно, потому что я не могу даже пошевелить пальцами рук, не говоря даже об удержании члена. Вместо того чтобы пойти в уборную я примостился в кустах.

Я уже знал кем была медсестра, но в голове у меня еще была огромная дыра. Например я не мог всомнить в какую школу после начальной я ходил и есть ли у меня братья и сестры. Память возвращалась по тихоньку, а именно тогда когда я не сосредотачивался на том чего я не помню. Так иногда бывает, что когда мы чего то сильно хотим, тогда наше желание становится важнее цели.

Твоя мама решила позвать помощь. Несколько часов я объяснял ей мое собственное мнение:

- Если мы не выдержим этой семинедельной пробы пребывания на острове то можем спокойно выбросить нашу женитьбу на мусорку как упаковку от кофе. Наша жизнь и то что мы с ней сделаем должно быть самым важным для нас. Лучше будет если я останусь инвалидом нежели чтобы мы поддались и позвали на помощь. Я буду кричать от боли когда она станет вправлять мне запястия, но это наш единственный шанс быть вместе...

Она не хотела меня слушать и упрямылась, что вечером выстрелит ракету. Я переубедил ее лишь тогда, когда сравнил нашу ситуацию с партией в шахматы.

- Давай посмотрим, что будет дальше, вместо того, чтобы всегда жалеть о том, что не хватило мужества.

Она согласилась не вызывать помощь до следующего дня. К счастью меня не рвало, а значит у меня не было сотрясения мозга, только лишь огромные провалы в памяти. К счастью она об этом не знала. Только после двух недель, когда я был абсолютно уверен, что уже все могу вспомнить я рассказал твоей маме о всей комичности и трагичности ситуации, в которой окажется человек без прошлого.

- А что было с запястьями? Она тебе их вправила?

- Да, без особых проблем. Я орал от боли, когда она это делала упираясь ногой в мою грудную клетку... Больше недели я носил в руках ракетки от пинг-понга, чтобы не двигать руками. Ну а теперь начинается обещанная история с туалетом. В конце концов ты дождалась.

Туалет

- Жалко, я думала, что вначале ты закончишь историю о знакомстве - пошутила дочь.

- Почему бы и нет, для меня это как раз плюнуть - засмеялся он. - Если ты предпочитаешь знакомство... Для меня абсолютно без разницы, рассказывать о острове, либо рассказывать о том как дрожал у меня голос, когда я первый раз спросил ее не хочет ли она выпить чая по-английски.

- Папа пожалуйста не смейся с меня.

- Ну ладно. Она согласилась, чтобы я купил ей чай по-английски. А когда студент с гитарой сделал себе перерыв даже поинтересовалась зачем я ношу с собой диктофон и фотоаппарат. Коротко я рассказал ей о своем хобби и том как я консервирую жизненные моменты, но все-таки я и так боялся что говорю слишком долго и скоро ей станет скучно. Нет, все-таки она меня слушала и даже улыбалась.

- А ты бы не хотел меня увековечить? - спросила она.

Ни о чем другом, как о увековечивании девушки, которая мне улыбнулась я даже и не мечтал в ту минуту. Я был счастлив несмотря на то, что она разрешила сфотографировать себя только один раз.

Мы вышли наружу, договариваясь прежде с нашими соседями, что посмотрят за нашими местами. Она встала на стене Старого Города. Я счелкнул фото. Она улыбнулась сверху, держа в руках мягкую игрушку-талисман по имени Илонка.

- Значит именно эту фотографию ты носил раньше в своем бумажнике? - спросила дочка, голосом поклонницы криминальных романов, пробуя разгадать, кто же убийца. - Как же все-таки ты ее любил! Ты ведь зависел от нее!

- Полностью зависимым от твоей мамы я был с вывихнутыми запястьями. Я был тогда беспомощен как младенец. Меня нужно было перевязывать, кормить с ложки и подтирать. Это последнее было одним из самых прудных. Я бы не мог с этим справиться, если бы она не подходила к этому с юмором. Ни одного единого раза она не дала мне понять, что я являюсь для нее обузой, даже наоборот, она радовалась. Смеясь она меня называла Большим Ребенком.

Мы умели радоваться всему что бы не преподносила нам судьба. Веселило нас даже неимение кофе при закате солнца, потому

что всю без остатка пресную воду она использовала, чтобы промыть мне раны на голове и руках. В тот день наш дневник начинался со слов: "Перед тем как мы уселись на скале, чтобы восхищаться закатом солнца без кофе..."

На следующий день потемнело и после полудня началась гроза с молниями. Это замечательная вещь - душ с неба, падающий огромными каплями прямо в рот и хлюпающий в ботинках. Наконец-то мы могли помыться. Твоя мама намылила меня старательно. Потом намылилась сама. Мы танцевали в раю, белые от пены как снеговики. Смотря на небо мы ждали когда дождь смоет с нас всю соль, грязь и пену. Теперь, когда бы ни шел дождь, я вспоминаю то бодрящее чувство.

Всю работу по наполнению емкостей стекающей с крыши водой нужно было сделать твоей маме. Я только приносил пустые посудины. Бутылки из-под вина, кастрюли, тазики, банки, стаканы, кружки и даже сквороду и масленницу. Когда все емкости уже были наполнены сладкой водой льющейся с неба я нашел еще мыльницу и тогда дождь закончился... Точно также неожиданно как и начался. Снова засветило солнце.

Мы приготовили себе двойные порции кофе, пошли на нашу скалу и сели к солнцу задом.

Он замолчал. Смотрел отрешенными глазами куда-то поверх дверей операционного зала и улыбался сам себе. По щекам у него лились слезы.

- Папа, что с тобой? - начала беспокоиться она смущенная его слезами.

- У тебя может быть бумажная салфетка? - спросил он.

Она порылась у себя в сумке и подала ему салфетку. А он так и сидел не вытерев слез с салфеткой в руках.

- Скажи, сейчас случайно не одиннадцать тридцать? - спросил он, хотя у него на руке были часы.

- Да, а точнее сейчас одиннадцать тридцать одна. А откуда ты знаешь?

- Потому что тогда на часах было одиннадцать тридцать.

- Когда? Когда был закат солнца?

Он громко высморкался и посмотрел на нее как на идиотку.

- Доченька дорогая о чем ты говоришь? - спросил он весело. - Ты что видела закат солнца перед полуднем?

- Папа, ты или плачешь или делаешь из меня идиотку. И кто из нас ненормальный? Скажи наконец что случилось.

- Предпочитаешь по пунктам или как следующий рассказ?

- Давай по пунктам, а то ты снова начнешь строить свои многоэтажные ассоциации - ответила она.

- Ок. Итак... Только не придирайся ко мне, что мои предложения начинаются со слова "итак", а то я сразу вспомню какую-нибудь другую историю и мне нужно будет ее рассказать...

- Я ничего не сказала.

- Итак *primo voto*, твоя мама выздоровеет, операция прошла успешно.

- Откуда ты знаешь?

- Ты хочешь услышать второй пункт или обширные разъяснения откуда я это знаю?

- Давай второй пункт.

- Если был первый *primo*, тогда пришла очередь и второго *primo*.

- Я наверное застрелюсь! - в ее голосе была радость. Скорее всего она поверила, что он может предугадывать события и непонятно как узнал как прошла операция.

- Еще не сейчас, иначе ты никогда не узнаешь откуда я узнал, что... А именно тринадцатого августа, когда твоя мама сказала, что хочет быть со мной в болезни и в здравии, часы в костеле указывали на одиннадцать тридцать...

- И это все? - спросила она разочарованно, стряхивая с носа какую-то соринку.

- Нет. Это не все...

Двери операционного зала открылись и к ним вышла улыбающаяся медсестра.

- Все самое трудное уже позади. Операция продлится еще час. Вам не обязательно здесь сидеть. Внизу есть кафе, можете пойти выпить кофе.

- Спасибо вам за прекрасные новости. Очень хорошая идея с этим кофе, нам он понадобится... - сказал он и всал со стула.

- Папа! Сядь! Сейчас же! Я тебя предупреждаю, что я или сойду с ума или тебя побью. Ты ведь уже знал, что все будет хорошо, скажи откуда?

- Минуту назад я снова там был, ну или по крайней мере мне так показалось... - он прошептал ей на ухо, покорно садясь обратно.

- В операционном зале?

- Нет. На острове. Я снова сидел с твоей мамой на скале спиной к заходящему солнцу.

- Почему спиной? Вы что полюбили дождь и обиделись на солнце?

- Ты должна догадаться почему мы сели спиной к заходящему солнцу, если дождь как раз перестал идти. Мы смотрели на восход и восхищались непрекраснейшей двойной радугой на небе полным грозовых туч... она смотрелась как освещенный выезд из тунеля ведущего в другой мир. А вокруг была необычайная тишина. Скорее всего все цикады намочили от дождя и перестали шуметь.

Уставшие от собирания воды, мы с прижимались друг к другу так сильно переполняющим меня счастьем, что можно было получить сердечный приступ.

- Ты ведь знаешь, что этот дождь и эта радуга это подарок для нас. - прошептала твоя мама, поднося глаза в небо. - Спасибо, что благодаря тебе я могла познакомиться с Андреем.

- Я знаю - ответил я.

- Сегодня исполняется месяц от нашей свадьбы. Прав был ксендз Бронек, который говорил, что нет в жизни случайностей, есть только знаки и подарки от Бога.

По нашим щекам текли слезы. Никогда больше мы не чувствовали такого интенсивно осязаемого счастья. Перестали существовать Ты и Я, а родилось Мы. Похожее чувство единения ты сможешь почувствовать, когда ты будешь рожать, а твой муж будет держать тебя за руку и плакать от счастья.

- Вдруг фильм закончился - отец возвратился к своему привычному тону. - Радуга пропала. На темном экране неба не появилась ни надпись The End, ни даже реклама Кодака. На остров возвратилось время трезвенности, вареной в воде картошки и кофе во время заката солнца.

Сад

- Теперь мы можем перекусить? Твоя мама наверняка получила порцию физиологической соли, а нам нужно позаботиться о нас троих. Как ты думаешь?

- А если маму сейчас вывезут а нас здесь не будет? - подумала вслух дочь.

- Ты слышала, что до окончания операции остался целый час? Лучше будет если твоя мама увидит два довольных лица, а не две кислые мины. Пошлите!

Больница казалась абсолютно пустой, в коридорах совсем не было людей.

Без всяких трудностей мы нашли кафе с пальмами и столиками украшенными цветами.

- Что будете кушать, а что пить? - спросил он весело.

- Я хочу кофе и яблочный пирог. Помогу тебе.

- Я справлюсь! У меня есть потребность вас обслужить - он посадил ее за столик, подставляя стул.

Через минуту он возвратился с подносом на котором стояли две чашки с кофе и двумя кусками пирога.

- Как ты догадался? - спросила она, добавляя сливки к кофе.

- Я подумал, что точно также как твоя мама ты любишь кофе со сливками.

- Папа я не об этом!

- А о чем?

- Но ты знаешь...

- Что знаю? Ничего я не знаю. Откуда бы я мог знать?

- Папа!

- Доченька! - дразнился он.

- Пожалуйста не притворяйся.

- Я не притворяюсь. Просто никто мне еще ничего не сказал.

- Папа откуда ты знаешь, что я жду ребенка?

- А, ты это имеешь ввиду - сказал он с наигранным удивлением. –

А как ты догадалась, что я догадался?

- Потому что ты начал разговаривать со мной во множественном числе. А ты как?

- Совсем по другому. Ты ведь ни разу не назвала меня на "вы".

- Папа пожалуйста объясни мне как ты догадался.
- Сказать тебе в короткой форме или ты хочешь чтоб я рассказал тебе это в байке?
- В сокращении.
- Потому что в течении минуты ты почесала нос три раза.
- Я? Когда?
- Первый раз, когда ты давала мне салфетку, а третий раз, когда сказала мне сесть.
- Ладно. А теперь расскажи полную версию этой истории.
- Однажды мы навещали твою прабабушку. - сел он удобно.

Скорее всего, когда он заказывал кофе, то продумал всю историю. - Ты бывала там часто и наверняка помнишь черешневый сад, который зацветал весной. Он выглядел так, словно его замело снегом или его посыпали сахарной пудрой.

- Когда это было?
- Каждой весной он так прекрасно цвел.
- Когда произошла эта история о которой ты рассказываешь?
- Тогда когда цвел сад, а если тебе нужна точная дата, то посчитай сама. Вычти от даты своего рождения девять месяцев. Тогда у нас еще не было машины, а со станции нужно было идти пол часа. Бабушка была чудесной очень хорошей женщиной, человеком необычайно религиозным и как говорилось в те времена у нее был негибаемый моральный позвоночник. В период когда мы были обручены с твоей мамой и когда на глазах у бабушки я ее поцеловал, я сразу же получил тряпкой по голове. "Только муж может целовать! Не раздавай поцелуев направо и налево, а то станут слишком обыденной вещью." - учила она свою внучку, зная что мы уже были обручены.

В тот день бабушка приняла нас очень сердечно, как будто готовилась к нашему визиту. Она накормила нас обедом и потом аж до вечера рассказывала про своего трагически погибшего сына. Портрет твоего дедушки висел сразу напротив дверей спальни над большим семейным ложем, в котором как говорила бабушка он появился на свет.

Потом был ужин с черешневой настойкой собственного производства и следующая часть воспоминаний. Мы хотели уже уходить, чтобы не опоздать на поезд, но бабушка так интересно рассказывала, а у нас совершенно не было смелости чтобы ее прерывать, ведь это был смысл ее жизни. Когда часы с кукушкой

пробили девять мы начали в спешке прощаться, а она решила за нас: "нет смысла, чтобы вы там лазили среди ночи. Может поедете завтра утром, а я вам приготовлю место где переночевать?". Она достала из шкафа самодельное кружевное постельное белье и попырскала его жасминовыми духами.

Мы сидели молча за столом и смотрели как она расстилает для нас свое огромное семейное ложе. Он так старательно это делала, будто стелила его для себя и своего мужа. "Ну чего вы на меня так смотрите, у меня нет тряпки в руках. Вы же уже семья и вы можете делать все что угодно, не только целоваться как голубки". "Но у нас нет с собой ни пижам, ни..." - пытался протестовать я совершенно обескураженный потому что все что происходило не умещалось у меня в голове. "Зачем вам пижамы? Под периной вам будет тепло. Спокойной ночи" - сказала она и вышла из спальни.

Было не то что тепло, а было жарко, потому что матрас тоже был пуховой. Мы лежали словно укутанные в горячее облако.

- Я хочу заняться с тобой любовью - прошептала мне на ухо твоя мама, как будто это была самая сокровенная тайна.

- Но у нас нет с собой...

- Знаю, я заметила как в самый последний момент ты прикусил язык.

Мало оставалось и ты бы еще сказал бабушке, что у нас нет с собой презервативов, тогда бы она точно стукнула тебя тряпкой по голове.

Мы смеялись представляя себе бабушку с мокрой тряпкой, стоящую при нашей кровати, контролирующую занимаемся ли мы любовью так, как завещал Господь Бог.

Нам очень захотелось иметь ребенка. Мы только ждали какого-то необычного момента или места... луг с цветами или поле с пшеницей, которое сделает эту прекрасную минуту святой, чтобы позвать в этот мир нового человека. Я обещал, что буду осторожен.

Мы занимались любовью очень страстно, по крайней мере мне так казалось. В тот момент когда мне казалось, что как раз пришел тот самый момент твоя мама тоже это заметила и начала смеяться.

- Отметь, что если ты так осторожен, то я слежу чтобы ты был осторожен и не запачкал этой кружевной постели...

- Ты заметила? - спросил я ее смеясь, представляя себе реакцию бабушки после того, как она заметит пятно на постели. Может вместо завтрака я получу мокрой тряпкой по голове?

- Я считаю, что это идеальное место, чтобы наконец-то мы перестали быть осторожными - засмеялась она радостно.

Спотевшие мы еще долго лежали в постели, которая грела нас как печка. И мы разрывались от смеха через каждую вторую минуту. Больше всего нас смешило представление, как достойно и серьезно происходило зачатие твоего дедушки в этой кружевной постели, пахнущей жасмином. Я встал и открыл окно. Небо над черешневым садом было усыпано звездами.

- Иди сюда, а то ты простынешь.

- Подожди секунду... - я так долго смотрел в небо аж замерз.

- Что ты там ищешь?

- Ту звезду на которой она будет ждать еще девять месяцев.

- Я люблю тебя, дурачок - услышал я самый лучший комплемент от твоей мамы.

Две недели спустя вместо ежемесячной депрессии и криков, предшествующих использованию прокладок, она начала потирать нос и смеяться без причин. Я был уверен, что скоро ты появишься в нашей жизни. А теперь ты повторила тот же самый жест, когда смутилась моими слезами. Мне сразу же вспомнилось, что я его знаю, но вначале я не мог вспомнить откуда. Только после того, как ты повторила его третий раз, меня вдруг осенило и я вспомнил, что он означал, когда делала его твоя мама.

- Ты прав, я жду ребенка, тест так показал, но мы решили с мужем, что пока что никому не будем об этом говорить, пока тест УЗИ этого не подтвердит. Только ты об этом знаешь. Пожалуйста не говори никому про это. Даже маме. Обещаешь?

- Клянусь пуповиной - сказал он празднично.

- Папа...

- Я слушаю.

- Я так рада, что ты пришел...

- Я тоже рад, что ты меня слушаешь и что в конце концов я съем пирог.

- В этом кафе очень тихо... Я чувствую себя так будто мы сидим на лугу, окруженные снежными горами.

- Ты себя так чувствуешь? - спросил он вдруг серьезно.
- Что случилось?
- Который час?
- Двенадцать двадцать восемь.
- Тогда невозможно, чтобы это было это - вздохнул он с

облегчением.

- Скажи в чем дело?
- Тогда было тринадцать тридцать две.
- Почему ты такой загадочный? Что случилось?
- Но это была зима и зимнее время. Пошли. - Он быстро встал.
- Ты не доешь пирог? Ты же любишь.
- Пошли. Пирог абсолютно не важен сейчас.

Он пошел не дожидаясь ее. Она бежала за ним по коридору, чтобы успеть. Он совсем не обращал на нее внимания. Он открыл двери приемной и увидел надпись "не входить", которая все еще светилась красным цветом. Он сел на стуле и уперся взглядом в двери операционной. Без лишних слов она села рядом с ним. Очень энергично в приемную зашел какой-то пожилой врач, наверное заведующий отделением. Не обращая на них внимания он открыл дверь операционной.

- Что-то плохое с мамой? - спросила она.
- Очень плохо.
- Она выкарабкается?
- Я незнаю. Должно быть ясно в течении пятнадцати минут. В

тринадцать тридцать две сошла лавина.

- Какая еще лавина?

- Обыкновенная. Снежная лавина. Сошла в месте, в котором никогда не сходила. Прямо на ослиный лужок на котором мы были с ней одни. Остальные ученики уходили как раз на обед, а мы решили что лучше остаться, чем ждать в тесной столовой пока один из столиков освободится. Я успел еще съехать "более менее" как сказал мой учитель, т.е. более на попе а менее на лыжах. Я стоял у подножия и смотрел как твоя мама будет съезжать. Вдруг я заметил, что где-то двести метров выше отрывается снежный пласт. Я махал маме, чтобы она съехала в бок. Но она думала, что я выдуриваюсь и вместо того, чтобы ехать она отложила палки и начала махать мне в ответ.

Если бы я тогда не помахал, может быть она бы успела тогда съехать. Я видел как ее поднял снежный туман и понес с собой. Прямо на меня. Я начал в страхе убегать. Я бежал, заслонив лицо руками и абсолютно потерял ориентацию.

Вокруг была только темнота. Через несколько мгновений мне удалось пошевелить ладонью. Я был забетонирован снегом. Я не знал где верх, где низ. Мне казалось, что с правой стороны темнота кажется не такой темной. Освобожденной рукой я начал рыться в том направлении в холодном бетоне.

Потом я начал задыхаться. И вдруг моя рука пробила снег. Надо мной было только десять сантиметров снега и я почувствовал воздух. Я мог дышать.

Наш учитель вместе с учениками были еще в близости и видели, где меня накрыла лавина. Они увидели мою руку торчащую из-под снега и откопали меня за две минуты, используя для этого лыжи. Сам бы я наверное копался два часа. Они очень радовались, что меня нашли. Я был такой уставший, будто перелопатил тону угля.

- Где моя жена? - они поопускали глаза. Никто не видел в какую сторону унесла ее лавина.

- Давайте ее искать! - закричал я.

- Успокойся сейчас приедет служба спасения с собаками - сказал учитель.

- Сколько времени она сможет выдержать под снегом? - спросил я.

- Пятнадцать минут и потом человек задыхается.

Я понял что пятнадцать минут это самый последний срок. Я начал задыхаться после одной минуты. Около пятидесяти метров дальше валялось то что осталось от лыжной будки. Я побежал туда. Из снега торчала ручка лопаты, но она была забетонирована в белой массе. Мне удалось оторвать какую-то доску и этой доской я откопал лопату. С триумфом я поднял ее вверх и закричал:

"у меня есть лопата!". А они стояли неподвижно, будто позамерзли. Я же побежал в середину этой снежной горы и начал копать. Я слышал их комментарии.

- Мужик сдурел.

- Ты бы тоже сдурел, если бы знал, что твоя жена может умереть в каждый момент, а ты не можешь ничего сделать, потому что не знаешь даже где она.

- Может он ее найдет?

- С помощью лопаты? Очнись, здесь с помощью бульдозера не раскопаться до весны.

- Надо его остановить...

- Пусть полностью устанет.

- Сейчас приедет скорая и ему дадут успокоительное...

- А что с его женой?

- Через три, четыре дня собаки найдут труп, когда тот начнет вонять.

- Я не могу на это смотреть!

- Смотрите, он перестал копать. Быть может нашел?

Я не нашел. Я понял, что копать бессмысленно. Я копал три минуты, а выкопал яму величины ванны. Снег с каждым следующим сантиметром

становился все тяжелее. Я упал на колени.

- Нет, он понял и молиться о чуде... - прокомментировал учитель.

Через приемную пробежал санитар с переносным холодильничком и открыл двери в операционный зал. Кто-то взял его и санитар снова прошел через приемную.

- Папа, что это было? Что он принес?

- Кровь. У твоей мамы началось внутреннее кровотечение и им понадобилось больше крови, чем было приготовлено к операции.

- Какие у нее шансы?

- Скоро мы узнаем.

Она взяла ладонь отца в свою руку и сильно стиснула пальцы.

- Рассказывай дальше! - потребовала она.

- Это предложение: "Молиться о чуде" возвратило меня к чувствам. Я вспомнил слова твоей мамы: "Чудо находится в нас самих. Никогда не жди его откуда-то снаружи". Я подошел к ним и сказал: "а теперь замолчите все! Первого кто начнет говорить я убью лопатой!" Они думали, что я сошел с ума. Они знали, что я готов был это сделать не моргнув и глазом.

Одному из них я сорвал лыжную шапку и натянул ее себе на глаза аж по самый рот, так чтобы ничего не было видно. Я полжил

лопату на одном пальце так, чтобы она оставалась в равновесии. Я вытянул руку вперед и начал ходить по снегу туда сюда. У меня были закрыты глаза. Все время я видел отчетливо подвижные фиолетовые пятна с цветными краями. Возможно это было в следствии нехватки кислорода. Вдруг я почувствовал, что лопата теряет равновесие. Я сделал два шага вперед... Лопата стала в равновесие. Я сделал шаг назад. Она опять потеряла равновесие. Я стянул шапку с головы и как ненормальный начал копать. После нескольких движений я увидел что-то блестящее. Мне показалось, что это ребро монеты или же крышка от пива, но все-таки я нагнулся... Это было обручальное кольцо, а в нем палец.

- НА ПОМОЩЬ! - заорал я со всей силы. Потом я уже узнал, что меня услышали в радиусе трех километров. Наступила ужасная неразбериха. Подбежали сразу около тридцати человек.

В течении нескольких минут мы откопали твою маму. Она лежала навзничь, ладонями закрывая лицо. Кольцо было ближе всего к поверхности, под двадцатисантиметровым слоем снега. Она была без сознания и не дышала, но пульс все еще чувствовался. Я повернул ее голову назад и начал вдыхать в легкие воздух. После нескольких вдохов она начала кашлять. На несколько минут она пришла в себя и криво улыбнулась. Смотря на меня, она прошептала: "Я знала", и снова потеряла сознание. Подбежали санитары с носилками. Один из них помогал мне идти. Я был без сил.

Она пришла в сознание только в машине скорой помощи. Я почувствовал как ее пальцы сжимают мою ладонь. В больнице ей поставили капельницу. Ей сделали все необходимые исследования и мы ждали результат. Я сидел возле ее кровати и держал ее за руку.

Мы ничего не говорили друг другу до тех пор пока не вернулся врач с результатами анализов. Он сказал, что все в порядке, что переломов нет, только небольшие ушибы. Если сердце не остановилось, то даже и не надо переживать про нехватку кислорода в голове, но им надо понаблюдать за ней по крайней мере три дня. Тогда я узнал, что она находилась под снегом целых девять минут. Я не мог этому поверить. Мне казалось, что прошел целый час, прежде чем я заметил кольцо.

Врач посмотрел на меня с каким-то недовольством и сделал какой-то дурацкий комментарий. Он сказал, чтобы я в конце концов

вышел, а то испачкал уже всю постель и пол. Я посмотрел на свои ладони. У меня не было ногтей...

- Мне нужно кое-что уладить, я вернусь вечером. - я поцеловал твою маму в лоб и вышел.

- Я знаю - прошептала она.

От больницы до стоянки, где я оставил машину, было всего пять минут, но мне потребовалось в три раза больше. Я сел в машину и поехал в маленький костел за город. Там было тогда совсем пусто. Я не поехал туда, чтобы молиться, по крайней мере не для того чтобы читать молитвы. Мне нужно было как-то отреагировать, я чувствовал в себе огромное напряжение. Я боялся, что просто сойду с ума. У меня начались конвульсии и я упал посреди костела, закрыл глаза руками и оставался в такой позиции аж до тех пор, пока не перестал плакать. Потом я подошел к алтарю и встал на колени. Смотря на крест я переживал *dejà vu*.

Я был знаком со всеми этими эмоциями. Я вспомнил свою жизнь, все дни, день за днем. Я хотел найти в своих воспоминаниях то время, когда переживал похожие эмоции. Нашел. Это были те же самые эмоции как и во время моего предложения руки и сердца. С того самого момента, когда я сказал: "Вся жизнь на мусорку" и еще из детства...

Я вернулся в гостиницу. Девушка в регистратуре испугалась. Только тогда когда я посмотрел в зеркало я понял, почему она так меня испугалась. Я выглядел так будто участвовал в церемонии сатанистов и только что зубами распотрошил живую курицу.

Я помылся, надел белую рубашку и галстук. Пальцы я заклеил пластырем из аптечки. По дороге в больницу я еще успел купить цветы.

Твоя мама с огромным аппетитом пожирала ужин. Мы разговаривали о глупостях, о том как я сильно ее хочу и обо всем другом, что совершенно не асоциировалось со снегом.

Ночь я провел в гостинице. Возле регистратуры меня зацепил какой-то журналист. Он делал репортаж об опасности лавин. Я договорился с ним на следующий день в полдень в больнице. Я хотел спросить разрешения у твоей мамы.

А утром она встретила меня со словами:

- Я хочу домой.

- Хорошо дорогая через три часа мы отсюда уедем.

- СЕЙЧАС! - крикнула она.

До меня дошел смысл слова "хочу". "хочу является сиамским близнецом "сейчас".

- Но это только для твоего же добра... - попробовал я нежно.

Она зажмурила глаза так, будто очень разозлилась и прошипела:

- Ракета.

Я ей это задолжал. Она ведь поддалась моим уговорам и не выстрелила из ракеты, когда я был ранен на острове.

- Хорошо. - я вернулся в гостиницу и собрал все наши вещи. Я очень громко спросил девушку из регистратуры, как они желают чтобы мы давали интервью в холле или в ресторане.

Через минуту меня попросили пройти к директору.

Шарлотка

Владелец отеля спросил, что мы планируем сейчас сделать. Я признался, что с наибольшим удовольствием возвратился бы сейчас домой, но к сожалению мы абсолютно не подготовлены к праздникам.

Он возвратил мне всю оплаченную мной сумму, не отсчитывая ничего за три дня пребывания. А на дорогу мы получили огромную коробку с едой отменного качества и ящик вина. Из-за сезона у гостиницы не оказалось никаких проблем, чтобы сдать нашу комнату. Скорей всего они предпочли, чтобы все это дело слегка утихло. Лавина помешала прочувствовать все праздничное настроение, а также ослабила чувство безопасности в целом городке. Час после этого "по собственному" желанию твою маму выписали из больницы. Они не сопротивлялись как только услышали о планируемом по полудню интервью с журналистами. Прямо из больницы мы возвратились домой. А в противоположную сторону ехали толпы лыжников, истосковавшихся по снегу. Мы поделились хлебом вместо облатки. И потому что мы довольно хорошо выспались то поехали на всеночное рождественское служение в тот костел в котором мы звонили в колокола.

Все рождество мы провели в постели. Мы даже не включали телевизор. На протяжении двух дней твоя мама боялась выпустить меня из своих объятий. Но на третий день, когда мы обсудили все возможное о тех девяти минутах, жизнь обратно встала на свои рельсы. Я мог снова закрывать двери туалета...

Из операционного зала вышел заведующий. Он посмотрел на них, улыбнулся и исчез не говоря ни слова.

- Все наши знакомые были убеждены, что Рождество и Новый Год мы провели в горах. На все их вопросы мы отвечали бессмысленно, что предпочитаем пуховую постель вместо пуховых сугробов со снегом. Больше никогда, даже после развода я не пробовал научиться ездить на лыжах.

Когда ты слышишь слово "снег", первая возникающая ассоциация наверняка позитивная и напоминающая снежные вершины. А когда я слышу слово "снег", я тотчас же вижу белый бетон. До сих пор единственный снег на который я могу смотреть это снег, падающий за

окном, огромные хлопья падающие в свете фонаря. Я никому никогда не рассказывал этой истории и не думал, что это будет необходимо, но тем не менее я скорей всего был не прав.

- Папа, что с мамой?

- Ты видела этого доктора? Он улыбнулся, а значит им удалось становить кровотечение. Если бы она умерла, то он бы наверняка отвернулся и сделал бы вид, что нас не заметил.

- А как ты догадался, что происходит что-то плохое?

- Я? Это не я, это ты это почувствовала.

- Я ничего не почувствовала.

- Ты почувствовала, я просто озвучил интерпретацию твоих чувств. Я знал, что означают для твоей мамы "снежные горы". Это ты сравнила кафе с поляной среди заснеженных вершин.

- Ты думаешь, что я что-то почувствовала?

- Я верю в женскую интуицию.

- Может ты еще скажешь, что прежде, чем медсестра сказала нам идти попить кофе, я уже знала, что опухоль вырезали?

- Конечно.

- Папа, что еще ты мне хочешь внушить?

- А кто потер нос три раза еще до того как медсестра вышла к нам? Может я? А, что разве у тебя не было хорошего настроения когда я тебе рассказывал про радугу?

- Да, но это была реакция на твои рассказы.

- Тебе не нужно ни во что верить. Не все люди могут видеть с "широко закрытыми глазами".

- Но ты видел.

- Когда?

- Когда искал маму, засыпанную снегом.

- Если подумать логически, то твою маму должны были найти через три дня, когда тело начало бы разлагаться и собаки бы определили запах сероводорода, выделяющийся из останков.

- Тогда как это возможно, что ты ее обнаружил.

- Это абсолютно невозможно.

- Ты что обманул меня? Ты рассказал мне сказку?

- Ты можешь это принимать за сказку если хочешь.

- Я не верю тебе. Это не была сказка.

- В конце концов ты веришь мне или нет?

- Я сама уже не знаю.
- Bravo. Ты поняла одну из самых тяжелых вещей в жизни.

Правдой является только то, во что мы хотим верить.

- Ты хочешь меня убедить в том, что правда не существует?

- Я не знаю существует ли, этого никто не знает. Существует только субъективная правда. Она может быть одной для тебя и другой для меня, но совсем не обязательно, чтобы она противоречила.

- Нет объективной правды?

- Я не знаю. Но я знаю, что нет способов, чтобы правду доказать.

У меня нет ни малейшего шанса доказать тебе свое существование и то что оно не является продуктом твоего воображения, не говоря уже о всей правдивости моей истории.

- Можно ли вообще что-либо доказать?

- Только ты можешь себе доказать, что существуешь на основании того, что ты думаешь. Точно также ты можешь доказать себе все остальное, но никому другому.

- Но я хочу верить, что твоя история правдива.

- Тогда поверь и она окажется правдой.

- А ты в это не веришь?

- Я об этом даже не думаю. Для меня правда не имеет никакой ценности.

- А что для тебя тогда важно?

- Эффективность. То, что является эффективным, является для меня правдивым, независимо от того является это логичным или сумасшедшим.

- Ты веришь в волшебную палочку? - удивилась она.

- Нет. Несколько дней до Нового Года мы пытались повторить события того дня. Я даже украл у соседей похожую лопату для снега. Пусто, никакой реакции. Несколько десятков раз я ходил с завязанными глазами и несколько раз наступил на твою маму, а "волшебная палочка" даже не пошевелилась.

- А как ты думаешь, почему тогда после лавины, лопата дернулась два раза?

- Я не знаю.

- А как ты себе это объясняешь?

- Я думаю, что человек в экстремальных ситуациях реагирует совсем по-другому нежели обычно. Необычные моменты невозможно

объяснить с помощью прав господствующих в повседневной жизни. Точно также как и домохозяйка, которая весит пятьдесят киллограм не может поднять стокиллограмовой штанги. Но был зарегистрирован случай, когда женщина приподняла машину, которая весила тысяча четыреста киллограмов, а значит она смогла поднять тяжесть, весом превышающую в четырнадцать раз ее собственный вес, потому что подумала, что ее ребенок находится именно там.

- Двадцать восемь раз тяжелее, если она весила пятьдесят киллограмов.

- Она приподняла машину с одной стороны, а значит осилила семьсот киллограмм.

- Ты что, снова рассказываешь про мою маму?

- Нет, к счастью ей никогда не пришлось доставать тебя из-под машины.

- А у нее были какие-нибудь необычные способности?

- Да.

- Какие?

- Я уже тебе говорил, она играла в шахматы.

- Папа, почему ты не говоришь правды?

- Доченька, почему ты не веришь своей интуиции, если ты так безошибочно чувствуешь, что я хочу тебя обмануть?

- Почему ты хотел меня обмануть? Чтобы я больше не спрашивала?

- Потому что я обещал твоей маме, что никогда и никому об этом не расскажу.

- О чем? Мама была психически больной?

Он встал и начал ходить по приемной, казалось, что он ведет какой-то внутренний диалог, будто собирается принять какое-то важное решение. Он остановился возле дверей операционной и начал громко сам с собой разговаривать: "я думаю наступило подходящее время. Время для их мира и их жизни. Пускай они узнают нас именно такими какими мы были. Пусть им не кажется, что мы были лучше, умнее, прекраснее и рассудительней. Пускай они нас осудят, если захотят. Пускай нас считают либо нормальными либо дураками. Мы задолжали им всю правду а не только материал для построения памятников. Давай разрешим им жить без комплексов, на солнце, а не в тени недостижимых идеалов. Может наилучшим подарком какой мы можем им

преподнести это показать, что мы не были ангелами, а обычными людьми. Она освободила меня от супружеской присяги... А ты никогда не освободила меня от присяги молчания. Сделай это сейчас. Пускай она узнает всю правду. Нам уже ничего не грозит. Если она спросила, так пусть узнает всю правду про нашу жизнь от нас, а не из пыльных писем, найденных где-то на чердаке. Пришла пора воспоминаний. Ты не должна умирать, чтобы я мог этим поделиться. Я хочу ей рассказать потому также что хочу чтобы она нас помнила как живых людей, а не только как памятники. Хорошо, если ты предпочитаешь я расскажу все в веселом стиле. Может заодно я смогу избавиться от любви к тебе. Двадцать семь лет наверное уже хватит? Ты так не думаешь? До встречи, Бэлла".

Он подошел к дочери сидящей на стуле, встал перед ней на колени и прошептал:

- Замолчал, а всем казалось, что Войски все еще играет, а это играло эхо - процитировал он.

- Папа, ты что никогда не бываешь серьезный?

- Нет, даже когда я умру я попрошу вколоть мне в пиджак красную розу и купить номер юмористического журнала. Прошу, признай, что мой монолог перед дверями операционной произвел на тебя впечатление.

- У меня мурашки пробежали по коже, когда ты говорил.

- Я обожаю производить впечатление, а тем более хорошее. А знаешь, что на меня производит впечатление?

- Нет...

- А ты хочешь узнать?

- Очень хочу, скажи пожалуйста.

- Пирог с творогом - прошептал он таким голосом, как будто рассказывал тайну.

- Но сначала давай пойдем в цветочный магазин!

- Зачем? Будет лучше, если ты купишь маме цветы завтра. Она сегодня будет в реанимации, а там не разрешают цветы.

- Это не для мамы. Я хочу тебе купить красную розу еще до того, как ты умрешь - засмеялась она.

- Твоя шутка это самое лучшее доказательство того, что я твой отец. Чувство юмора ты унаследовала от меня, потому что в районе где мы жили почтальон и сантехник всегда ходили с кислыми мордами. Ну

пошли в кафе, а то мой мозг требует творожного пирога, мой желудок требует творожного пирога, мои кишки требуют творожного пирога...

- Он подал ей галантно свою руку, способ которому научила его его бабушка о том как легко подцепить девушку.

- Нет это я приглашаю - сказала дочь. - Я предполагаю, что сразу же надо будет купить три куска пирога.

- Я постараюсь, чтобы мой рассказ стоил этих трех кусков.

Он сел за столик у окна и спокойно ждал, когда придет с подносом дочка.

- Мне очень жаль, творожного пирога уже не было и я взяла шарлотку. Папа, ты знаешь с чем у меня ассоциируются эти белые стены? - спросила она шепотом.

- Знаю. С белыми стенами больницы.

- Откуда ты знаешь, что я именно это хотела сказать?

- Потому что во-первых, у меня нет припрятанной второй истории о горах, а во-вторых я не оставлю три куска шарлотки для того, чтобы помочь хирургу держать скальпель.

- Боже, почему именно этого человека ты сделал моим отцом? – проговорила она, поднимая вверх глаза.

Шахматы

- С чего мне начать? - спросил он с полным ртом.

- Скажи почему то, что ты рассказываешь про маму так сильно отличается от моих собственных воспоминаний? Ты мне рассказываешь о чудесной, теплой, сердечной, умной и любящей женщине. А по моему мама была эгоисткой, она думала только о себе и не интересовалась ни домом, ни семьей. Почему она так сильно изменилась?

- Ты попала в яблочко! Человек может измениться. В каждом из нас есть намного больше, чем нам кажется. Когда-то считалось, что это дьявол может нами так управлять, будто бы ангелы были слабаками и растеряли свои боксерские перчатки.

- А ты как считаешь?

- А я считаю, что эта шарлотка им вполне удалась.

- А как выглядит мир вне кафе?

- Доченька! Я люблю тебя! Наконец-то ты перестала повторять "папа, ну хватит".

- Потому что тебя уже не возможно изменить.

- Bravo! Ты перестала изменять то, что изменить невозможно. Я замечаю огромный прогресс в твоём персональном развитии. Так какую ты хочешь услышать историю: "шахматы" или "неизвестная история твоей мамы"?

- Я предпочитаю историю, которую я незнаю, потому что на следующий день ты выиграл в шахматы и пожелал узнать ее адрес.

- Ты совсем не угадала, было совсем по другому. На следующий день твоя мама очень пунктуально появилась в парке. Она улыбалась с уверенностью в своей победе.

- Привет паренек. Ты придумал на что мы будем играть? - я достал из кармана букетик ромашек и подал ей. Она была очень удивлена, но пыталась это скрыть, говоря очень красиво:

- У меня тоже есть что-то для тебя, потому что несмотря ни на что я решила сдержать свое слово. Я записала тебе кассету. У тебя будет сувенирчик в память о нашем знакомстве.

Я не спросил у нее, что означало "несмотря ни на что". По тому как она себя вела я понимал, что это наша последняя встреча.

- На что ты хочешь сыграть? - перешла она к главному.

- Ты сказала, что готова сыграть на все, что угодно, и поэтому ты узнаешь только в том случае если проиграешь. Если ты выиграешь, то никогда не узнаешь. В этом конверте запечатано мое желание, моя добрая волшебница, исполняющая все мои желания.

- Ты меня удивляешь, паренек - ответила она.

- А ты знаешь на что будешь играть ты и каким будет твое желание? - спросил я.

- Я тоже скажу тебе только по окончании этой партии. Ты что забыл, что это я устанавливаю правила этой игры?

- Что это значит? - я почувствовал, что что-то не в порядке и я снова что-то пропустил - Неужели пешки смогут ходить в зад? Мы собирались играть в шахматы! Такой был уговор!

- Ты прав, паренек, но желание, которое ты приготовил в конверте я исполню только тогда, когда ты проиграешь.

- Я не понимаю. Что это значит? - спросил я не понимая.

- Это значит, что если ты выиграешь, то первый раз в жизни ты не будешь этому рад.

- А если мы сыграем вничью? - пробовал я спасти свою гордость и выиграть желание.

- Нет, только если ты проиграешь я исполню твое желание. – сказала она победоносно.

Первый раз мне нужно было проиграть, чтобы выиграть. Уже после нескольких ходов я мог поставить мат. К сожалению в шахматах бить не обязательно и уже после нескольких ходов я мог попасться в ловушку. После двух часов игры вокруг нас образовался кружок пенсионеров, внимательно следящих за ходом игры. Такого они еще не видели, но поняли вполне быстро в чем состоит наша игра.

Для меня это была безвыходная ситуация, чем бы я ни походил, кроме Слона, я сразу ставил мат. Но ход Слоном повторял ситуацию, а это означало ничью. Я собирался сбить ее ферзя, тем самым снижая свои шансы на выигрыш. В конце концов я нашел выход. Я так долго атаковал ее короля, аж тот заслонил ферзя и я сам себе поставил мат.

- Я не доценила тебя, мастер - сказала она с признанием.

- Мне очень жаль что я проиграл, потому что теперь я никогда не узнаю каким было твое желание. - я не был уверен должен я радоваться этому или огорчаться и поэтому я добавил: - Я проиграл только из-за этого шума в парке.

- Извини за "паренька". Ты уже заказал комнату в гостинице? – смеялась она, кака будто она читала мои мысли и знала чего я хочу.

- Еще нет, но если ты так этого хочешь, я с удовольствием сделаю это в следующий раз, а сегодня у меня другое желание. - и я протянул ей конверт, который она жадно разорвала, и именно в тот момент призошла очень интересная ситуация на шахматной доске, потому что белый король...

- Папа хватит!

- Что хватит? Шарлотки? Нет, такой вкуснотищи всегда слишком мало! Я с огромным удовольствием закину в себя еще один кусок.

- Ну хватит создавать напряжение, еще минута и твой единственный слушатель разозлиться не на шутку. Хватит. Скажи наконец-то какое было твое желание.

- Я уже говорил тебе раньше. Ночью я заменил лист с тюльпанами на чистый лист. Я не написал никакого желание. Лист был чист.

- Как это? Ты мог пожелать все что угодно, а ты даже не захотел узнать ее адрес? - удивилась она.

- Тоже самое сказала твоя мама удивленная отсутствием желания.

- Я тебе не нравлюсь? Ты меня не хочешь? Ты не хочешь со мной переспать? - спросила она прямо.

- Ты красивее, чем девушка из моих мечтаний и снов. Я хочу тебя больше, чем ты можешь себе это представить. Но то, что я чувствую по отношению к тебе намного больше, чем похоть. Позавчера в чайной я получил от тебя улыбку и это была самая красивая улыбка в моей жизни. Я ее получил потому что ты хотела мне ее дать. Сегодня я мог выиграть все что угодно, но я бы ничего бы не получил, потому что сегодня ты ничего не хочешь мне дать. Я не был уверен откуда идут все эти жесты направленные на меня. Я думал бы, что это только лишь оплата за мой выигрыш, а не подарок, подаренный от сердца. Вчера ты сказала, чтобы я выдумал что-то такое о чем бы не пожалел. Все, что я мог бы пожелать мне пришлось бы забрать силой. Поэтому я так сильно хотел проиграть эту партию.

- Но ведь ты ничего не выиграл?

- Я выиграл больше, чем ты можешь себе представить. Я выиграл уверенность в том, что если когда-нибудь ты мне улыбнешься я буду

знать, что это идет из твоего сердца. Если ты возьмешь меня за руку, то я буду уверен, что ты хочешь идти со мной на прогулку. Если когда-нибудь ты дашь мне свой адрес, я буду знать, что ты хочешь оставаться со мной в контакте.

Она взяла меня за руку и мы пошли с ней на озеро, по которому плавало много разных птиц. Какое-то время мы наблюдали за утками в озере, а потом она прижалась ко мне и сказала:

- Ты очень необычный парень. Я уже тебя хочу, но еще тебя не люблю. Я хочу в тебя влюбиться. Я хочу, чтобы и ты меня когда-нибудь полюбил. Я пересплю с тобой лишь тогда, когда я буду уверена в своей любви к тебе и твоей любви ко мне. Я не знаю сколько на это понадобится времени и будешь ли ты достаточно терпелив, чтобы дождаться этого?

- Да, я хочу подождать - ответил я уверенно, прижимая к себе твою маму.

- Я хочу, чтобы это ты был первым мужчиной в моей жизни – сказала она неожиданно.

- Что?! - я чуть не подавился.

- Чему ты так удивляешься? Ты не ожидал, что я могу быть девственницей?

- Нет, я... - начал я свои оправдания.

- Я знаю, что ты еще не спал с женщиной.

- Как ты догадалась?

- Женская интуиция.

- Скажи как?

- Когда ты фотографировал меня на стене Старого Города ты смотрел на мое лицо, а не на ноги.

- И только по этому ты догадалась? Но ведь я мог оказаться голубым.

- Если бы ты был гомосексуалистом, ты бы меня не фотографировал, а уж тем более не одолжил бы мне свой диктофон, не зная даже моего адреса. Но я узнала не по этому, это была лишь маленькая деталь.

- А по чем?

- Потому что у тебя такой невинный взгляд. Потому что когда ты смотришь на девушку ты смотришь ей в глаза, а не на ее бюст. Потому что ты относишься к женщинам как к прицессам. Потому что ты

несмелый. А теперь забудь об этом разговоре и запиши мой адрес и телефон.

- Ну и ну! Вы были друг для друга первыми? - удивилась Ида.

- Да, дорогая. Скорее всего ты переживаешь точно такое же удивление как и я тогда. Ну и скажи дорогая слушательница, стоил ли этот рассказ трех шарлоток?

- Даже семи! Как долго вы ждали?

- Ты еще не догадываешься? Не может быть...- засмеялся он. –

Ты что меня не слушала?

- До первой брачной ночи?

- Ну не перебарщивай, аж такими святыми мы не были. Я же тебе уже рассказывал, когда говорил про остров, что мы и раньше занимались любовью, также во время месячных.

- Значит тогда, когда ты предложил ей руку и сердце и выбросил свой фотоаппарат и диктофон.

- Ну наконец-то ты угадала. А я уже думал, что ты потребуешь задать вопрос зрителям или попросишь позвонить другу.

- Расскажешь?

- Если ты хочешь... у меня уже нет от тебя никаких секретов.

- Ну конечно!

Куст

- В первый семейный отпуск мы поехали автостопом. Самое важное было для нас, чтобы было красиво, т.е. в горы. После целого дня путешествия мы наконец-то доехали до очень красивого горного городка. Как раз было время сезона. Мы ходили от дома к дому, но к сожалению все было занято. Начинало темнеть и я уже терял надежду, что мы найдем для себя ночлег. Сгорбленный под тяжестью переживаний еще больших нежели рюкзак, который я нес у себя на спине я еле-еле волочил ноги.

- Стоп! - позвала твоя мама. Я подумал, что она снова нашла двадцатизлотую купюру. - Чем ты так огорчен? Тем, что мы не найдем ночлег? Ну а если даже и не найдем, то что за проблемы? Лето, теплота, не идет дождь, небо полное звезд и вокруг полно стогов сена. Что еще тебе нужно?

- Я бы хотел, чтобы ты спала в удобной кровати и чистой постели.

- Я хочу только одного. Заснуть в твоих объятиях. Понимаешь?

- Я тоже этого хочу - признался я честно.

Я сам во время одиноких путешествий не раз ночевал в лесу в стогах сена и было очень даже хорошо. Но тогда я был один и мне не приходилось ни за кого переживать. Мне очень понравилась мысль, чтобы првести вместе ночь под звездным небом. Было тепло и у нас было одеяло и широкий плащ на случай дождя. В принципе очень даже прекрасное приключение! До конца деревни оставалось всего три дома а за ними расстилалось огромное поле со стогами сена.

В первых двух домах для нас не нашлось ночлега. Перед последни домом рос огромный куст роз, освещенный фонарем. Двери нам открыл пожилой мужчина в элегантном халате. На вопрос нет ли в его доме для нас ночлега, он потер рукой лоб, будто думал, что нам ответить. На пальце у него было красивое обручальное кольцо с бриллиантами, а на запястье золотые часы.

- Мы не сдаем комнаты, но у нас есть одна комната для гостей в пристройке. Можете там переночевать до утра. - он отвернулся и закричал радостно в глубь дома: - Мария, ты была права, пришли гости. Постели им, пожалуйста.

Через минуту появилась Мария, красивая, молодая женщина. Она отвела нас вглубь дома.

"Комната для гостей" оказалась маленькой квартиркой с кухней, ванной, отдельным входом и окном выходящим прямо на луг со стогами. Твоя мама, вместо того, чтобы спрашивать о конкретных вещах и торговаться о цене ночлега, втянула Марию в разговор. Она восхищалась огородом возле дома и кустом роз под окном. Они разговорились так будто знали друг друга с давних пор. Я достал из рюкзака тапочки для твоей мамы. Заварил три чашки чая и высыпал на тарелку остатки печенья. Мне было неудобно, так как печенье успело крошиться во время путешествия. Мы сели за стол.

- А кем приходится вам этот пожилой мужчина, который открыл нам двери? Вы работаете у него и заодно за ним присматриваете? - спросил я.

- Это мой муж. Это он обо мне заботится. - ответила она с гордостью, будто бы дедушка был Адонисом.

Я хотел провалиться под землю потому что мало того что я весь покраснел от стыда, то к тому же облился горячим чаем.

- Не переживай, ты не первый, кто так подумал - рассмеялась она сердечно, признаваясь одновременно, что между ней и бабушкой большая разница в возрасте. - Муж только после операции, у него был сердечный приступ и он не очень хорошо выглядит сегодня...

Мария выросла в детском приюте. Она никогда не знала своего отца. Она не знала также, что значит любовь матери. У нее не было ничего своего кроме книжки со сказкой про принца и розу. Прекрасный куст под фонарем был исполнением ее детской мечты о своем собственном доме с розами. С ее рассказа мы узнали, что одной из причин болезни ее мужа была ненависть его единственной дочери. Она не могла ему простить, что тот переписал дом на Марию, которая была младше своей падчерицы.

- Она что рассказала вам всю историю своей жизни за чаем? Не может быть... Неужели ей настолько не хватало с кем-нибудь поговорить? Ты наверное приукрашиваешь. - Ида заметила нелогичность в его рассказе.

- Ты права. Я просто хотел слегка сократить свои воспоминания. Конечно же она всего этого не рассказала за чаем. Некоторые вещи мы узнали позже. Мы поговорили около часа и Мария пожелала нам спокойной ночи. Мы прижались друг к другу и уснули, уставшие после путешествия.

На следующий день мы пошли к ней, чтобы поблагодарить и заплатить за ночлег. Хозяева пригласили нас на деревенский завтрак: хлеб грубой нарезки намазанный маслом и молоко. Мы говорили обо всем и о не о чем. Еще мы смеялись со вчерашней ситуации. Было видно, что это образованные люди. Мария обожала Шекспира, а ее муж Хессе. Они обожали головоломки и школьные истории. Они советовали нам всевозможные близлежащие места, в которые стоит поехать. В конце концов мы встали из-за стола.

Сердечно благодаря за угощение и ночлег, мы хотели расплатиться. На нескольких следующих дней мы хотели найти что-нибудь может и менее удобное, но зато более подходящее нашему кошельку.

- Если эта скромная комната вам подходит, то мы будем более чем рады если вы останетесь у нас до конца вашего пребывания у нас в местечке. - сказала Мария.

- А сколько нам надо будет заплатить? - спросил я, абсолютно уверенный в том, что это будет нам не по карману.

- Через минуту ты можешь заплатить большим синяком на своей заднице - засмеялся старичок. - Этот дом является собственностью Марии и если ей так нравится, что вы у нас остановились, то просто улыбнись ей с благодарностью. В жизни может так случиться, что это тебе надо будет когда-нибудь что-то дать, что для того человека будет необычайно важно, а тебе это ничего не будет стоить.

- Счастливые словно накормленные цепные собаки выпущенные на свободу мы пошли на экскурсию по местечку. Этот городок оказался невероятно дорогим курортом. Мы сели в кафешке с мороженым и наслаждались очередным прекрасным приключением так неожиданно посланным нам непредсказуемой судьбой. - он расселся удобно в кресле как когда-то в кафе с мороженым.

- Интересно, почему они пускают под свою крышу совершенно незнакомых для них людей? - спросил я громко, морща лоб и ковыряясь сосредоточенно в мороженом. - Ведь это неблагоразумно! Они не боятся, что к примеру мы можем их обокрасть, ее изнасиловать, а его убить? - твоя мама фыркнула со смехом, разбрыгивая по столу взбитые сливки.

- Что я такого сказал? - спросил я обиженно, вытирая салфеткой пятно на рубашке.

- Я тебя обожаю! - смеялась она будто с анекдота, держась за живот. - Ты и изнасилование... ха, ха, ха, ха... ой, ой... я сейчас лопну со смеха...

- Что тебя так рассмешило? - я был очень зол. - Ты мне что-то ампутуешь или я что не мужчина, что у меня нечем или я бы не смог?

- Пожалуйста... ха ха ха, не говори уже ничего... ха, ха, ха, ха... а то я сейчас лопну.

- Ты за кого меня принимаешь?

Никогда раньше она не смеялась с меня. Я сложил руки и надул губы. Мне было очень обидно. Исчезла радость совместного отпуска. Даже мороженное казалось не таким вкусным. Она продолжала смеяться так, что аж из глаз у нее капали слезы. Никто не может так сильно обидеть как собственный стоматолог.

- Пошли на прогулку - сказала она вставая из-за стола. - Извини, но это оказалось сильнее меня. Перестань в конце концов обижаться. Ты, что серьезно не знаешь за кого я тебя принимаю? Ты для меня самый лучший мужчина на Земле! Ну улыбнись ты в конце концов! Я люблю тебя! - мои ноги подкосились.

Она сказала ЛЮБЛЮ! Я ничего не понимал. Еще минуту назад она с меня смеялась, а теперь говорит, что любит.

- Почему? За что? - спросил я с растерянностью.

- Почему? Потому что ты того стоишь! За что? За то, какой ты есть. Почему? Потому что я не могу иначе. Теперь тебе все ясно?

- Ничего мне не ясно, а мне темно.

- Поцелуй меня скорее прежде, чем задавать вопросы.

- Ну и что мне было делать если в голове у меня было так же пусто как и на аллее по которой мы шли? Мы не раз уже целовались, но на этот раз это была страсть и желание, любовь и похоть... Поцелуем она высосала из меня всю злость и обиду.

- Давай присядем - предложил я. Ноги у меня были словно из ваты, а сердце билось так словно я пробежал марафон, в голове дул шквальный ветер.

- Что с тобой? - поинтересовалась она моим состоянием.

- Дай мне немного времени... - пролепетал я.

- С тобой все в порядке?

- Да, еще никогда я так хорошо себя не чувствовал. – Постепенно силы возвращались ко мне. - А теперь скажи, что тебя так рассмешило.

Пожалуйста, объясни мне так, чтобы я понял и не выставил себя снова за дурака.

- Хорошо, я постараюсь. Во первых, сегодня была наша первая ночь вместе и что ты сделал? Ничего. Ты только меня обнимал. Ты даже не пробовал ко мне приставать - сказала она спокойно.

Я воспринял это как отговорку.

- Я думал, что ты устала. Ты говорила, что мечтаешь только об объятиях - начал я объясняться с нарастающей злостью. - А теперь ты ко мне придираешься. Я снова чувствую себя как дурак. Ты могла хотя бы сказать, что хочешь заниматься петтингом или чтобы... - Она закрыла мои губы ладонью и к счастью я не смог закончить предложение.

- Ночью я получила самый замечательный подарок который только женщина может получить от мужчины - начала она шепотом. - Своим поведением ты доказал мне, что ты действительно меня любишь. Я чувствовала твое возбуждение, но все-таки ты не сделал ни единого движения, которое хоть как-то было бы связано с сексом. Ты думал, что мне хочется спать, я устала и хочу только обниматься. Моя потребность отдохнуть была для тебя важнее, чем твое желание. Мы так лежали обнявшись и ты заснул. Ты дал мне понять, что прежде всего я для тебя человек. Ты любишь меня больше, чем хочешь меня. Не меньше твоего я желала ласк и поцелуев ночью, но никаким другим образом я бы не узнала, что я для тебя значу. Такого чувства собственного достоинства я не получила бы ни от каких ласк. Сегодня ночью я поняла как сильно я тебя люблю и как сильно я тебя... - Она села мне на колени и целовала меня так страстно, как будто занималась со мной любовью... Вдруг вернулась к начатому монологу.

- В кафе я смеялась ни с тебя а с твоего воображения. Ты сказал, что наши хозяева неблагоразумны, потому что согласились нам дать ночлег, а ведь ты мог бы изнасиловать. Я представила себе такую ситуацию: ты нападаешь на женщину в лесу и...и она говорит тебе: знаешь ли ты подлый насильник, как ты будешь себя чувствовать и как ты об этом будешь жалеть? Или: я ужасно на тебя обижусь если ты это сделаешь. Или: если хочешь то насилуй, но у меня триппер... И у тебя постепенно проходит желание изнасиловать. Ты начинаешь извиняться... Что? Представил себе? Я права? Ну и в конце концов наши хозяева не идиоты. Они очень хорошо нас узнали сегодня утром. Ты расстрогал вчера Марию тем, как заботился обо мне. Без всяких

вопросов ты сделал нам чай и угостил последним раскрошенным печеньем. Плюс ко всему твой вопрос: "кем для Марии приходится этот пожилой человек?" был настолько наивен, все равно что ты не заметил на ее пальце кольца с бриллиантами, точно такого же как у ее мужа. Сегодня утром ты сдал экзамен на пять и прошел тест личности. Ты похвалился знанием физики и электроники. Ты правильно решил наверное около пяти логических загадок. А когда оказалось, что ты читал «Под Колесами» Хессе, то даже дедушка был под впечатлением. Марию ты покоришь еще раньше цитируя фрагмент из «Укрощения строптивой». Чего им бояться, если ты не только сказал им свою фамилию, но и фамилию своей школьной учительницы?

- Они что делали мне экзамен? - челюсть у меня отвисла от удивления. - А я дурак им даже начал симпатизировать...

- Они нам, а мы им. Мы ведь тоже знаем о них достаточно много.

- Мы ничего о них не знаем.

- Как это ничего? Мы знаем все, что нам нужно! Они очень доброжелательные люди, очень сердечные, культурные, любят друг друга... Мы знаем, что хотим у них остаться? Этого что ли мало? Если бы он бил свою жену или же она обзывала его стариком или если бы они тебе сказали, что из жалости к попрошайкам мы можем у них остаться, разве ты бы остался?

- Нет, даже если бы они нам заплатили за это - ответил я честно.

- А как ты сейчас себя чувствуешь?

- Как дурак! Я не заметил этого всего.

- Ты видел все точно также как я, только немного с другой перспективы. Если бы ты мог повернуть время вспять и снова с ними завтракать, разве ты поступил бы иначе?

- Да. Наверное нет. Конечно нет. Нет. Незнаю...- не мог решить я.

- А если бы ночью ты узнал, что я так сильно хочу твоих поцелуев и ласк, разве ты повел бы себя по другому?

- Нет! после того как ты мне то сказала, то нет. Я хочу, чтобы ты знала как сильно я тебя люблю.

- Я уже это знаю. А теперь я хочу, чтобы мы ласкали друг друга, пока не будем готовы, чтобы заниматься любовью. Ты готов подождать еще несколько дней?

- Конечно, но можно сегодня ночью я не буду лежать как бревно? Я могу дотронуться до твоих...

- Нет! - прервала она меня категорично.

- Почему? - спросил я разочарованно.

- Потому что я не хочу ждать до ночи. Я хочу твоих ласк уже сейчас. Хватить этих прогулок на сегодня. Я хочу лежать с тобой в кровати. Голая...

Мимо их столика как раз проходила улыбающаяся медсестра с подносом. Она остановилась на мгновение.

- Извините, вы случайно не видели малыша на самокате? - спросила она смеясь.

- Нет, но семь гномиков кативших маленькие белые таблетки с названием "Аспирин" спрашивали где находится кабинет Белоснежки и обезьянки Мики Фики. Я сказал, что им надо поискать на пятом этаже, возле кабинета Кота в сапогах - ответил он медсестре с ледяной серьезностью в голосе.

- Благодаря вам мужчина у меня был очень хороший день. Сразу после разговора с вами я нашла мальчика и рассказала ему про Красную Шапочку с гипсом. Он разрешил поменять ему бинт и даже не плакал. Я желаю, чтобы и ваш день был счастливым.- Показала она ряд белых зубов и удалилась.

- Папа, что здесь протсходит? - спросила ничего не понимающая дочь. - А может я о чем-то незнаю? Как тебе удалось околдовать медсестру?

- Ничего необыкновенного, всего навсего в сказках пришла пора каникул и многие сказочные герои решили больше не прятаться. Пришла пора... - запнулся он, будто хотел сказать что-то необыкновенное. - нам надо вернуться в приемную.

- И ты снова не закончил... - сказала она с притворяясь обиженной.

- Я тебе расскажу еще или ты хочешь, чтобы я упростил настолько важные моменты и рассказал тебе их как анекдот? Без подходящей для них оправы? Без той атмосферы? Без нетерпения продолжения?

- Ты как всегда прав. Я хочу полную версию. Я наверное становлюсь воздержанной точно также как и ты тогда...

Дух

Они вернулись в приемную. Над дверями приемной все еще светилась надпись "Не входить". Они сели. Их ожидание стало ожиданием полным надежд, ожиданием чего-то хорошего, что должно было вот-вот произойти.

- На обратном пути мы сделали покупки - вернулся он к прерванному рассказу. - Ничего сверхъестественного, хлеб, мед, масло, ананасовый компот, арбуз, сметана, сахар и свечи. Я рассказываю тебе самые пикантные свинства моей жизни... Но для тебя мед это мед, а для меня мед это воспоминания об эротических шалостях.

Заинтересованные друг другом мы игрались своими телами, взаимно узнавая тела друг друга и их реакции. Три дня напролет мы практически не выходили из кровати. Мы попробовали все возможные ласки, кроме полного проникновения.

- И ты считаешь что это было нормально?

- Я не знаю доченька. Тогда я часто думал, не делаем ли мы чего-то неправильно, ненормально, как все люди. Я часто разговаривал с друзьями и видел как их глаза превращались в пятидесятицентовые монеты. Никому из них никогда в жизни не пришло в голову, что ананас может заменять линейку, оперируя такой неизветной мерой длинны как пластырь. Они смеялись с моих рассказов, одновременно завидуя мне. Я ведь им ничего даже еще не рассказывал про мед и арбуз... Сегодня на все это я смотрю совершенно по-другому. Я считаю, что моральным является все, что доставляет удовольствие обоим партнерам. Самое важное это не причинять обид в жизни. Если абажур хорошо прикреплен, то почему бы и нет? - пошутил он. - Наше решение относительно того, чтобы подождать, вызвало то, что мы изучили досконально свои тела и их реакции. Также досконально, как и сейчас я уверен в том, что твою маму перевезут двумя этажами выше.

- Папа, ты точно не ясновидящий?

- Нет дорогая. "не входить" как раз потухло, а это значит, что операция закончилась.

Они встали оба как по команде, и именно в тот момент когда двери операционной открылись. Медбрат выкатил из них кровать на колесиках. "Как в гипермаркере" - подумал он, смотря на капельницу висящую высоко, как флажок с названием магазина.

В товарном лифте было достаточно места, чтобы стоять рядом в кровати. Он положил свою ладонь на ладонь торчащую из-под одеяла. Она сжала легко пальцы также как когда-то по дороге в больницу...

Перед залом интенсивной терапии медбрат попросил, чтобы они подождали. Он сказал, что их позовут после подключения катетера.

- После трех дней в постели...

- ... маме станет лучше. - она закончила предложение.

- Наверняка. - рассмеялся он. - Мы тоже чувствовали себя хорошо. Мы даже пошли на экскурсию близлежащих туристических достопримечательностей.

Одной из них была часовня, построенная из людских костей. Впечатлило нас не количество черепов, а реальное осознание прохождения жизни заставляющее сохранять тишину. Но после того как мы вышли оттуда мы не могли думать о смерти а только о жизни происходящей здесь и сейчас.

- Мне очень не привычно думать о том, что после нас останутся только кости - сказал я после долгой паузы.

- Кости и духи... - добавила твоя мама.

- Но они же разлетятся... - сказал я.

- А ты когда-нибудь вызывал духов? - спросила она.

- Нет, а ты?

- Много раз. Хочешь попробуем сегодня.

Мы купили бумагу, фломастеры и свечи. Как только начало смеркаться мы начали свои приготовления. Твоя мама написала дугой целую азбуку и цифры от нуля до девяти. Фарфоровую тарелку она намазала воском свечи, а потом пальцем соскребла воск так, чтобы то что осавалось на тарелке напоминало форму стрелы. Эта стрелка и должна была указывать на буквы.

Подушечки пальцев следовало положить на тарелку очень легко, не прижимая его, так как духи это не культуристы. Наши ладони должны были соприкоснуться, а локти не могли опираться о стол. После пятнадцати минут вызывания: "Дух, дух приходи и если придешь, то подвигайся", у меня полностью онемели руки. Игра в которой ничего не происходит постепенно переставала мне нравиться. Я уже начал шутить, что либо духи спят, либо в столе есть гвоздь и вместо того чтобы сосредотачиваться на тарелочке они сосредотачиваются на гвозде.

- Ты когда-нибудь ходил на рыбалку? - спросила твоя мама, делая перерыв, чтобы я мог отдохнуть.

- Конечно и к тому же я это обожал. - и я рассказал ей историю тааааакой щуки.

- А всегда удывалось что-то словить?

- Ну, не всегда...

- С духами точно также как с рыбалкой, ты никогда не знаешь поймает ли что-либо. Попробуем еще раз - предложила она.

- Дух, дух приходи и если придешь, то подвигайся... - начали мы шептать вместе. Я смотрел на тарелочку как на поплавок. Я напрягал свой взгляд так, будто ловил плотву и ждал малейшего движения удочки. В последующие пятнадцать минут ничего не произошло, только снова онемели руки.

- Ты наверное веришь в существование духов - сказал я, растирая запястья.

- А ты что ли нет?

- Пока что нет...

- Скоро ты поверишь...

С третьего раза тарелочка очень быстро отреагировала на наш зов: "Дух, дух приходи и если придешь, то подвигайся". Она двигался, но на все наши вопросы он отвечал как-то непонятно, что очень скоро твоя мама поблагодарила его за сотрудничество. Что-то в конце концов начало происходить!

- Дух Платона приходи, а когда придешь то пошевелись... - позвала твоя мама.

о, этот был очень разговорчивый. Он отвечал очень логично, но я все еще не верил, что это не твоя мама двигает тарелкой. Следующего мы решили позвать кого-то незнакомого.

- Дух незнакомого нам мудреца приходи, а когда придешь то подвигайся...

Тарелка начала двигаться. А я потребовал доказательств его существования.

ХОРОШО - показала тарелка.

- Сделай что-нибудь простенькое к началу, например погаси свечу - предложил я.

НЕТ

- Почему ты не хочешь это сделать?

ЭТО СЛИШКОМ ПРОСТО

- Как ты хочешь доказать нам свое существование?

Я К ВАМ ПРИЙДУ

- Супер! Когда? - испугался я но не подал вида.

ЧЕРЕЗ 5 МИНУТ

- Ну хорошо мы подождем - согласились мы, поглядывая на часы, стоящие на полке. Было двадцать три сорок... - Мы ждем пять минут, руки немеют, тарелочку нельзя отпустить, локтями опереться нельзя и ничего не происходит.

- Дух, что с тобой? Ты обещал прийти.

ЧЕРЕЗ 3 МИНУТЫ

- Ты обещал, что через пять минут...

ПРОШЛО 2 МИНУТЫ

- Почему ты говоришь две минуты? Перед нами стоят часы и все время мы наблюдаем.

МОЕ ВРЕМЯ ИДЕТ ПО ДРУГОМУ - прочитали мы в ответе. У нас побежали по телу мурашки. Ну ладно, ждем дальше. Мы смотрим на часы и чем ближе двенадцать часов те меньше нам хочется шутить. - Его голос стал низким и говорил он все медленнее: - пробила полночь. Я смотрю на двери и вижу, что мы забыли их закрыть. Каждый может зайти и даже дух. Я подумал, что скорее всего умру от страха, если сейчас кто-то зайдет...

И в тот самый момент... Раздался стук... Окрылись двери... и ...из них высунулась голова...

Двери из палаты больных открылись, из которых показалась голова санитаря.

- Можете зайти, но только на минутку. Больная еще очень слабая.

Он встал мгновенно, а дочка все еще продолжала сидеть на кресле.

- Ну пошли! Что с тобой?

- Уже иду. Из-за тебя мой сумасшедший папочка, когда санитар открыл дверь у меня чуть сердце из груди не выскочило.

Они вошли в палату. Мама лежала возле окна, подключенная к капельницам, кислороду, контролирующим аппаратам и даже под

кроватю свисали трубочки и мешочки, как будто ее тело было только маленькой частью огромной машины.

- Привет! С этим невероятным количеством проводов ты выглядишь как паук, который словил жертву - сказал он.

Больная криво улыбнулась.

- О, у тебя хорошее настроение. Я думал, что с тобой совсем плохо и поэтому я пришел без цветов и что я застаю? Цветешь ты! Я попрошу, чтобы Ида принесла завтра какойнибудь зелени. Ты что предпочитаешь кактусы или папоротник? Я оставлю вас одних. Долго сегодня не сплетничайте. Пока.

Он помахал рукой и вышел в коридор. Он сел в кресло напротив копии картины «Постоянство» памяти Сальвадора Дали. Всматриваясь в расплавленные часы на картине, он вспомнил другую больницу увешанную репродукциями сюрреалистов.

- Маме должны дать снотворное. Давай посидим еще немного. Я хочу еще раз на нее посмотреть когда она заснет - сказала Ида присаживаясь рядом с ним на кресле.

- Хорошо - согласился он как странник, который никуда не спешит.

- Папа я чуть не упала в обморок. Какую-то долю секунды я даже думала, что из-за дверей палаты покажется дух. Скажи как тебе удалось так синхронизировать свой рассказ с тем как открылись двери?

- Скорей всего это была случайность....

- Я не верю в случайности в твоих рассказах. Откуда ты знал, когда санитар откроет двери?

- Прежде всего я увидел его ауру, которая первой прошла через двери... - прошептал он голосом сумасшедшего.

- Папа, если не хочешь, то не говори, но не надо из меня делать идиотку... - обиделась она.

- Ну ладно, я тебе расскажу только перестанешь обижаться в конце концов. Я просто наблюдал за светом под дверями. До того, как санитар подошел к дверям я заметил его тень...

Кассета

- Ну ты и хитрый - сказала она с восхищением ребенка смотрящего простейший номер ярмарочного иллюзиониста. - В твоих рассказах тоже полно хитростей?

- Нет. Я не знаю кто тогда синхронизировал открытые двери с вызыванием духов, но эффект был бешенный.

- Вы что вызываете ночью духов вместо того, чтобы заниматься любовью? - спросила голова хозяина, втиснутая в приоткрытые двери. - Если вы не спите, то может хотите со мной поговорить? Мария пошла спать, а мне не с кем напиться. Можно к вам?

- Пожалуйста, заходите! - радостно позвала твоя мама, будто бы ждала этого гостя.

Я стоял как вкопанный.

- У меня есть бутылочка, закуска тоже есть, одно только не могу я пить с зеркалом. Ну что ты так стоишь будто увидел духа? Подай мне какую-нибудь рюмку, а то я вижу только тарелку. - Он зашел внутрь и подал мне противень с творожным пирогом. Он поставил на столе литровую бутылку виски, а сам сел в кресло. Я пошел на кухню, порезал пирог на ромбики и выложил их на тарелку. Второй раз, когда я шел в кухню за льдом и рюмками я споткнулся о рюкзак. Я наклонился, достал диктофон и кладя его на полке включил на запись.

- За вас молокососы! Чтобы вы хоть раз вышли из дома посмотрели с гор на долины, а не только смотрели на склоны. - Он опрокинул рюмку до дна, а я после него, потому что мне было необходимо успокоительное на сердце, которое чуть не выскочило из груди.

- Как часто к вам приходят такие неожиданные странники? - спросила мама.

- В этом году наверное уже сто человек спрашивало есть ли у нас комната. Но как-то никто нам не понравился.

-Я берегу эту комнату для дочки, чтобы она себя уютно чувствовала, когда приедет. Мы не сдаем эту комнату.

- Тогда почему вы решили сдать ее нам?

- Как только я тебя увидел, прекрасная девушка... Надеюсь я могу тебя так называть? Когда я посмотрел на тебя, то увидел в тебе Святую Богородицу, ищущую ночлег. Я решил спасти христианство.

Поэтому я попросил у Марии, чтобы она вам позволила остаться на одну ночь. Она еще раньше своей женской интуицией предсказала гостей. Это ее дом. На старости у меня ничего нет, но за то есть все, чего всю жизнь у меня не было.

- Давайте выпьем за здоровье Марии - отозвался я наконец-то.

- Ты мало говоришь молокосос, но когда уже скажешь, то это одни лишь умные вещи. За здоровье Марии - повторил он тост и мы снова выпили до дна.

- Почему вы передумали и разрешили нам остаться на дольше? - спросил я.

- Мария захотела. Красивая девушка ей понравилась, потому что спросила про куст роз посаженный под фонарем, и ни разу не спросила про цену ночлега. Она даже не пробовала это узнать. Мария пригласила вас на завтрак, чтобы с вами лучше познакомиться. И что она увидела? Двое голодранцев с чистыми сердцами. Она хорошо разбирается в людях, потому что она за свои двадцать пять прошла в жизни больше, чем я за свои пол века.

- А на кого Мария училась? - поинтересовался я.

- На домохозяйку, дотошный молокосос! - ответил он со злостью.

- Не надо так злиться, если вы не хотите говорить - не говорите.

Она так красиво говорит про Шекспира... Я подумал, что она профессор или поэт. Что тут такого стыдного в том, чтобы быть поэтом? - пробовал я смягчить ситуацию, не понимая причины его раздражения.

- Если еще раз я решу, что ты хочешь обидеть Марию я ударю тебя в морду - сказал он, будто хотел начать пьяную потасовку. - Давай выпьем за ее здоровье, за самого прекрасного ангела, которого я встретил на своем пути. Ты пьешь молокосос? - мы выпили вдвоем. Твоя мама даже не дотронулась к рюмке, смотря на хозяина как кобра готовящаяся к атаке.

- Ну а ты прекрасная девушка, не хочешь ли ты выпить за здоровье Марии?

- Нет! Я не хочу с тобой пить, потому что ты пришел сюда, чтобы с нас смеяться, а не разговаривать с нами. - Твоя мама разговаривала с ним как с равной, обращалась к нему на "ты", несмотря на то, что он мог годиться не то что в отцы, а в дедушки. - Ты можешь нас выкинуть отсюда когда тебе только вздумается, но я не позволю тебе обижать моего парня, обзывать его молокососом и подозревать, что он хотел

обидеть Марию. Он относится к твоей жене как к поэтессе. Он восхищается ее знаниями, будто она является ученицей Шекспира. Он абсолютно не догадывается, что Мария когда-то была проституткой. И даже когда он об этом узнает, он будет ей восхищаться, потому что он смотрит сердцем. Понятно?

Эти слова парализовали его сильнее, чем меня которому хватило бы появление духа.

- Ты хочешь чтобы мы сейчас убрались? Мы сделаем это сейчас же. За три минуты мы исчезнем из твоей жизни. Ты что серьезно этого хочешь? Зачем ты сюда пришел? Подумай хорошенько перед тем как ответишь! – сказала твоя мама.

Мое сердце билось так будто я стою перед целой командой духов. Глазами воображения я видел как мы собираемся в попыхах и уходим из этого дома.

Он сидел абсолютно потерянный потирая ладонью лоб. Золотой циферблат у него на запястье блеснул в огне свечей, как будто это были не часы, а третий глаз какого-то монстра. Он налил себе двойную порцию алкоголя и выпил до дна.

- Извини меня юноша за тот эпитет. Прости меня прекрасная девушка, что я твоего возлюбленного назвал молокососом. Я извиняюсь перед вами, что пришел к вам, чтобы с вас смеяться. Извините, что я вас недооценил. Я извиняюсь перед Марией, что не поверил в ее интуицию. Теперь ты извинишь меня прекрасная девушка?

- Теперь да. Теперь ты откровенный и правдивый. Пожалуйста останься с нами и расскажи нам про себя и про Марию, а мы с радостью останемся еще несколько дней под вашей крышей. Давайте выпьем за здоровье Марии, самой лучшей женщины, которую мы знаем.

Мы выпили до дна, закусывая пирогом. Пирог оказался восьмым чудом света. Такого пирога я еще не ел никогда в жизни. У него был идеальный вкус и запах, который таял во рту, будто он был сделан из тумана, а не из творога.

- Как ты догадалась, прекрасная девушка, что Мария была проституткой? Скажи пожалуйста... - спросил он заинтригованно.

- Я тоже была в детском доме и я тоже была готова сделать что угодно... Ты понимаешь, что значит "сделать все", чтобы у тебя был куст с розами? Тебе хватит этих объяснений? У меня есть любящий парень и мне не нужен куст с розами. Понимаешь? А во вторых, это ты

отреагировал нервно на вопрос про профессию Марии и таким образом ты подтвердил мои догадки. А теперь когда мы все уже выяснили расскажи нам историю о которой ты никому не рассказывал.

Наш дух все еще сидел парализованный и не знал с чего начать.

- Понимаю - ответил он как загипнотизированный. - Это было мое пятидесятилетие... - начал он. - У меня были бабки, было положение в обществе, у меня был дом на берегу моря и яхта, спортивный автомобиль, но у меня не было любви. Я уже привык к одиночеству и думал, что так и будет до конца жизни. Та, которую я любил ушла от меня много лет назад а я до сих пор не знаю почему она так поступила. Она тоже наверное этого не знает. Я работал, чтобы забыться и чтобы приготовить жизненный старт для моей дочки. У меня была очень хорошая работа, но очень опасная и которая была связана с постоянным напряжением. Мои друзья без всяких вопросов были готовы отдать за меня свою жизнь, точно так же как и я за них. У нас никогда не было недостатка в деньгах, алкоголе и женщинах. У нас даже не возникало мысли, что жизнь может быть другой. После медкомиссии оказалось, что я работал слишком интенсивно и мое сердце не выдержало... Меня перевели на инвалидскую пенсию. Я перестал видеть какой-либо смысл в жизни. Я перестал планировать будущее.

На мой день рождения я пошел в бордель. Передо мной стояло наверное семь проституток. Я не знал которую выбрать. Одна из них мне улыбнулась и я выбрал ее.

- Ты здесь в первый раз? - спросила она, когда я вошел в комнату.

Я кивнул.

- У тебя наверное день рождения - догадалась она.

- Да, пятьдесят - признался я.

- Я хочу подарить тебе подарок, который ты никогда не забудешь. - Заметила она мое смущение. - Войди еще раз. Но перед тем как зайти оставь за дверями все свои горести.

- Я сделал так как она этого хотела. Я вышел и зашел еще раз.

Она поцеловала меня в губы, говоря при этом: "Подумай сейчас о своем самом прекрасном моменте в жизни и занимайся со мной любовью так, будто я и есть та женщина...". Давай выпьем за ее здоровье! - все вместе мы подняли рюмки и как по команде все трое потянулись за пирогом.

- Каждый день я приходил в тот бордель и платил за всю ночь. Я брал Кармен, такой был у нее псевдоним, то на прогулку то на танцы. Поздно ночью я ее отвозил обратно. Я не притрагивался к ней дольше чем два месяца. Я не думал о том, что будет дальше. Я просто хотел ее видеть каждый следующий день. И так проходили эти дни. Мои чувства обострялись и я уже не мог этого скрыть от нее...

Мы не занимались с ней любовью аж до того дня когда она попросила у меня мою руку. Это она уговорила меня жениться. Она хотела быть со мной. А мне не мешал факт того, что она была проституткой. Это не играло для меня никакой роли, потому что я перестал оценивать женщин по их отношению к сексу. Мария младше меня на двадцать лет. Я не верил, что кто-либо может меня полюбить, потому что я сам перестал любить себя.

Мы оба знаем, что я умру первым и совсем скоро. Я не хочу, чтобы она страдала после моей смерти. Я не хотел губить ее жизнь. Очень долго я не соглашался на свадьбу. Врачи не обещали, что я буду жить долго. В конце концов Мария внушила мне, что для нее важнее прожить хоть несколько лет со мной и остаться вдовой, чем жить в одиночестве. Я ей поверил. Теперь каждый день я думаю о том, что будет с Марией, когда я умру. Как будет выглядеть ее жизнь. Из гроба я не смогу никак повлиять на ее жизнь. Я даже не смогу ее утешить.

Я продал дом на берегу моря.

Мы приехали сюда, где никто нас не знает.

Благодаря ей я узнал, что такое любовь.

Я полюбил себя.

Мария всегда говорила, что когда кто-то идет за грибами с убеждением, что не умеет их собирать или когда кто-то учит английский, не веря в свои способности, тогда этот кто-то вернется с пустым кошиком и пустой головой.

С Марией я прожил самые счастливые годы своей жизни. Когда-то я не замечал чудес, а теперь я их встречаю на каждом шагу.

Это благодаря Марии я могу радоваться каждой минуте, полученной в подарок от жизни, каждой радости, каждому огорчению. Можно прожить всю жизнь и не заметить ни одного чуда, если не верить, что оно вырастает как грибы после дождя...

- Или же пахнут как этот пирог... - добавил я и тут же прикусил язык.

- А ты, прекрасная девушка не бойся любви ни в каком ее проявлении и ни в какой форме. Она является самым чудесным чудом из всех чудес. Давайте выпьем за глаза, которые способны видеть чудеса.

Мы выпили еще по рюмке. И в тот момент пирог ассоциировался мне с чудом! Это было чудо, а не пирог!

- Через месяц после свадьбы Мария рассказала мне про куст с розами, который рос под окнами ее детского дома. Когда она уснула, я поехал и выкопал его. Я возвратился перед рассветом и посадил его под фонарем. Я видел чудо, когда на ее глазах появились слезы. Два дня подряд она практически не отходила от окна. Куст прижился и разросся, как детский символ счастья. Несколько дней позже я переслал на счет детского дома денежный перевод с допиской: "Я переехала к той, которая о мне мечтала - Роза". За те деньги они могли купить очень много розовых кустов.

Я услышал писк диктофона. Кассета закончилась. Я встал, подошел к полке и переставил кассету на другую сторону, а для сюрприза возвратился с очередной свечкой.

- Ты говорил, что эта комната для твоей дочери. А когда она была здесь в последний раз? - поинтересовалась твоя мама.

- Откуда ты знаешь, прекрасная девушка о чем именно спросить? Ты должна быть следователем или по крайней мере психотерапевтом... Моя дочь на несколько лет старше тебя и она очень образованна. Она пишет кандидатскую диссертацию по философии. Она замечательная женщина. Когда она идет по улице, то всегда с кем-то. Три минуты перед ней идет ее бюст, а вместе в нем толпа спотыкающихся мужчин и писк шин сталкивающихся автомобилей. Много много лет мы были с моей дочкой как брат и сестра или даже как близнецы. Она все о себе рассказывала и у нас не было тайн друг от друга. Мы везде ходили вместе, даже на дискотеки. В конце концов она познакомилась с парнем и влюбилась, но все равно мы оставались вместе. Она любила своего парня и меня, но каждого по другому.

Я перестал существовать для своей дочери когда влюбился в Марию. Она никогда сюда не приезжала. Мария каждую неделю убирает эту комнату, несмотря на то что мы обое знаем, что мы никогда ее не увидим. Она никогда не смогла смириться с моим выбором и с правом полюбить другую женщину. Вначале это очень сильно меня

ранило. Мне потребовалось несколько лет, чтобы понять, что у нее тоже есть право иметь эмоции, убеждения и понимание жизни.

Дети являются только эпизодом в жизни человека. Мы потому даем им жизнь, чтобы в один прекрасный день они начали жить своей жизнью. Они не являются продолжением нашей жизни или поводом для гордости только потому что мы сами были неудачниками. Любить это также разрешить уйти. Любовь не является бессмертным правом владения другим человеком и может именно поэтому она такая ценная.

Ты, молодой человек, скорее всего очень любишь свою маму и она тебя тоже. Но быть взрослым означает также уметь делать выбор. Одним из моментов, которые делают из юноши мужчину является момент в котором ему нужно выбрать между матерью и женщиной с которой он спит. Только тогда, когда он может выбрать женщину, он созревает. Матери нужно уважение, а жене любовь. Твой вопрос: "Какая профессия у Марии?" потому так рассердил меня, потому что когда то мне задала его моя мать с целью, чтобы высмеять Марию.

Давайте выпьем за мою мать. Тем, что она хотела из Марии сделать проститутку подтолкнула меня к выбору. Именно тогда когда мне исполнилось пятьдесят лет я стал мужчиной...

Занятый поеданием пирога я не задумывался над значением его слов.

- Я сейчас прижмусь к Марии и поблагодарю судьбу, что дала мне так много счастья под конец моей жизни. И я не буду обижаться на нее, что не дала мне это счастье раньше. Ну потому что как? Когда мне было двадцать лет Мария еще сосала соску. Когда моя жена ушла в синюю даль, Мария только еще училась писать: "У Али есть кот". Когда мне было тридцать пять лет, прокурор мог меня посадить за совращение малолетних...

Юноша, не думай ни минуты дольше и попроси свою красавицу стать твоей женой. Я тебе скажу по секрету, что она этого хочет. Не будь таким дураком как я и не жди пока она сама это сделает. А ты красавица восхищайся своим мужчиной за то какой он есть. Только таким образом ты сделаешь из него мужчину. Ему нужна твоя похвала больше, чем твоя пигалица. Если ты не будешь им восхищаться ты начнешь его презирать

и он из самого лучшего мужчины привратится в одного из миллиона кретинов ходящих по этой планете.

Любите и говорите об этом друг другу каждый день и не откладывайте этого до завтра, думая что и завтра для этого найдется время. Живите сегодня для себя, а не для воспоминаний, фотографий в альбоме или открыток высланных с островов Хуля-Гуля.

- А что еще нужно, чтоб юноша вырос и стал мужчиной? – поинтересовалась твоя мама.

- Евреи говорили, что мужчина должен построить дом, посадить дерево и написать книгу.

- А что означали эти три символа?

- Ты задаешь умные вопросы, прекрасная девушка. Ты сразу поняла, что это только символы. Дом является символом интимности и ответственности. Чтобы быть мужчиной, нужно полностью взять на себя ответственность за свою судьбу. Если парень будет содержать свою семью на деньги папочки или социальную помощь, он никогда не сможет стать мужчиной. Только сознательность того, что если ОН не заработает, то его семья умрет с голода, что это он отвечает за ее судьбу даст ему шансы стать мужчиной.

- Точно также было и с тобой? Когда ты почувствовал ответственность за Марию?

- Мария, чтобы откупиться от своей профессии, все свои сэкономленные деньги отдала своему "покровителю". Она осталась без копейки полагаясь только на меня.

- А что означает интимность? Здесь речь идет о сексе?

- Интимность - это разграничение мира стенами. Начинает что-то существовать внутри, что является собственностью только семьи, и что-то снаружи - чужое. Всякие попытки создания всевозможных общин и коммун привели только к недоразвитости личности у таких мужчин, которые верили именно в коллективизм.

Посадить дерево является символом воспроизведения потомка и терпения. Точно также как много терпения надо, чтобы из семечки выросло дерево, как чтобы из семени вырастить созревшего человека.

Написать книгу означает иметь в жизни страсть, придающую жизни цель и смысл, а также иметь свое собственное мнение. Сидеть упялившись в телевизор с пилотом в руках и переключать каналы это не увлечение, потому что человек ничего не создает, это не имеет цели и

не вносит никакой цели в жизни. Пьянство тоже не является страстью и поэтому я предлагаю выпить за здоровье Марии. Пусть у нее будет свое увлечение и пусть она радуется жизни, когда меня не станет.

Мы выпили и я потянулся за следующим куском пирога. На этот раз я его ел, наслаждаясь каждой крошкой.

- А зарабатывать денег может быть увлечением? - спросил я, слизывая с ложки остатки пирога.

- Нет. Собираение денег только для того, чтобы они у тебя были не имеет никакого значения.

- Так что, надо стать нищим, чтобы стать счастливым? - спросил я.

- Юноша, мы говорим о двух абсолютно разных вещах. Если ты хочешь купить самолет, то скорее всего тебе надо будет насобирать очень много денег, но твоей целью все равно останется самолет. А если ты будешь работать только для того, чтобы у тебя был толстый кошелек, а твоей целью будет накопить еще больше денег на банковском счету, то ты никогда не сможешь стать счастливым. Не считай денег, они не существуют для того, чтобы их собирать. Накопление станет только лишь числом не имеющим никакой ценности. Деньги только тогда имеют смысл, когда ты их тратишь.

Единственное что имеет в жизни постоянную ценность это время. Если ты посвящаешь кому-то свое время, то даешь ему часть своей жизни, часть себя. Ты узнаешь об этом когда у тебя появиться сын. Если даже ты дашь ему неизвестно сколько денег, купишь Яхту и Феррари, то и так останешься для него никем, если у тебя все равно нет времени, чтобы идти с ним на рыбалку, играть в футбол или разговаривать.

Если ты своей девушке дашь миллион долларов, но не найдешь времени, чтобы поехать с ней на экскурсию в горы, то она тебя никогда не полюбит.

Если ты своей жене будешь покупать дорогие меха, бриллианты и машины, а не себя, то она начнет тебя презирать. Это общеизвестно, что любовь невозможно купить. Если бы я давал Марии деньги на то, чтобы ей не приходилось работать проституткой, но не проводил бы с ней своего времени, то может быть она бы и была довольна, но начала бы меня презирать.

Женщины либо любят либо презирают - а когда начинают презирать, перестают любить.

Девушка становится женщиной в момент дефлорации, а психически созревает после родов и кормления ребенка.

Самцу природа не дала ни девственной плевы ни беременности и поэтому, шанс чтобы созреть у него появляется только рядом с женщиной. Ему ничего не дадут научные титулы, факультеты, книги, семинары. Если мужчина не жил с женщиной, настоящей женщиной, он навсегда останется юношей.

- Значит это женщина должна помочь юноше, чтобы он повзрослел и стал мужчиной?

- Конечно.

- А что ей нужно делать? - спросила твоя мама.

- Обходиться как с собакой.

- Это как?

- Позаботиться о том, чтобы у него всегда была полная миска, смотреть ему в глаза и говорить какой он умный, гладить по голове, радоваться при его появлении, научить его ходить возле ног, но самое главное: дать ему чувство, что он всегда сможет ее защитить. Иногда его надо спустить с цепи, пускай погуляет и порадуетсЯ свободой. Когда "матери Польки" именно так поступали со своими мужьями, вместо того, чтобы говорить: "он вполне взрослый и сам знает, что надо делать", тогда число разводов наверняка уменьшилось бы на двадцать процентов. Ну, мои дорогие, хватит уже читать лекции, давайте выпьем за здоровье Марии!

Мы выпили за здоровье Марии, ведь это она испекла этот замечательный пирог.

- Я погулял, почувствовал свободу и возвращаюсь обратно в свою будку, чтобы завтра с самого утра встать и махать хвостом при виде моей хозяйки. Спасибо вам большое. Я сегодня тоже чему-то научился.

- Чему? - спросил я удивленно.

- Тому, что мой возраст не дает мне права смотреть на кого бы то ни было сверху, независимо от того, как молодо этот кто-то выглядит.

- Спасибо вам за прекрасный вечер - ответили мы хором. - И мы очень просим поблагодарить от нас Марию за прекрасный пирог. - добавил я, протягивая ему пустой противень.

Он кивнул головой на прощанье и закрыл за собой двери, а я выключил диктофон.

- Ты записал все? - спросила твоя мама. - Я поняла, что ты записываешь, когда диктофон начал пищать.

- Да, я записал весь разговор, с момента как мы в первый раз сказали тост.

- Скорее всего мы прослушаем это и не раз. А теперь пошли спать.

- Сейчас, я только накрою эти два куска пирога и затушу свечу. Ну скажи и как тут не верить в духов? - спросил я риторически, аккуратно накрывая пирог.

На завтрак мы съели свежие булочки, который я купил в магазине, а остатки пирога мы взяли с собой в горы.

Простынь

- Супер история, но ты все еще не рассказал мне про ваш "первый раз" - заметила дочь.

- Ну честно говоря ты уже все знаешь. Мне только осталось поставить точку над "и". А именно: весь следующий день аж до заката солнца мы провели в горах. Когда мы возвращались уже было темно.

Мы вместе помылись и пошли спать.

Твоя мама сказала "я хочу".

Я встал.

Вынял из шкафа чистую простынь. Мама тоже встала, абсолютно уверенная в том, что в этот торжественный момент я хочу перестелить постель.

Я взял ее за руку и мы голые вышли из домика. Стояла жаркая безлунная ночь. Небо искрилось звездами как бриллиантами. Мы пошли на середину луга, на котором собирались провести нашу первую ночь. Мы встали на колени, будто приготовились молиться. Луг привратился в костел с куполом из звезд и алтарем из гор.

Мы чувствовали себя частью вселенной.

У нас есть право здесь быть и самим решать свою судьбу.

Мы вместе постелили простынь на траве...

Из девушки и юноши мы превратились в мужчину и женщину.

Вена, 7 октября 2003

Реверс

Для ксендза Бронислава Бозовского

Можно любить и в одиночку ходить в темноте
С дружбой все совсем по другому - она всегда заимна

Ксендз Бронислав Бозовский покровитель дружбы
Ты со своим носом и улыбкой спрятался на небе
Кто-то звонит и стучит уже долго
И снова спрашивают про тебя

Кс. Ян Твардовский

Плацебо

- Папа... - после долгой паузы Ида отозвалась первая.
- Я слушаю.
- Скажи, а мама уже тогда рисовала картины?
- Нет. Рисовать она начала после недели пребывания в клинике.
- А чем она болела?

Он встал и тихонечко открыл двери, будто это были двери детской, а не больничной палаты. Ида зашла сразу за ним. Возле кровати с погруженной в сон больной сидела медсестра и читала книгу. Она жестом попросила их подойти ближе.

- Вы можете спокойно ехать домой. Состояние больной стабильно, пульс и давление в норме. Эля приняла снотворное и будет спать до утра. - Улыбнулась она им. - Завтра утром поговорите с врачом и он вам скажет всю точную информацию, но только после утреннего обхода.

- Никакой от меня здесь пользы - сказал он, закрывая двери. - Если хочешь я могу подвезти тебя домой, а потом поеду к себе...

- О нет! Абсолютно нет! Я не позволю, чтобы ты сейчас уехал. Ты должен закончить сегодня то, что начал, и ты должен мне ответить на все мои вопросы - распорядилась Ида голосом не терпящим никакого сопротивления. И вдруг она будто испугалась своей напористости и добавила с юмором: - Я надеюсь, молодой человек, вы не думаете что вам удастся так без единого слова снова исчезнуть на неизвестно сколько времени из моей жизни. Я не разрешу тебе ехать ночью семьсот километром, сегодня ты остаешься у меня. Куда ты поставил машину?

- В подземном гараже.

- Все-таки очень хорошо, что я приехала на метро. У тебя появилась возможность повспоминать также по дороге домой.

- Но мне уже нечего вспоминать... - пробовал он отвлечь ее внимание от того, что еще не рассказал. - Ты знаешь уже практически все.

- Мы оба знаем, что о самом главном ты еще и не заикнулся.

- Что ты имеешь в виду? - он надеялся, что она спросит его про какую-нибудь неважную деталь, которую он сможет объяснить за несколько минут.

- Ты уже несколько часов рассказываешь мне про мою маму и еще ни разу ты не назвал ее по имени, ни даже сказал про нее: "моя жена". Я была в ярости когда увидела тебя в приемном покое. Я думала, что ты ненавидишь маму и что ты приехал сюда только для того, чтобы посмеяться с ее болезни. Я думала, что ты хочешь посмотреть как она умирает, чтобы отомстить ей за то, что она тебе сделала. Я не заметила, что ты на самом деле за нее переживаешь. Когда наступил кризис, я увидела, что ты молишься о ее здоровье. Ты неверующий, молишься чтобы она выздоровела! Потом я подумала, что ты хочешь встретиться с мамой и попросить у нее прощения за что-то чего я не знаю. Но после операции ты этого не сделал, а ведь она была в сознании. Ты даже не сказал "прости" будто на тебе абсолютно не было никакой вины. А я ведь знаю, что кроме мамы у тебя в жизни была еще другая женщина.

- Я не скрываю, что у меня было много женщин...

- Я не говорю про период после развода. Я говорю про время, когда вы еще были женаты.

- Про кого ты говоришь?

- Ты ее любил?

- Да, я любил твою маму, я же этого не скрываю...

- Я хочу узнать почему ты изменял маме?

- С кем? - спросил он, будто не понимал про кого идет речь.

- Не делай из меня дурочку. У тебя была любовница. Ты по неосторожности даже сказал ее имя. Я говорю про Бэлла. Ты любил ее точно также как маму или даже больше?

- Да. Наверное даже больше - сказал он, смотря ей прямо в глаза.

- Бэлла это женщина с которой ты сейчас?

- Нет, Бэлла уже давно не существует.

- Бэлла расстроила ваше замужество?

- Нет, даже наоборот, она сделала наш брак более прочным. - засмеялся он.

- Папа не обманывай меня. Я никогда не считала тебя святым. Сегодня я могу тебе поверить, поэтому воспользуйся этим и не ври. Я хочу узнать правду!

- Мне абсолютно безразлично, что ты про меня подумаешь. Я прошу тебя только об одном, не укоряй меня во вранье до тех пор пока меня на нем не поймаешь – сказал он, сосредотачиваясь на вождении машины. - Большинство вещей, ситуаций и эмоций кажутся нам совсем другими нежели на самом деле. В детстве мы научились делить происшествия, людей, чувства и даже зверей на плохих и хороших. Взрослея, мы начинаем понимать, что не существует ни абсолютного зла ни чистейшего добра. Ничто в этом мире не идеально. То, что хорошо для меня может навредить тебе или даже убить. Если я в своем рассказе сделаю из себя невинного ангела, то ты можешь даже возненавидеть свою мать.

Я хотел рассказать тебе очень многое, но не все, чтобы оставить место для твоего собственного мнения. Теперь я понимаю, что независимо от того как много я тебе расскажу, все равно останется эта пустота. - Он знал, что от убеждений нет никаких лекарств, а молчание все равно, что плацебо. Действуя в соответствии с ожиданиями пациента оно также может иметь побочные эффекты и зависимости. Чтобы помочь дочери набрать дистанцию по отношению к эмоциям появившимся из-за вопросов про измену, он придумал способ помогающий слегка оттянуть время.

- Пусть будет так как ты захочешь. Я расскажу тебе всю правду. Я отвечу на все твои вопросы. Я прошу тебя только об одном, что-бы ты набралась немного терпения. По-моему одна ночь без сна начинает мне слегка мешать. Давай я вначале помоюсь, а ты приготовишь мне большую чашку кофе. Прошу тебя, не оценивай и не обвиняй меня до тех пор пока ты не услышишь всю историю моего брака с Элей. - Место для парковки он нашел возле самого подъезда.

- Хорошо, папа - сказала она спокойным голосом, открывая двери квартиры. - Но у меня к тебе тоже есть просьба. Я хочу, чтоб ты напустил себе полную ванну воды, полежал в пене и хорошенько отдохнул, чтобы я потом могла без всяких ограничений заняться распросами. У меня их насобиралось очень много за последние годы.

- Дай мне только полотенце - попросил он задумавшись и без единого слова закрыл двери ванной. Во время купания он приготовил следующую порцию воспоминаний.

Пена своим запахом напоминает облака на летнем небе, когда вы лежите на лугу и смотрите вверх, и мысли плывут медленнее чем облака...

Он очнулся замерзший, но зато бодрый. Затем вытерся полотенцем, надел чистые трусы и носки, которые возил с собой на всякий случай, точно так же как зубную щетку и паспорт. Вымыл ванну, чтоб не оставлять за собой никаких следов.

Сон

Ида в то время побежала в близлежащий магазинчик. Яйца стоили здесь почти в два раза дороже, чем в супермаркете, но у них был совсем другой вкус, точно также как свежий сыр, сметана и масло, которые владелец магазина привозил прямо с фермы.

Она очень быстро сделала тесто. Еще до того, как он вышел из вынны, она успела перелить его в бляшку и поставить в разогретую духовку. Кипятком запарила кофе.

- Ты голоден? - спросила она, неся чашки с ароматным напитком и что-то напевая себе под нос. - Поешь чего-нибудь?

- Потом, теперь я мечтаю только о кофе.

- Я жду с нетерпением продолжения. - Настроение у нее явно поправилось. - Я предполагаю, что в ванне ты приготовил следующую часть воспоминаний, поэтому пожалуйста перейди сразу к теме.

- Я тебя обожаю, ты хоть и требовательный но все-таки превосходный слушатель.

- Я ведь тебя просила не отклоняться от темы - журила она его, будто он был ее сыном.

- Хорошо, я возвращаюсь к воспоминаниям. Помнишь я говорил тебе, что на нашем острове не было электричества? У нас было более сотни свечей, которые мы зажигали по одной перед тем как пойти спать. Это был третий или четвертый вечер нашего приключения. Эля уже лежала в постели, а я еще что-то делал за столом. За окном сверчали цикады. То и дело мы прерывали эту тишину, говоря что-то друг другу. Свет от свечи освещал лицо моей жены. Она выглядела прекрасно с закрытыми глазами. Она выглядела как спящий ангелочек и я хотел ей об этом сказать.

- Ты спишь? - спросил я.

- Сплю - ответила Эля.

- Как это? Ты спишь и ты разговариваешь? Это что какая то новая игра "притворяюсь, что сплю"? - пошутил я.

- Нет, это не игра, я сплю - повторила она спокойно.

- Я никогда не слышал, чтобы кто-либо так внятно говорил сквозь сон.

- Ты еще не слышал очень много вещей - сказала она философски.

- Ты умеешь говорить сквозь сон?

- Да, ты уже два раза про это спросил.

- Почему ты раньше мне про это не говорила?

- Потому что раньше я тебе не доверяла.

- А что такого случилось, что именно сегодня ты начала мне доверять? - удивился я, потому что ничего особенного я не помнил.

- Сегодня ничего особенного не случилось, я доверяю тебе уже несколько месяцев.

- Тогда почему именно сегодня ты говоришь со мной сквозь сон?

- До этого не было огня.

- Какого огня? Мое сердце горит! - игрался я нашим разговором будто это была шутка.

- Не было огня. Для того, чтобы я могла говорить сквозь сон нужно пламя костра или свечи.

- Мы разговариваем с тобой все дни напролет, а ты даже не сказала мне, что можешь говорить сквозь сон.

- Эля не могла тебе этого сказать.

- Почему?

- Эля об этом не знает.

- Как это не знает?

- Очень просто... Не знает... - говорила она так, будто была абсолютно кем-то другим.

- Значит ты не Эля? - не понимал я.

- Нет я не Эля. Единственное, что нас соединяет это тело.

- Тогда кто ты? - мой голос надломился, когда я понял всю необычность момента.

- Второй личностью, живущей в том же самом теле. - Я почувствовал, как пот полился у меня по спине.

- Кто ты тогда такая?

- Когда-то давно я была жрицей у богини домашнего огня.

- Кем?

- Хранительницей домашнего очага.

- Как тебя зовут?

- Тогда у меня не было своего имени. В средневековьи меня звали точно также как мою богиню: Веста или Хестия.

- А как мне к тебе обращаться?
- Обращайся так как тебе нравится.
- Тогда я назову тебя Эля Б - все еще пробовал шутить я.
- Мне это не нравится - выгнула она губы в форме подковы.
- А как бы ты хотела, чтоб тебя называли?
- Зови меня Бэллой.
- Очаровательно! - пробовал я как-то набрать дистанции ко всему происходящему, сделать из всего шутку, так как все, что происходило, абсолютно не соответствовало моему пониманию мира. - Как же ты обрадуешься, когда я все расскажу тебе завтра утром про твой сон.

- Это не сон.
- А что? Шутка?
- Это не шутка.
- Хорошо. Если ты предпочитаешь назвать это игрой, пусть это будет игра. Ну и повеселимся же мы завтра!
- Не делай этого. - сказала она решительно.
- Не делать чего?
- Не рассказывай Эле о моем существовании.
- Почему нет? Это очень забавно...
- Для Эли это абсолютно бы не было забавно...- На ее лице было выражение ужаса.

- Конечно будет! Я ее очень хорошо знаю.
- Тебе только так кажется. Ты совсем ее не знаешь.
- Но ведь я ее муж - вставил я идиотский аргумент.
- Ты знаешь только то, что она тебе скажет. Я живу в ней и все о ней знаю.

- Завтра я расскажу об этом Элле. Может нужно будет какое то лечение - подумал я вслух, веря во всемогущих врачей.
- Если ты расскажешь Элле обо мне я могу причинить ей боль. - ее страх нарастал.

- Как?
- Для нее это будет огромным шоком.
- А ты понимаешь, какой шок переживаю сейчас я? Моя жена говорит сквозь сон будто это кто-то другой!
- Я понимаю. Но она этого не переживет.
- Что ты хочешь этим сказать?

- А как бы ты себя почувствовал если бы кто-то тебе сказал, что в твоём теле живёт кто-то ещё. Кто-то кто думает по-другому, чувствует по-другому и плюс ко всему кто-то кто знает о тебе абсолютно все, а ты об этом даже не знаешь.

- Я бы наверное сошел с ума! - постепенно я начинал понимать всю ситуацию.

- Так бы случилось, если бы ты рассказал обо мне Элле. То, что для тебя является только шоком, могло бы привести Элю к помешательству.

- Ты понимаешь о чем ты говоришь?

- Понимаю. Эля не только бы решила, что сошла с ума, но и совершила бы самоубийство.

- Почему ты так считаешь?

- Потому что я знаю Элю. Я знаю её полностью без исключения.

- Ты даже знаешь, что Эля думает, чувствует и видит?

- Да. У меня есть полный доступ к её чувствам, эмоциям и памяти. Но говорить её губами я могу только тогда, когда она спит и когда рядом горит огонь.

- Она абсолютно ничего о тебе не знает?

- Она даже не подозревает о том, что я существую.

- Эля является кормилицей паразита?

- Ты можешь думать об этом и так если тебе удобно.

- А ты смогла бы поговорить с Элей, если бы ты этого захотела?

- У меня нет активного доступа к этой части её мозга. Когда Эля находится в сознании, то она является только наблюдателем того, что происходит: того, что она видит, слышит, что думает и что чувствует.

- Я не могу поверить в то что ты мне говоришь...

- Ты не обязан. Мы можем закончить этот разговор. Хочешь?

- Ты появляешься в самый счастливый момент моей жизни, когда рядом со мной находится женщина, которую я люблю и которая является моей женой и...

- И я пытаюсь разрушить твоё так старательно сотканное счастье... - закончила она.

- Откуда ты знаешь, что я хотел сказать именно это?

- Потому что я знаю больше, чем тебе кажется.

- А именно что?

- Я знаю тебя три раза лучше по сравнению с Элей.

- Она ведь знает обо мне все!
- Эля знает только то, что ты позволяешь ей знать.
- Ты дух? Ты что существуешь также и во мне?
- Нет, я не дух. Я существую! - она практически кричала, не соглашаясь на то, что ее принимают за привидение.
- Но ты ведь говоришь, что умеешь читать в моих мыслях - я вдруг почувствовал, что могу сойти с ума.
- Тебе может так казаться, но это неправда.
- Тогда почему ты настаиваешь на том, что знаешь меня лучше чем Эля?
- Я способна увидеть больше фактов, проанализировать их и сделать выводы.
- Приведи мне пример чего-то, чего не знает Эля.
- Ты уверен, что не будешь потрясен от услышенного?
- Ну пожалуйста, удиви меня чем-нибудь!
- Ты еще недостаточно шокирован происходящим? - посмеивалась она.
- Да я шокирован, но не настолько, чтобы ты меня еще чем либо могла удивить.
- Ну только если ты настаиваешь...
- Настаиваю!
- Через пару минут ты пойдешь покурить.
- Я бы сделал это с большим удовольствием уже сейчас, но у меня нет сигарет - врал я. - Скажи у Эли припрятана где-нибудь пачка? Скажи где?
- Ты врешь! Несмотря на то, что перед приездом сюда вы с Элей договорились, ты все равно привез по крайней мере одну пачку - сказала она с уверенной улыбкой.
- Откуда ты знаешь, что я соврал? - спросил я заинтересованный тем, как она могла узнать мою тайну.
- Когда ты сказал, что у тебя нет сигарет у тебя изменился тон голоса и ты сделал большую, чем обычно паузу между этими словами.
- Ты слышишь то, чего нельзя услышать?
- Это называется подпороговым восприятием. Я вижу и слышу только то, что слышит Эля, но кроме этого я умею соединять воедино разные факторы.
- А Эля знает про сигареты?

- Нет, она не догадывается.
- Ты знаешь даже о чем она думает?
- Да я знаю про Элю больше, чем она знает о самой себе.
- Откуда ты знаешь, что я припрятал пачку сигарет? Ты не могла почувствовать, так как я еще не курил. Ты не могла их заметить, так как я их еще не доставал. Если ты так умеешь замечать, скажи где лежит эта пачка.
- Одна из пар носков в углу полки выглядит больше чем остальные.
- Это означает, что я даже не могу тебя обмануть?
- Вероятность того, что все-таки сможешь очень мала. Только тогда, когда ты будешь врать не отдавая в этом себе отчета, только тогда у тебя не будет дрожать голос.
- Значит вместо этого ты можешь мне врать сколько тебе только заблагорассудится. Эта игра мне перестает нравиться.
- Я не могу тебя обмануть...
- Почему нет?
- Я не умею. Даже если я этого сильно захочу, я не смогу этого сделать.
- Что ты хочешь этим сказать? - уже это показалось мне огромным шоком.
- Точно то, что ты услышал. Я не в состоянии сказать ни единого слова лжи. Самое большее что я смогу сделать это промолчать.
- И я должен в это поверить?
- Ты сделаешь так, как считаешь нужным.
- У меня беспорядок в голове и множество вопросов.
- Спрашивай.
- Скажи мне как ты себя чувствуешь будучи в чужом теле?
- Наверное точно так же как чувствует себя парализованный немой - ответила она задумчиво.
- Но Эля не немая.
- Эля говорит за себя. Она говорит то, что она думает, а не то, что хочу сказать я.
- А ты думаешь по-другому чем Эля?
- Совсем по другому.
- Эля для тебя чужой человек?
- Мы живем в одном теле и я завишу от нее.

- Ты выкручиваешься от прямого ответа - заметил я с удовольствием, ловя ее на неточном ответе.

- Иногда она мне кажется чужой, а иногда близкой. Я знаю, о чем она думает, что чувствует, как сильно она тебя любит...

- Ну а ты ее любишь?

- Я ее люблю как младшую сестру. Иногда она меня ужасно раздражает, а однажды я даже за нее беспокоилась.

- А теперь ты за нее не беспокоишься?

- С тех пор как она познакомилась с тобой я чувствую себя намного более спокойно.

- Почему?

- Потому что хоть ты и сумасшедший, но все-таки ответственный. Ты заботишься о ней, а значит и обо мне.

- Эля меня по настоящему любит?

- Да. - И после секундного перерыва она добавила: - Любит по-своему.

- Что ты хочешь этим сказать? - я догадался, что она что-то хочет от меня скрыть.

- Я ничего больше не хочу говорить. Это ваше личное дело.

- А как ты относишься ко мне?

- На сегодня хватит уже вопросов - ответила она решительно.

- Это означает, что когда-нибудь ты со мной еще будешь разговаривать?

- Если только ты этого захочешь.

- Что мне надо будет сделать, если я захочу с тобой поговорить?

- Тоже самое, что и сегодня. Стоит только зажечь свечу, когда Эля заснет и позвать меня.

- Значит это не последний наш разговор?

- Нет. Ну если только ты проговоришься кому-либо о моем существовании я больше никогда с тобой не заговорю.

- Никому?

- Абсолютно никому!

- Ты наверное была права, мне нужно покурить а то мой мозг скоро закипит.

- Тогда иди, только прошу не гаси свечу, потушишь когда вернешься... Пожалуйста...

Я достал из носков спрятанную пачку сигарет. Я пошел на берег моря смотреть светлеющее, перед восходом солнца, небо. Я выкурил одну за другой четыре сигареты подряд, пробуя объяснить себе все то, что произошло. Я только чувствовал нарастающий беспорядок у себя в голове. Я воображал себе как бы я себя чувствовал если бы жил в чьей-то голове. Как парализованный немой, который даже не может покончить с собой. Я ужаснулся от самой мысли, что какой-то чужой мужик может жить у меня в голове.

Я чувствовал как моя голова раскалывается от мыслей.

Я возвратился домой и перед тем как погасить свечу, поцеловал свою жену в лоб.

- Доброй ночи, Бэлла - прошептал я.

- Спокойной ночи - ответила она шепотом.

Я прижался к Эле-Бэлле. У нее была мокрая щека. Паразит плакал!

- Почему ты плачешь?

- От счастья. Сегодня ты ничего не поймешь. Когда-нибудь я тебе расскажу...

Я не спросил когда. Мне захотелось спать и я моментально уснул.

Он замолчал. Потом посмотрел на дочь, которая потирала себе лоб и пробовал понять о чем она сейчас думает. Ее онемение прервал звонок доносящийся из кухни. Она встала и без единого слова пошла на кухню, забирая с собой пустые чашки.

Он сидел в кресле с закрытыми глазами. Он сомневался, что поступил правильно, рассказывая Иде обо всем. Может и на этот раз ему придется все отменить, чтобы все это не окончилось трагедией...

Овсянка

Через некоторое время дочь вернулась неся с собой две рюмки и бутылку виски.

- Папочка, та история про духов, которую ты мне рассказал в больнице произвела на меня огромное впечатление, но она была ничем по сравнению с тем что ты только что мне рассказал. У меня есть огромное желание выпить с тобой за здоровье мамы. Что скажешь?

- С огромным удовольствием.

Она наполнила рюмки и выпила залпом, будто это был не алкоголь, а компот.

- Рассказывай дальше. Теперь можешь с отступлениями от темы, мне уже все равно. Но я тебя предупреждаю, если ты решишь прервать свой рассказ не заканчивая я тебя точно убью.

- Чем, если можно спросить? - дразнился он с ней как с ребенком, чтобы разрядить плохое настроение.

- Я задушю тебя голыми руками или подушкой.

- А если бы я уехал, чтобы избежать казни?

- А как ты думаешь, зачем я принесла алкоголь? Для того, чтобы убедиться, что ты останешься на ночь - засмеялась она сердечно.

- Ты очень хорошо придумала, я про это не подумал.

- Спасибо за комплемент. Ты уже разрядил напряжение и можешь продолжать свой рассказ?

- Могу...

- Тогда продолжай!

- Хорошо. Продолжаю. На следующий день Эля еле-еле меня разбудила. Завтрак полностью остыл прежде чем я смог встать с кровати. Скорее всего я смотрел на нее как-то странно, потому что она спросила, почему я так странно к ней присматриваюсь.

- Ты знаешь, что ты можешь говорить сквозь сон? - спросил я мешая ложкой какую-то молочную смесь в тарелке.

- Что?! - она выкатила на меня глаза и замерла с полной ложкой клейкого вещества.

- Ну да, говоришь сквозь сон... - начал я, смотря на узоры которые оставляла ложка в пудинговой массе. И вскоре я об этом пожалел.

- Ты что принимаешь меня за дуру? А может я сошла с ума и ничего еще про это не знаю? - она зажала пальцы на поднесенной ко рту ложке.

- Вчера, когда ты спала, я пробовал с тобой разговаривать... – пробовал я отступить.

- Что я тебе рассказывала? Сейчас же говори! - с ложки ей на колени капала белая масса, а она этого даже не почувствовала. Я все понял. Бэлла была права. Еще секунда и случиться непоправимое. Мне нужно было тотчас же сменить тему.

- Сегодня ночью я почти два часа пробовал с тобой разговаривать, потому что я хотел узнать есть ли у тебя такой талант. - если бы я сейчас начал что-либо отрицать, она бы мне не поверила. Я говорил будто нехотя, страстно мешая этот холодный суп, будто я был голоден.

- Почему? Чтобы меня унижить и сделать из меня дуру? Ты хотел доказать себе, что я ненормальная? - раскричалась она, размахивая руками и разбрызгивая повсюду клейкую амброзию.

Если бы я не ощущал своей вины, я бы попросил, чтобы она успокоилась. Если бы это был другой случай, то я бы попросил, чтобы она успокоилась и не вела себя как ненормальная, но я чувствовал, что это могло привести к трагедии. Поэтому я делал вид, что все в порядке и не замечаю ее реакции.

- Я же не говорю, что ты говоришь сквозь сон... - пробублькал я со ртом полным несъедобной массы.

- Что я говорила?! - заричала она.

- Ну я же тебе говорю, что после двух часов моих попыток ты сказала "оставь меня в покое" и отвернулась от меня. - я смотрел в тарелку, боясь, что Эля услышит в моем голосе вранье.

- Зачем ты это сделал? Что ты хотел этим доказать? Что мне надо лечиться? Да?! Ты нашел повод, чтобы поместить меня в психушку?! – кричала она стучая нервно по тарелке ложкой.

- Как это зачем? Ты не понимаешь? Я провел пол ночи, чтобы узнать можешь ли ты говорить сквозь сон. Я надеюсь, что когда я засну сегодня вечером ты поробуешь поговорить со мной хоть пятнадцать минут. Если ты не способна говорить сквозь сон, то может тебе удастся выманить из меня хоть какие секреты. Это было бы захватывающе, ты так не думаешь?

- Я не собираюсь делать из тебя дурака! Это для тебя важно, чтобы сделать из меня идиотку и признать наш брак не состоявшимся! – выкрикивала она бессмысленные обвинения, зато перестала размахивать руками и разбрызгивать повсюду клейкую массу.

- Ну нет, достаточно этого всего. Вот что я тебе скажу, - она разозлила меня своими словами. К счастью я во время остановился. Делая вид, что я не слышу ее обвинений я перешел к атаке. - Я разочарован и зол. Я думал ты захочешь посвятить хотя бы пол часа своего ценного сна на то, чтобы проверить если у меня такие редкие способности.

- Ты что хотел бы быть психически больным? - спросила она на повышенных тонах. Скорее всего она начинала успокаиваться. - Зачем тебе это знать?

- Ну что в этом общего с психической болезнью? А может это ты боишься? Может ты боишься сказать сквозь сон то, что никогда бы не сказала наяву? Я не боюсь, потому что мне нечего скрывать. Я тебе не изменял. Во мне нет ничего, чего бы ты не знала, никаких от тебя секретов. Когда я сплю, я наверняка люблю тебя также сильно. Если ты не хочешь попробовать только потому что этого не позволяет тебе твоя мораль, тогда и не надо. Мне только очень жаль, что в таких интимных делах я не могу полагаться даже на свою жену. Я наверное попрошу кого-нибудь другого, кто сможет поговорить со мной во время моего сна и узнать могу ли я сквозь сон поделиться чем-то интересным... - закрыл я тему одновременно доедая кашу непригодную к пище.

Кухня выглядела так будто кто-то влил манную кашу в вентилятор. Я даже и не пробовал помогать с уборкой этого побоища, потому что боялся что не выдержу и начну комментировать этот хлев. Я сказал, что мне надо удалиться в туалет. Я побежал в уборную, чтобы предоставить ей время на уборку. Мне было плохо после этого завтрака.

Когда меня рвало овсянкой я подумал, что очень близко приблизился к границе с адом. С той самой минуты я понял, что если я не хочу испытывать страх перед собственной женой, мне надо избегать всевозможных тем связанных с психическими расстройствами и анекдотов про психов. Когда я вернулся из туалета кухня была идеально чистой. Скорее всего женщины пригодны не только к наведению беспорядков, но также и к наведению порядков.

День прошел очень спокойно. После полудня все пришло в норму и мы снова были голые, веселые, счастливые и занимались любовью в море...

Вечером, когда мы ложились спать я умолял Элю, чтобы она попробовала поговорить со мной когда я засну. Она согласилась на удивление легко. Может быть она поменяла свое отношение ко всему, а может хотела узнать что-то от меня?

Я уснул без всяких проблем.

На следующее утро я проснулся выспавшийся как мопс. На завтрак я нажарил моих любимых блинчиков с клубничным вареньем.

Эля тоже встала с хорошим настроением. Она рассказывала как на протяжении более двух часов она пробовала со мной говорить, а я ей только и отвечал что "дай мне заснуть" и "иди спать, любимая".

Я был "ужасно разочарован". Она даже начала меня утешать, говоря, чтобы я не переживал ведь у меня есть и другие способности. Притворяться разочарованным у меня получалось очень легко. Из-за своей бессмысленной открытости, т.е. из-за выдавания чужих секретов, я скорее всего сделал так, что Бэлла никогда больше не захочет со мной заговорить. Я не пробовал возвращаться к теме разговоров сквозь сон. Эля тоже об этом не упоминала. Следующие несколько лет нашего замужества, когда мы вспоминали наше пребывание на острове мы никогда не затрагивали этой темы. Я получил хороший урок. Я уже знал как ведет себя Эля во время амока. Я знал, что ее взгляда и выражения лица можно испугаться.

Если бы я был Форестом Гампом то скорее всего закончил ту историю золотой мыслью "не вливай овсянки в вентилятор".

Травиата

Я переживал, что Бэлла не захочет никогда со мной заговорить, потому что я выдал ее секрет, а у меня к ней было столько вопросов. Чем больше я об этом думал, тем больше вопросов у меня появлялось.

Пришел вечер. Эля пошла спать первой и сразу же заснула. Она наверное очень устала прошлой ночью пробуя разovarивть со мной сквозь сон. Я сел в том же самом месте при столе и зажег свечу.

- Здравствуй Бэлла, я бы очень хотел с тобой поговорить - начал я спокойным, нежным голосом будто говорил с ребенком. Я знал, что получить прощение будет совсм не просто: - Ты обижаешься на меня. Я знаю. Я не смог сдержать моего слова, но не до конца. Я ничего не сказал о твоём существовании. Но не смотря на это я чувствую себя виноватым, потому что я тебе не поверил. Эта история является для меня чем-то настолько необыкновенным, что я не смог сохранить ее в тайне. Я понимаю, что ты можешь никогда со мной больше не заговорить. Я оказался Фомой Неверующим, но признай, что я отлично вышел из такой неприятной ситуации за завтраком. Несмотря на то, что я был перепуган, сумел сохранить самообладание. Ну и что с того, что от страха меня потом вырвало? Эту овсянку и так было невозможно есть.

Эля ни о чем не подозревает. Прoshлой ночью она пыталась разговаривать со мной, когда я спал. Если ты хочешь меня наказать, то пожалуйста выбери какую угодно меру наказания, только не молчи! Я сделаю все что только ты захочешь, только пожалуйста поговори со мной хоть раз.

Ты меня знаешь. Ты знаешь каким упрямым могу быть я и как долго я могу вести свои монологи. Ты убедишься. Я буду говорить с тобой до тех пор пока ты не согласишься, что я уже никому больше не скажу о твоём существовании. Когда-нибудь настанет день в котором ты сможешь меня простить. Сегодня я только хочу тебе сказать "прости".

В начале я воспринимал тебя только как паразита, живущего в моей жене. Я думал над тем как тебя уничтожить, чтобы освободить от тебя Элю. Эти два последних дня я не мог думать ни о чем другом. я представлял, как бы чувствовал себя если бы был второй личностью, живущей в чужом теле и если у меня был бы доступ ко всем информациям, если б я мог пользоваться интеллигентностью, но зато у

меня не было бы возможности разговаривать с внешним миром. Это было бы ужасно. Никто бы не знал о моем существовании. Такого чувства изоляции не почувствует даже человек живущий на необитаемом острове... И вдруг, после стольких лет одиночества появляется человек. Ты доверилась в надежде что он не причинит вреда ни тебе ни этому второму человеку. И не важно что он из себя представляет, кто он такой. Он мог бы быть ничего не чувствующим, простым дровосеком, которого интересует только футбол и светлое пиво. Это все равно, что к родившемуся и пребывающему в тюрьме, которого приговорили к пожизненному заключению заключенному вдруг пришел посетитель. Он был радовался хамству, иронии и ехидству своего гостя. Радуюсь возможности существования, он бы даже был рад сравнению с "паразит".

Именно так я отнесся к тебе во время нашего разговора. Я воспользовался своим преимуществом. Потому что это я в любой момент мог погасить свечу, встать и уйти. Ты могла только замолчать.

Я представил себе как это должно быть ужасно видеть мир только чужими глазами. Ты вынужденна каждый день смотреть только повторяющиеся мыльные оперы. Но хуже всего это когда например у тебя нет возможности дочитать книгу которая тебя интересует, только потому что кто-то считает ее неинтересной. Нужно слушать поп музыку, потому что человек обладающий слухом ее любит. Но это еще можно выдержать. Хуже всего, наверное, это когда она ненавидит оперную музыку и выключит радио в половине арии. Как ужасно должно быть, когда она слишком быстро ведет машину, а у тебя даже нет возможности попросить, чтобы она сбросила скорость. Как можно ненавидеть за то что она курит, пьет, принимает наркотики или спит с мужчинами которые тебе противны. И ты ничего абсолютно ничего не можешь с этим поделать.

Что с того, что у тебя мозг Эйнштейна или знания всей энциклопедии, если ты и так не можешь этим поделиться, рассказать, обсудить. Единственный выход это стать циником избавленным от всех эмоций. Потому что если в такой спрятанной личности есть еще и богатый внутренний мир, то наверное единственным ее желанием является перестать существовать и тогда единственный выход это покончить с собой. Но даже это невозможно, потому что ты даже не можешь пошевелить рукой. Такой расклад должно быть ужасней, чем

судьба человека искусственно поддерживаемого при жизни, потому что у того хотя бы есть надежда умереть.

Ты не поговоришь со мной? Почему ты хочешь сама себя казнить, только за то, что доверилась мне? Мне очень жаль, что Эля не вышла замуж за кого-то другого. За кого-то кто умеет держать язык за зубами.

Те меня ненавидишь и меня презираешь. Тем более ты знаешь меня очень хорошо и знаешь, что я не раз врал Эле. Я говорил ей, что ее люблю в моментах когда этого не чувствовал. Когда я говорил ей, что все хорошо, а на самом деле она меня раздражала своей незрелостью. Когда я соглашался с ней и даже не пробовал ей ничего объяснить, потому что и так считал, что она этого не поймет.

Мне очень жаль что я не похожу на твой идеал. Я очень надеюсь зато, что хорошо подхожу Эле, а для тебя останусь лишь воспоминанием. Я понимаю твоё нежелание разговаривать со мной.

Неужели Эля своим поведением дала тебе надежду на то, что наш брак не будет вечным? Может следующий муж Эли будет тебе ближе по духу?

Прости меня.

Что? Ты думаешь что я вру и никак на это не отреагирую? Я надеялся, что тебя спровоцирую и мне не надо будет прибегать к последнему аргументу.

Бэлла, пожалуйста не вынуждай меня делать это. Я не хочу, чтобы тебе было больно. Я знаю, что ты меня слышишь, я знаю что думаешь и знаю, что чувствуешь. Ты выдыла себя. Судьба не была к тебе благосклонна даже в этом. Ты не каменная. Прошу тебя, скажи что-нибудь перед тем, как мы обоим об этом пожалеем. Тебе нужно время подумать? Хорошо. Я пойду покурить.

Я вышел на улицу. Была прекрасная ночь. Я лег навзничь и медленно курил сигарету смотря на звезды. Я улыбался слушая морской прибой. Я поверил в то, что Бэлла все-таки со мной заговорит. Вера не только способна творить чудеса, но и способна растянуть в улыбке ваши губы... Я был настолько счастлив, будто она со мной разговаривала и это не был только мой монолог.

Я возвратился в домик и сел рядом со своей женой. Я взял ее ладонь в свою.

- Бэлла я не допущу, чтобы ты ушла. Я не позволю тебе молчать! И знаешь почему? Я только что объяснял тебе свои воображения на тему как скорее всего тяжело переносить все эти глупости и бессмысленное поведение Эли.

Но есть еще что-то более ужасное.

Скорее всего невыносимой должна быть ситуация, когда ты любишь и не можешь этого сказать...

Я кажется нашел способ как попросить у тебя прощения за вчерашний инцидент за завтраком. Я возьму тебя на концерт Травиаты Верди и весь вечер буду держать тебя за руку. Эля будет счастлива, а ты за это получишь мою тайну и до конца жизни сможешь вспоминать тот момент.

Я замолчал на мгновение, что бы она могла себе представить арию из третьего акта. Из закрытых глаз потекли слезы.

- Бэлла ты в меня влюбилась! Ты любишь меня больше, чем можешь молчать. Ты только поэтому заговорила со мной позавчера, чтобы у тебя была надежда, что когда-нибудь в будущем ты сможешь мне об этом сказать. Если то что я сейчас сказал неправда, то у тебя есть право промолчать, но если правда, тогда твоё молчание будет враньем.

Мы оба знаем, что значили твои слезы. Позавчера ты чувствовала себя счастливой. В конце концов ты смогла существовать для кого-то. Разве это не было прекрасно? Мы оба знаем, что значат твои слезы сейчас. Твое самое большое, самое сокровенное, самое неправдоподобное, неосуществимое желание исполняется прямо сейчас.

Я нагнулся и очень нежно прикоснулся к ее губам. Они задрожали.

- Я люблю тебя Бэлла - сказал я абсолютно сознательно. - Ты знаешь что я не вру. Прошу тебя не пробуй врать своим молчанием. Пожалуйста, скажи что-нибудь...

- Я люблю тебя... - прошептала она еле слышно.

Я лег рядом с ней и взял ее за руку. Мои уши были мокрые от слез. Именно так началась прекрасная и совершенно необычная любовь моей жизни.

Он затих на мгновение.

- Налей мне еще, пожалуйста... - выпил он до дна будто это был компот.

Кондуктор

- Ты являешься вторым человеком, который узнал о существовании Бэллы. Той ночью я был уверен, что никому это не расскажу.

- А значит ты уже когда-то нарушил данное Бэлле обещание?

- Да.

- Кому ты рассказал?

- Это случилось после года нашего брака. Жизнь с твоей мамой не всегда была выстлана розами. Если бы не Бэлла, я развелся бы уже после нескольких месяцев после свадьбы, ну или просто не жил. Врачи не могли ей помочь. Они очень хорошо оперировали медицинскими терминами, только ничем не могли помочь. Тогда еще не существовали селективные ингибиторы обратного спуска серотонины, а трекольцевые не помогали.

- А что говорили врачи, какой ставили диагноз?

- Биполярное аффективное расстройство.

- Что это?

- Болезнь.

- Я никогда о такой не слышала. Пожалуйста, объясни так, чтобы я поняла.

- Ты слышала о ней по названию маниакально-депрессивный психоз.

- Как это проявлялось? - интерес Иды повышался.

- Жизнью на качелях. Я никогда не знал что меня ждет дома когда открывал входные двери возвращаясь с работы. Огромное отчаяние или чудесная игра. Иногда депрессивные состояния переходили в маниакальные в течении нескольких минут. Но самым ужасным было проявление этих противоположных симптомов одновременно. Это может прозвучать абсолютно неправдоподобно, но я узнал, что значил рай перемешанный с адом, причем настоящий ад является булкой с маслом по сравнению с тем что переживал я.

Я мечтал, чтобы качели хоть на недолгое время остановились на самом низшем пункте. Я тосковал по минутам, которые в народе зовутся скукой. За тот период я столкнулся с некомпетентностью, немощью и безразличием многих врачей. Когда очередной брадобрей в кабинете обвешанным дипломами, как русский ветеран медалями,

продекламировал с серьезным голосом изречение врачебной этики: "Врач должен быть абсолютно беспристрастен", я перестал коновалов принимать за Жар Птицу. Я начал читать по психиатрии все, что попадалось мне под руки. Естественно я не мог читать дома, чтобы снова не налить в вентилятор овсяной каши. Все книжки я хранил на работе в шкафу с одеждой или дома у моих друзей.

Вначале декабря меня послали на два дня в командировку на юг Польши. Я радовался, что смогу провести пару спокойных часов в поезде и у меня будет шанс дочитать начатый "Ритм Жизни" Антония Кемпинского. Эту книгу мне удалось спрятать под свитером, когда Эля паковала мой чемодан. Фирма заплатила за билет в первом классе и я получал удовольствие от пустого вагона. А когда поезд тронулся в купе ко мне подсел пожилой мужчина. Мы кивнули друг другу на знак приветствия и я сосредоточился на чтении книги. Он наверное тоже что-то читал, но я не обращал на него внимание так как был полностью поглощен чтением книги. Только тогда, когда кондуктор дотронулся до моего плеча я понял, что проверяют билеты. Чтобы вынуть из кармана плаща билет я положил книгу, которая была обернута газетой для неузнаваемости, на полку возле окна. Очень неудачно она упала на пол открываясь на заглавной странице с названием. Мне стало неловко, но потом я подумал а какое может быть дело дедушке до того, что я читаю. Так как я и так был оторван от чтения, то заодно решил съесть бутерброд с колбасой. Дедушка вроде смотрел в окно, но все равно как-то странно ко мне присматривался. Я подумал, что наверное эта книга является причиной моей подозрительности.

- Я его знал - сказал дедушка, когда я выбрасывал в мусорку обертку от моего бутерброда.

- Кого? Кондуктора? - спросил я растерянно.

- Нет. Антония - сказал он улыбаясь.

- Ага, Антония! - я был уверен, что у деда что-то с головой и он мне хочет рассказать про Святого Антония. После стольких визитов у психиатров я просто был уверен, что мир кишит сумасшедшими.

- Кемпиньского - пояснил дед. - Он был необычайным человеком.

- Вы? - если бы я не проглотил последнего куска бутерброда, то скорее всего точно бы подавился.

- Очень многие из его пациентов покончили с собой после его смерти - сказал он не совсем охотно.

Перед моими глазами сидел человек, который лично знал автора "Шизофрении". В течении минуты дед-идиот превратился в драгоценный клад. Я тотчас отложил книгу в сторону.

Более часа он мне рассказывал про Антония, о его жизни и случаях с которыми он сталкивался. Я слушал как зачарованный. Он рассказывал не только о шизофрении, но также и о трудностях в лечении биполярного аффективного расстройства.

- Ну а вы молодой человек, какого вы мнения о психиатрах?

- Без всяких ограничений я высказал ему свое мнение. Он абсолютно со мной согласился, а кроме того привел мне еще несколько примеров еще худшего врачебного кретинизма по сравнению с моими случаями. Я спрашивал у него про очень многое, но очень осторожно чтоб он только ни о чем не догадается. Мой попутчик оказался сокровищницей всевозможных знаний. О самых тяжелых случаях он рассказывал так легко и непринужденно, будто это были случаи гриппа или насморка. В конце концов я не выдержал:

- Доводилось ли вам хоть когда-нибудь сталкиваться с Диссоциативным расстройством идентичности?

- Конечно. Эта болезнь не так и редка как все о ней думают - ответил он будто речь шла о знании иностранного языка, а не о болезни.

- А вы можете мне рассказать о каком-нибудь случае?

- С самым странным сплетением личностей я столкнулся у тридцатилетней женщины. Она была замужем. В ее теле жили всевозможные персонажи. Самым молодым был девятилетний мальчик, самым старым - женщина пенсионного возраста. Большинство личностей в теле этой женщины жило в состоянии постоянного несогласия. Только несколько из них договаривались между собой. Были также такие, которые не догадывались о существовании других личностей и им казалось, что они абсолютно одни. Вначале муж этой женщины был просто в шоке. Через пол года он уже путался кто с кем сплетничает, кто кого знает, с кем нужно держаться на расстоянии, а с кем можно заниматься любовью, чтобы на следующий день его не обвинили в педофилии или гомосексуальности. Постепенно он привык и ему даже началась нравиться эта необыкновенная черта его жены.

- Сколко в ней было личностей?

- Это не было какое-то постоянное число. Некоторые из них появлялись лишь на некоторое время а потом исчезали. Насколько я помню, однажды ее муж насчитал в ней двадцать три разные личности.

- Как это возможно? - мне было очень сложно поверить в эту историю.

- Ну если обычный человек способен воспользоваться только тремя-четырьмя процентами своего мозга, то что происходит с остальным потенциалом? Он мертв?

- Ей удалось вылечиться?

- Что вы имеете ввиду? - спросил он с наигранным удивлением.

- Ну избавиться от тех ненужных личностей - для меня это было очевидно.

- А какие по вашему личности были ненужными? Потому что если бы я и мог выступить в роли судьбы, то уж точно не решился судить, какую личность оставить, а какую убрать.

- Тогда каким образом можно помочь такой больной?

- Я по сегодняшний день не могу со стопроцентной уверенностью сказать, что раздвоение личности это болезнь.

- И что случилось с той женщиной?

- Эта женщина, ну или ее личности были подвергнуты групповой терапии, для того чтобы ее личности наконец-то могли как-то договариваться между собой, вместо того, чтобы сплетничать ну или воевать между собой за предводительство.

- И что?

- После нескольких недель терапии наконец-то наступил мир.

- Она до сих пор жива?

- Да! Совсем недавно я встретил ее случайно. Она была с мужем и на последних стадиях беременности.

- Ее вылечили? - спросил я не понимая его отношения ко всему.

- Да "ее вылечили" - засмеялся он. - Сейчас в ней только семь личностей.

- Как это?

- Они вдвоем с мужем решили, что всегда мечтали о большой семье - ответил он радостно.

- Какова причина раздвоения личности?

- Вообще принято считать, что причиной являются какие-то травматические переживания в детстве.

- А значит это все-таки болезнь?

- Не совсем. Мы не знаем, сколько в человеке личностей и сколько должно быть. Чаще всего нам показывается только одна и для жизни этого вполне достаточно.

- И все-таки ту женщину пробовали лечить - настаивал я.

- Не совсем. Терапия была необходима только для того чтобы вернуть порядок в ее жизнь и для того чтобы она приняла себя такой какая она есть. Если она чувствовала себя счастливо при наличии семи личностей, то почему бы и нет. Некоторые не способны договориться с единственной личностью в их жизни.

- А для чего мозг творил очередные личности?

- Может именно таким образом она искала счастья и думала, что каждая следующая личность будет счастливее предыдущей. А может она не хотела брать только на себя всей ответственности. А может существовала какая-то другая причина. А сколько личностей в тебе?

- Две - сказал я машинально, абсолютно забывая о данном обещании.

- Ты любишь двоих? - продолжал он тянуть меня за язык, будто знал мою историю.

- Да - признался я.

- И у тебя с этим проблема?

- Да.

- Они тебя тоже любят?

- Да. Я абсолютно уверен, что они две меня любят. - на все его вопросы я отвечал утвердительно.

- Тогда в чем твоя проблема? В том что ты силой хочешь, чтобы была только одна? Объясни мне пожалуйста, потому что я не понимаю...

- Ну так наверное и должно быть, что любишь только одну?

- А ты знаешь какую?

- Нет. Теперь уже нет. Я люблю обеих - ответил я как на исповеди.

- У них два абсолютно разных характера?

- Именно так.

- И одна из них знает больше, чем другая?

- Да.

- Одна из них запретила об этом говорить?

- Откуда вы об этом знаете?

- Ты не догадываешься почему?

- Не совсем...

- Она боится опасности со стороны врачей, которые считают себя богами и которым кажется что у них есть право создавать мир согласно своих критериев и воображений, решать что является здоровьем, а что болезнью. Поэтому тебя так заинтересовал Кемпинский, потому что он не считает что ты Жар Птица. Антоний до конца своей жизни сохранил смирение по отношению к человеческому разуму.

Мне очень симпатизировал этот человек. Я не мог сдержаться, чтоб не рассказать ему свою тайну.

- Я знаю, что никогда в жизни я вас больше не встречу и поэтому вы не являетесь опасностью ни для одной из них. Можно я расскажу вам свою историю?

- Я охотно вас выслушаю - согласился он по-дружески.

Я рассказал ему про Элю и Бэllu в самых мельчайших подробностях. В молчании я ждал от него какого-нибудь совета.

- Я вам завидую. По совершенно непонятным причинам судьба подарила тебе такой подарок, который ты оценишь по достоинству по истечению нескольких лет.

- Мою проблему вы называете подарком? - удивился я. - Я предпочел бы быть с одной здоровой женщиной.

- Только минуту назад ты сказал, что любишь двоих женщин.

Сколько мужчин на земле может легально иметь две жены?

- Не много, по крайней мере в Европе - согласился я.

- Ты ведь сам видишь, что ты избранный.

- Но что мне делать?

- Радоваться и только радоваться.

- Это все что вы можете мне сказать? - спросил я разочарованно.

- Ты думал уже о том чтобы ваша семья расширилась?

- Вы наверное шутите? Иметь ребенка с женщиной у которой раздвоение личности?

- Я бы больше беспокоился о твоём собственном здоровье, потому что человек читающий Кемпинского как криминал, наверняка сумасшедший - засмеялся он и потянулся за чемоданом.

- Почему вы считаете меня сумашедшим? - я уверен он не хотел меня обидеть.

- Сумашедший, в латинском *varius* означает другой. Ты другой уже хотя бы потому что тебя выбрала судьба.

Мир закрутился у меня перед глазами, будто я находился где-то вне его и смотрел на него другими глазами. Этот человек в несколько минут из неудачника сделал меня избранным.

- Я чувствую себя так будто кто-то снял с меня тяжелый мешок с камнями. Я так благодарен судьбе за то что она подарила мне встречу с вами.

- Я уверен, что когда-нибудь мы еще встретимся. - он пожал мне на прощание ладонь и вышел.

Сразу после этого пришел кондуктор и зло сказал, что поезд будет стоять на этой станции девять часов.

Я вышел.

Идя на встречу заснеженным вершинам Татр я радостно размахивал сумкой. Мне было необычайно легко. Я даже не спросил кем был человек, который превратил мешок с камнями в крылья у меня за плечами. Я захотел вдруг сказать Эле как сильно ее люблю. Я подошел к телефону и поднял трубку.

- Ты еще встретил когда-нибудь этого человека? - спросила дочь.

- Да. Его предсказание исполнилось в этом году и именно в день твоих именин. Я был на конференции в Гдыне. Естественно я записался на все возможные лекции. А особенно я ждал лекции "Группа Балинта", которую вел профессор польской психотерапии. Наконец-то я встречу с человеком-легендой. Я тотчас же его узнал. Это был человек из поезда, единственный кто знал о существовании Бэллы.

- И что, ты не выдержал и напомнил ему о себе?

- Ну ты и хорошо меня знаешь! Конечно! После занятий я подошел к нему.

- Профессор, много лет назад мы ехали с вами в одном купе из Варшавы в Закопане. Вы разговаривали со мной всю дорогу. Благодаря тому разговору я абсолютно изменил свое отношение к миру, а моя проблема перестала существовать. Наконец-то у меня появилась возможность вас поблагодарить.

- А, вы тот молодой человек, который читал Кемпинского словно это был криминал? - вспомнил он.

- Вы помните? - обрадовался я. - я уже немолодой и у меня есть внучка.

- Вы стали врачом? И как вам пришелся по вкусу этот хлеб?

- Я чувствую себя нужным... но есть и другая сторона медали. К несчастью большинство пациентов забывают даже сказать спасибо. Особенно обидно когда те которые еще до недавна готовы были отдать абсолютно все, чтобы вылечиться, исчезают не оставляя никаких вестей о себе. Вернув себе здоровье они даже не в состоянии прислать открытку с простым словом "спасибо".

Он посмотрел на меня поверх очков и сказал улыбаясь:

- Это означает только, что вы отличный терапевт. Мало того, что исчезают, так еще и забывают напрочь о болезни. Разве это не самое лучшее подтверждение вашей эффективности и благодарности одновременно?

- Вы конечно правы, но в таком случае я не нашел бы вас в течении двадцати семи лет.

Он улыбнулся и мы пожали друг другу ладони.

Он похлопал меня по плечу как коллегу по профессии.

Через шесть дней после нашей встречи профессор Стефан Ледер неожиданно скончался. Ему было восемьдесят четыре года.

- А теперь наполни мою рюмку, чтобы я хотя бы таким образом помянул этого замечательного человека. Иногда судьба преподносит нам такие встречи, которые полностью изменяют направление нашей жизни. Я разговаривал с ним только два раза в жизни, но в обоих случаях я чувствовал, как он снимал с моих плеч тяжелый мешок и пристегивал мне крылья.

Он выпил рюмку до дна.

Птица

- Столько замечательных людей уходит... - сказала Ида меланхолично.

- Если бы не уходили, то скоро на этой планете не было бы где сесть, остались бы только стоячие места - ответил он грустно и они оба рассмеялись.

- Ты мне рассказал сказку о спящей принцессе Бэлле, которую ты разбудил поцелуем. Ты повел себя как дипломатичный принц и с той ночи вы начали разговаривать. Это все?

- Нет, это было только вступление...

- Что было потом? Расскажи, пожалуйста.

- А ты не хочешь спать? Уже поздно.

- Папочка я знаю, что ты устал и хочешь спать, но я не смогу заснуть.

В его глазах зажглись искорки. Он улыбнулся не как человек, который устал.

- Ты свинья, а не отец! - крикнула она радостно. - Актер погорелого театра! Ты хорошо знаешь как сильно я хочу услышать продолжение и делаешь перерывы на рекламу в самых интересных моментах.

- Спасибо заинтересованной аудитории в лице одного слушателя и аплодисменты в виде свиньи, я возвращаюсь к прерванной истории. Акт второй, четвертая сцена: действие происходит на острове. Подошел вечер после отличного дня. Я зажигаю свечу и жду с нетерпением когда Эля заснет крепким сном.

- Спишь? - спрашиваю я несмело и жду неуверенно ответа.

- Сплю... - услышал я ответ Бэллы.

- Ты будешь теперь всегда со мной разговаривать?

- Да, всегда. Я поняла, что ты меня любишь.

- Это значит, что ты тоже никому не расскажешь о чем мы разговариваем?

- Любя невозможно предавать. Но я могу говорить только за себя.

- Это означает, что Эля сможет меня предать?

- Я не знаю и не собираюсь играть роли ясновидящей.

- А ты можешь?

- Да.
  - Ты в состоянии предвидеть будущее, но не хочешь этого делать?
  - Да.
  - Ты можешь как-то меня в этом убедить?
  - Это очень утомительно. Но я сделаю это если ты очень захочешь.
  - Скажи, что случится через год.
  - Ты не представляешь насколько это утомляет. Мне нельзя делать это безнаказанно. Чем дальше заглядываешь в будущее, тем сильнее болит...
  - Ну тогда скажи хотя бы что случится завтра.
  - Подожди, мне надо сосредоточиться.
- Наступила пауза молчания. Я упорно ждал. Лицо Бэллы скривилось от боли.
- Птица... - простионала она.
  - Что это значит?
  - Я не могу сказать ничего больше.
  - Кто тебе не разрешает?
  - Не спрашивай, потому что я и так тебе не скажу.- Она сказала это таким голосом, будто кто-то подвергал ее пыткам. - Прошу тебя, постарайся больше не задавать мне вопросов про будущее.
  - Хорошо, но о прошлом тебе можно говорить?
  - Да, о прошлом я могу. Только не используй того что я тебе скажу против кого бы то нибыло. Независимо от того, что я тебе расскажу. Обещаешь?
  - Обещаю. Расскажи мне о прошлом Эли.
  - Что ты хочешь знать?
  - Что-то чего я еще незнаю.
  - Ты хочешь в общих чертах или в деталях?
  - В деталях.
  - Это может занять несколько ночей.
  - Это не проблема, ведь у нас столько ночей впереди.

Той ночью я услышал первую часть истории о прошлом Эли. Знакомство ее родителей. Огромная любовь отца к ее матери. Признания в любви отца, которые она не приняла, потому что любила

другого. Очередное признание и на этот раз принятое. Очень скромная свадьба. Рождение Эли и самые счастливые первые два года брака, которые закончились трагической смертью отца.

Потом начался ужас: пренебрежение матери, дом ребенка, тоска по теплу, по объятиям, по чувству быть желанной... Голод. Побои. Одиночество. Парализующий страх. Безвыходная ситуация маленькой девочки, которая даже не просила ее рожать...

Она рассказывала это очень спокойным голосом, голосом журналиста. Я не выдержал напряжения. Я расплакался. Я не мог сдерживать слез... Эмоции были так сильны, что порой мне казалось, что все это не рассказ а я сам все это пережил. Я не мог успокоиться. Я чувствовал физическую боль ребенка, которого не хотят.

Бэлла молчала. Она не пыталась меня успокаивать.

Я вышел покурить.

Помогло.

Мы заснули обнимая друг друга.

На следующее утро я не мог ни о чем другом думать. После обеда я спросил Элю, что она помнит про свое детство и что знает про своих родителей. Ее рассказ подтвердил услышанную мной ночью историю. Она практически не помнила никаких точных деталей, кроме того как играла с отцом когда ей было два года. Из воспоминаний Эли могло показаться, что у нее было очень счастливое детство. Но чем детальней она рассказывала, тем очевидней было, что в ее памяти очень много пустых мест. Будто кто-то выковырял из чудесной мозаики памяти все черные камни.

Эля стала мне еще ближе, чем прежде. Я совсем по-другому начал смотреть на ее капризы и смены настроения. Узнавая ее прошлое я полюбил ее еще больше.

Чем больше мы кого-то знаем, тем больше мы в состоянии этого человека полюбить в независимости от того узнаем ли что-то хорошее или плохое.

Я с нетерпением ждал захода солнца. Мне не терпелось услышать продолжение рассказа. Я уселся на скале за долго до заката, будто это могло приблизить наступление сумерков, когда я смогу спросить: "спишь?".

На горизонте появилась яхта. Белый треугольник паруса заслонил солнце. Это было чудесное зрелище. Я посмотрел в бинокль и чуть не подавился. Яхта носила название ПТИЦА.

Мать

Я лег в постель с Элей и крепко ее обнял в надежде, что она быстро уснет. "Получилось" - подумал я, когда услшал ее ровное, спокойное дыхание.

Наступила долгожданная минута.

- Спишь?

- Сплю - сказала она сразу.

- Сегодня Эля рассказала мне про свое детство, но ты ведь об этом и так знаешь... - вдруг понял, что говорить ей об этом нет никакого смысла.- Одно мне непонятно, в ее истории нет того ужаса, который рассказываешь мне ты. Ваши воспоминания абсолютно противоположны! Она годы своего детства считает ну может не самыми счастливыми, ну по крайней мере нормальными. Она врёт?

- Это называется защитной реакцией. Когда мы переживаем какие-то трагические события, наш мозг делает все, чтобы наше сознание не имело к ним доступа, чтобы не вспоминать об этом бесконечно. Они все-таки существуют и у меня к ним есть доступ.

- Может и вправду лучше не знать всей правды о себе. Я бы наверное не смог быть нормальным человеком если бы пережил то, что Эля.

- Не если бы пережил, а если бы помнил. Это не прожитое диктует нам как жить, а только то, что мы можем вспомнить. Ты тоже помнишь только все самое хорошее из своего детства, а все травматические воспоминания отошли в подсознание.

- Нет! На этот раз я не соглашусь с тобой. У меня было очень счастливое детство. Моя мама любила меня больше всех на свете. Она может быть была слишком заботливая. До середины младших классов меня считали маменьким сыночком и я от мамы не отступал ни на шаг. У меня может даже было слишком счастливое детство. Поэтому я так сильно расстроился из-за вчерашнего рассказа.

Бэлла молчала.

- Спишь? - спросил я.

- Сплю - ответила она сразу.

- Тогда почему ты молчишь, если спишь? - задал я дурацкий вопрос.

- Потому что я незнаю, что сказать.

- Что сказать? Ты ведь не отрицаешь того, что у нас были разные матери и поэтому абсолютно другой жизненный старт. Моя мама меня любила, а мама Эли ее нет.

Бэлла молчала.

- Спишь?

- Сплю - ответила она сразу.

- Разве я не прав? Ответь. Ты обиделась? Ты не хочешь со мной разговаривать?

- Пожалуйста, не спрашивай! Пожалуйста, не проси меня рассказывать - попросила она жалостливо. - Ты знаешь, что я не умею врать, не пользуйся этим.

- Ты знаешь что-то что связано с моим детством? Почему ты не хочешь мне рассказать?

Она снова молчала.

- Ответь мне прошу тебя.

- Да.

- Мое детство было другим нежели я помню? Ответь!

Она молчала.

- Ответь прошу тебя - настаивал я.

- Да.

- Откуда ты знаешь? Ты разве была в моем теле когда я был маленький?

- Нет.

- Тогда откуда ты знаешь?

- Из твоих рассказов. Исходя из твоего поведения.

- Что ты знаешь?

Она молчала.

- Я хочу узнать, что ты знаешь.

Она молчала.

- И меня вдруг осенило. Бэлла не только не умеет врать, она еще и не умеет отказывать моим просьбам. Я попробовал еще раз с использованием этого слова заклятия.

- Пожалуйста, скажи мне, что ты узнала - проговорил я свою абракадабру.

- Пожалуйста не проси меня больше, потому что я не смогу промолчать, когда я слышу слово "пожалуйста". Я не хочу причинить тебе боли – призналась она в том, что я только что понял.

- Каким образом ты можешь причинить мне боль? - спросил я и добавил настойчиво: - Пожалуйста расскажи...

- Нехотя я могла бы разрушить твои воображения о твоей матери. Ты ее любишь, а...

- ... а она меня - закончил я предложение Бэллы. - Он всегда меня любила, даже наверное слишком... Ты считаешь иначе?

Она молчала.

Благодаря ее молчанию я понял, что она думает по другому, а предложение которое я закончил за нее должно было прозвучать совсем по-другому. Но как такое возможно?

- Я прервал тебя на полуслове. Пожалуйста, закончи начатую мысль: " Ты ее любишь, а...".

- Ты ее любишь, а я не уверена, что наступило подходящее время, чтобы ты понял. Когда-нибудь ты все поймешь и без моей помощи...

Мы не говорили друг с другом несколько минут.

Я решил больше ее не просить. Если это было только дело времени, то я сам смогу отыскать ответ. Бэлла ждала, зная, что то что последует сейчас будет переломным моментом в моей жизни.

- Если ты не являешься духом, а у тебя создалось определенное мнение о моем детстве только на основании моего поведения, то если я посмотрю на себя твоими глазами, то смогу сам все понять. Ты боишься того, что мой мир может рухнуть?

Она молчала, потому что я не произнес магического "пожалуйста".

- Я хочу узнать каково твое мнение и мне неважно плохое или хорошее. Я тебя прошу, чтобы на все мои вопросы ты мне отвечала "да" или "нет". Ты боишься, что образ который ты создала может меня испугать?

- Да.

- Он совершенно отличается от моего?

- Да.

- С чего мне надо начать, чтобы у меня создался этот образ? - спросил я риторически. - Хорошо! Я уже знаю. Я начну точно также как

начала ты свой вчерашни рассказ о Эле, с помолвки моих родителей. Чтобы сделать моей маме приятное мой отец поехал за любимым диском моей мамы целых триста километров на фабрику где их производили. Мой отец очень любил мою мать. Это правда?

- Да.

- У моей мамы был другой парень но по каким-то причинам они не поженились. Ты думаешь, что когда она выходила замуж за моего отца, она все еще любила того другого?

- Да.

- Ты скорей всего права. Когда-то я нашел ее письмо к нему в котором она просила его, что сможет заниматься с ним любовью только после свадьбы. Значит ли это, что она не любила его настолько, чтобы любовь стала причиной заниматься с ним любовью?

- Да.

- Она очень сильно его ревновала, но одновременно она презирала его. Она НИКОГДА его не любила? - я сделал ударение на слово "никогда".

- Да.

- Я родился в доме, в маленькой квартирке на третьем этаже. Очень скоро после этого отец купил нам красивую квартиру, нет, это не случилось сразу. Это случилось четырьмя годами позже. Что происходило в эти четыре года? Я не знаю. Потом я помню школу... Нет. Раньше я рассказывал про садик в котором я постоянно плакал. Наверное уже после трех дней мама сдалась и больше не пробовала меня туда водить. Ты знаешь почему я так сильно плакал?

- Да.

- Значит и я должен это знать. Мне надо вспомнить. Как только она приходила я сразу переставал плакать. Другие дети не плакали, только я. Они не боялись. Я боялся, что мама за мной не придет и что я там останусь. Может быть еще раньше я был в яслях. Ты думаешь, что может уже раньше она меня где-то оставляла и так родился мой страх?

- Да.

- Скорей всего у бабушки в деревне на каникулы? Нет, так я ничего не пойму. Я попробую по-другому. Мама меня всегда любила. Мне не надо было этого слышать, достаточно было к ней прижаться. Я был прилипалой. Мне всегда не хватало тепла. А она свою любовь выражала только словами?

- Да.

- Ты наверное права... На самом деле я не помню ее ласк. Она гордилась мной. Она всегда гордилась мной перед другими, но меня она никогда не хвалила. Это я не мог без нее жить, а не она без меня... Я помню, как однажды я подумал, что если бы она умерла, то я не смог бы без нее жить и выбросился бы из окна. Но она ведь делала для нас так много. Она не раз говорила, что хочет от нас только благодарности за свою самоотверженность. Ты думаешь, что с ее стороны это была самоотверженность?

- Да.

- Когда-то она сказала: "если бы у меня был только один ребенок я смогла бы устроить свою жизнь..." У нее был какой-то мужчина?

- Да.

- Но когда? Это должно было быть еще перед моим садиком. Мой отец был тогда за границей. Ей было очень тяжело. Я чувствую, как начинаю обливаться потом... Все начинает сходить... Она сказала когда-то, что не могла уложить свою жизнь, потому что не могла нас отдать в детский дом. Тот мужчина не соглашался на двоих чужих детей. И поэтому она отдала меня в приют?

- Да.

- Но потом забрала?

- Да.

- Ты знаешь почему?

- Да.

- Я сказал это вчера, когда ты мне рассказывала о пребывании Эли в доме ребенка?

- Да.

- Что такого я сказал? Я не могу вспомнить. Я вчера сильно расплакался и не мог остановиться. Я был способен чувствовать то, что чувствовала Эля, когда она была в детском доме?

- Нет.

- Как это нет? Я же вчера прямо физически чувствовал страх, растерянность и голод. Голод? Но я никогда раньше не голодал, я всегда был пухленьким. Нет. Не всегда. Со школы. Я помню как раньше бабушка называла меня недоедой. Она рассказывала мне сказки когда кормила. Одной ложки было слишком много и меня рвало. Боже! Вчерашний рассказ о приюте воскресил во мне реакцию, которую я

воспринял как эмпатию! Но это абсолютно не была эмпатия! Когда я воображал себе историю Эли, я не мог удержаться от слез, потому что я это чувствовал... Я это пережил!!! Да?

- Да.

Мне стало жарко...

-Я так сильно скучал, что мне не хотелось есть и я чуть не умер от голода... Правда?

- Да.

- Она забрала меня из детского дома только из-за давления родственников, знакомых и соседей. Она не могла бы играть роль хорошей матери, если бы ее ребенок умер в приюте. Тоже самое повторилось в детском саде, в нем я тоже не мог есть. Она боялась, что я умру и что ее ореол матери-польки, посвящающей ради детей раствориться. Она боялась, что правда выйдет на свет божий и поэтому она разрешала мне быть маминым сыночком. Она только боялась, что о ней подумают другие?

- Да.

- мне душно. Мне нужен чистый воздух. Мне надо пройтись. Я хочу побыть один. Я пойду покурить...

Я вышел на улицу.

У меня кружилась голова. Возвращались все новые и новые воспоминания. Детали и слова укладывались в единое целое. Появился образ моей матери – содранный с так называемой любви, в которую я столько лет верил. Совсем другая, но на этот раз правдивая история.

Точно также как Эля я был ребенком которого не хотели и не любили. Если бы я додумался до этого несколько лет раньше то скорей всего совершил самоубийство. Теперь, когда я смотрел на себя глазами Эли, то видел другой образ. Я вошел в воду и отплыл несколько десятков метров от берега.

Вдали мелькало окошко освещенное светом свечи, стоящей на столе. Она была словно маяк, показывающий дорогу к суше. Я мог вернуться, а мог и утонуть...

Я мог все!

Я наслаждался словом "МОГУ"

Первый раз в жизни я НИЧЕГО НЕ БЫЛ ДОЛЖЕН.

Я почувствовал огромное спокойствие, которое может чувствовать только СВОБОДНЫЙ человек.

Я смеялся...

Я избавился от страха потерять любовь.

Я смеялся...

Столько лет я боялся потерять то, чего у меня и так не было.

Я смеялся как сумашедший...

Я боялся не имея даже воздушного змея, что кто-то украдет у меня вертолет.

Еще мокрый я наклонился над своей женой и поцеловал ее в губы.

Она улыбнулась.

Я сел в кресло напротив и смотрел на ее лицо, освещенное пламенем свечи.

- Ты сделала отличную работу. Ты с самого начала знала это?

- Я догадывалась раньше. Я убедилась вчера, когда ты плакал как ребенок...

- Почему ты мне этого просто не сказала?

- Потому что ты бы начал либо все отрицать либо не выдержал этого и снова "налил овсянки в вентилятор". Ты сам должен был это понять.

- Благодаря тебе я наконец-то избавился от сгнившей пуповины, которую я принимал за золотую нить соединяющую меня с любовью. Спасибо.

Я почувствовал себя так легко, будто я ничего не весил. Я уснул голый, сидя в кресле.

Свеча сгорела до конца. Меня разбудила прохлада утра и солнце заглядывающее в окна.

Творожный пирог

- Ты сказал прохлада, а я совсем забыла. Он наверное уже давно остыл. - Дочь вскочила с кресла и побежала на кухню.

Она возвратилась с двумя чашками горячего шоколада и подносом с творожным пирогом.

- О! Творожник! - обрадовался он. - Когда ты успела его испечь?

- Когда ты мылся - сказала она гордо. - Поэтому я просила тебя, чтобы ты не спешил.

- Ты меня удивляешь.

- Попробуй, может тебе понравиться - сказала она с наигранным безразличием, но ожидая комплементов.

Он откусил кусок и застыл, будто в середине было что-то чего он не ожидал.

- Что случилось? - спросила она обеспокоенно - Ты на что-то наткнулся?

- Не может быть...

- Что невкусный? - не понимала она.

- Он проглотил и как детектив ищущий марихуану, смотрел, нюхал и растирал пальцами крошки пирога.

- Мне вкусно, а ты можешь не есть. - Надулась она как ребенок, наблюдая за его поведением.

- Вкусно ли мне?! Это самый лучший пирог в мире!

- Ты вел себя очень необычно, потому что...

- Откуда ты знаешь этот рецепт? - прервал он ее.

- Я сама его выдумала. - Вздохнула она с облегчением и добавляя с гордостью: - Абсолютно сама.

- Это невозможно!

- И все-таки это правда.

- Ты не могла этому научиться от мамы. Эля пекла очень вкусные пироги, но она добавляла в тесто изюм намоченный в роме. В твоём нет ни рома ни изюма.

- Потому что я не люблю изюм.

- Но кто подсказал тебе добавлять сухофрукты и араковый аромат?

- Ну это уже не моя предприимчивость.

- В нем нет ни грамма пшеничной муки. Твоя мама всегда добавляла три ложки тортовой...

- Это правда. Я смодифицировала мамин пирог, чтобы он был лучше.

- И ты добавила сливочный пудинг, а не ванильный!

- Ты узнал по запаху? - удивлялась она все больше.

- Ты маслом обмазала протвень и посыпала его картофельной мукой, а не тертой булкой?

- Да. Я и не догадывалась, что ты так хорошо знаешь о приготовлении пирогов. Ты сам тоже пекешь пироги?

- Только один единственный человек на свете кроме меня знал этот рецепт.

- Никто не знает этот рецепт! Я сама его придумала! - отрицала она не понимая, что происходит.

- Это тот же самый рецепт... - замычал он.

- Это мой рецепт! - упрямылась она чуть не плача.

- Конечно он твой потому что ты его испекла. Это самый вкусный пирог на свете!

- Ох, а я уже испугалась, что тебе не вкусно.

- Но откуда ты знаешь этот рецепт?

- Это мой рецепт!

- Ты абсолютно права, он абсолютно такой же.

- Не может быть. Никто не знает как я его делаю!

- Убедить тебя, что я знаю?

- Тебе это не удастся, потому что с самого начала и до конца я его выдумала.

- Ты перетерла желтки с сахаром и добавила сок из половины лимона.

- Да. И что разве это доказательство?

- Ты купила коробку с пятнадцатью яйцами. Одно из них... - Он закрыл глаза будто читал в ее мыслях. - ... третье с левой стороны ты положила в холодильник еще перед тем как начала делать тесто?

- Папа! Ты не видел как я его готовила. Ты не мог посчитать все скорлупки. Ты не заглядывал в холодильник. Папа! Ты же ясновидящий!

- Нет. Я видел как этот пирог был приготовлен.

- Ты же был в ванной. Я слышала как ты плескался!

- Не сегодня. Тебя еще тогда не было на белом свете.

- О чем ты говоришь?

- Неважно.

- Ну уж нет! Ты так меня не оставишь! Ты не отделаешься этим своим "неважно"!

- Хорошо... Я расскажу тебе, но вначале я съем еще один кусок.

- Ты можешь съесть его весь, но я хочу узнать, откуда ты знаешь, что одно яйцо я спрятала в холодильник и именно третье с лева?

Он ел молча, медленно жуя. Выражение его лица смягчалось с каждым куском.

- Ты права один кусок это слишком мало. Подай мне виски.

Он съел еще два куска и выпил виски.

- В нашей фирме все делалось в последний момент. Контракт у нас был практически в кармане, но двумя днями раньше оказалось, что нам не хватает одного рисунка, который должен был выполнить наш контрагент. Проект был секретный и кому-то из нашей фирму нужно было забрать его лично. Никому не хотелось ехать в такую даль и мы сделали лотерею. Выпало на меня.

Я выехал рано утром и обещал Эле вернуться еще тем же вечером. Была прекрасная погода, замечательное бабье лето. Солнце освещало порыжевшие дубовые листья, будто...

- Теперь ты мне будешь рассказывать про погоду, вместо того, чтобы сказать, что именно третье яйцо с лева я положила в холодильник? – прервала она его раздраженно. - Ты хочешь, чтобы я разозлилась? Ты поэтому так долго жевал пирог, чтобы придумать историю про осеннюю погоду?

- Нет дорогая. Рассказ будет очень коротким. Я постараюсь, чтобы ты не пожалела, что потеряла время на его слушание. Но тем не менее погода сыграла очень важную роль. Ну а пирог я действительно ел очень медленно, чтобы наслаждаться каждым кусочком. Твой пирог божественен!

Ехалось мне очень хорошо и я был на месте еще до обеда. Все уже было приготовлено, единственного чего не хватало это моей подписи. Уже через несколько минут я мог возвращаться обратно. Я посмотрел на карту и решил вернуться другой дорогой. Я хотел насладиться видом чудесных осенних гор. Желтеющие на солнце деревья будто были разрисованы дукатным золотом. Что? Ты уже не прерываешь моих описаний природы?

- Я зажала зубы и жду когда они закончатся. Если я тебя сейчас остановлю, то ты скорее всего добавишь историю про тучки как овечки на сапфировом небе, напоминающие по форме улыбающиеся лица президентов Соединенных Штатов, которые украшают зеленые банкноты и так далее... по кругу.

- Ты выиграла. Хватит рассказов о фауне. Я перехожу к рапорту событий. У меня в запасе было несколько часов и я мог либо наслаждаться видом гор, либо заехать на маленькую экскурсию в какой-нибудь городок. Я включил радио, но польские радиостанции крутили только серьезную музыку, а чешские - народную. Я открыл бардачок и вынул первую попавшуюся мне в руки кассету. Она показалась мне знакомой на вид и я обрадовался что могу послушать любимую музыку. Я включил ее. Это оказалась запись нашей беседы с хозяином, сделанная день перед моим предложением руки и сердца твоей маме.

- Это была та единственная кассета, которую ты просил маму не выбрасывать? - поинтересовалась она.

- Да, именно та. Ты очень метко это подметила. Я слушал ее очень часто и поэтому знал ее почти наизусть. Но уже несколько месяцев у меня не было желания переживать ее снова. Из-за проблем с Элей я не хотел к ней возвращаться. Я выключил магнитофон. Однако мысль, чтобы заехать в тот городок и пойти еще раз в Часовню черепов уже зарождалась в моем сердце. Я пробовал ее отгонять как назойливую муху, но ничего не получалось. Я не мог сосредоточиться ни на чем другом. Я был так близко...

Я проверил карту.

Через несколько минут я нашел проселочную дорогу ведущую на тот курорт. Я посчитал в памяти. Я делал круг в несколько километров, но времени у меня все равно было достаточно. В тот день все шло по плану и плюс ко всему солнце освещало удивительные пейзажи.

По дороге я купил цветы. Я с легкостью нашел тот дом на окраине и с большой улыбкой на губах позвонил в дверь...

Мне открыла Мария. Она была вся в черном. Я с трудом ее узнал. Она похудела и постарела на несколько лет. Она смотрела на меня тусклым взглядом. Я хотел оставить цветы и уйти. В конце концов она меня узнала.

- Заходи. Стефан умер в июле.

Я не мог вымолвить и слова.

- Прошу тебя принять мои... - начал я всем известную фразу.
- Лучше ее не заканчивай - остановила меня она - Я слышала это уже десятки раз. Мне уже тошнит от этого...
- Извини...
- Не извиняйся - прервала она меня. - Если ты приехал, то выпей со мной кофе.
- Я вошел. В доме был беспорядок. Все какзалось серым, будто от момента его смерти она не убирала и не протирала пыль.
Она поставила на стол кофе и сахарницу.
- У меня нет ничего к кофе, только сахар. У меня даже нет раскрошенного печенья. - Она вспомнила то печенье, которое я достал из рюкзака в наш первый вечер. - У меня уже ничего нет.
- Может я сбегаю в магазин и куплю чего-нибудь перекусить – предложил я. Я не обедал, но скорее всего и так кусок не полез бы мне в горло.
- Я не голодна, а сон в магазине не продают. Стефан умер внезапно - добавила она нескладно. - От инфаркта. С момента его смерти я не спала дольше, чем два часа. Даже таблетки не помогают.
Я заметил огромный запас таблеток за грязным стеклом в шкафу. Скорее всего она перепробовала все возможное.
Очень быстро, как это только бывает в горах погода вдруг переменялась. Потемнело очень резко. Начал дуть очень сильный ветер и пошел снег. Мы сидели практически в темноте. Я начинал очень злиться на себя, за то что съехал со своей трассы. В мыслях я считал время, которое я проведу в дороге в такой пурге. Я допил кофе.
- Мне нужно ехать - хотел я попрощаться.
Она меня не остановила. Машинально она поднялась вместе со мной и довела меня до двери.
- Спасибо, что хотел нас проведать. - пробовала она быть любезной несмотря ни на что.
- Я не знал...
- Не говори ничего. Иди.
- До свидания - сказал я уходя.
Она ничего не ответила.
На улице бушевала снежная пурга. Моей маленькой машинки практически уже не было видно. Я добежал до машины и быстро

заскочил внутрь. Толстый слой снега залепил стекла и зеркала заднего вида. Сквозь эту пургу виден был только свет в доме Марии.

Как здесь все изменилось. - подумал я. - Тогда летом все здесь было по-другому, но конечно тогда не было снега. Все вокруг теперь было белым-бело и как мне показалось очень пусто. Прежде чем тронуться мне надо было почистить лобовое стекло. Я думал найду ли я щетку в багажнике. Я выматерился и выскочил из машины, чтобы ее найти. Я был только в свитере и без куртки. Естественно я не нашел ничего при помощи чего я мог бы почистить стекло. Всего за несколько минут я продрог до костей. Я запрыгнул обратно и посмотрел на спидометр. Он показывал тридцать одну тысячу триста километром. Я вдруг придумал, что вместо щетки можно воспользоваться пустой коробкой от кассеты для очистки стекла от снега. Я взял в руки коробку. На кассете виднелась надпись "Куст роз". Когда-то всем своим записям я давал такие поэтические названия. Я посмотрел на сад. Перед домом было пусто. Что случилось с огромным кустом роз, который одолжил мне семь прекраснейших роз с которыми я сделал предложение Эле? Я закрыл машину и еще раз постучался в двери дома. На этот раз она узнала меня очень быстро, несмотря на снежную шапку на голове.

- Что случилось? Машина не хочет заводиться? - спросила она.

- Что случилось с кустом роз, который рос перед домом? -

ответил я вопросом на вопрос.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего.

- Я перенесла его на кладбище и посадила на могиле Стефана.

Я понял, что переживал не напрасно. Мария собиралась переезжать. Ее любимый куст ее уже там ждал. Она уже не покупала еду, а таблетки просто собирала...

На столе все еще стояли пустые кружки.

- Вы можете еще раз угостить меня кофе?

- Хорошо - сказала она и пошла на кухню. Через минуту она возвратилась с кружкой и поставила ее передо мной.

- Пожалуйста, выслушайте меня... - я встал из-за стола и вставил кассету в магнитофон. Я сделал звук погромче.

В начале она была абсолютно обескуражена и зла на меня. Она сидела как парализованная и слушала. Она расплакалась сильно, когда Стефан рассказывал про куст роз. Ее плач очень меня испугал и я хотел остановить кассету.

- Не выключай! - крикнула она будто это была не кассета а спиритический сеанс, который невозможно будет повторить.

- Конец? - спросила она, когда закончилась первая сторона.

- Есть еще вторая часть.

- Включи - попросила она. - Пожалуйста не обращай внимание на мое отчаяние. Со дня его смерти я не могла плакать.

Я переставил кассету на вторую сторону. За окном намело уже сугробы по колено, а я все еще был в том же месте, вместо того чтобы быть в половине пути.

- Пожалуйста, позволь мне все прослушать еще раз - прошептала она когда магнитофон затих.

На второй раз она реагировала спокойней. Она смеялась с шуток Стефана и плакала, когда он говорил о близости своей смерти. Я сидел и слушал вместе с ней, вместо того, чтобы встать и уехать, оставляя ее один на один с голосом Стефана.

Прошел следующий час...

Я встал.

Она посмотрела на меня как-то странно и сказала:

- Я не буду с тобой торговаться. Скажи только, сколько ты хочешь за эту запись. Я заплачу любую цену. Не предлагай слишком маленькой цены, чтобы потом не пожалеть. У меня есть счет в банке за границей. Если хочешь, я перепишу на тебя этот дом, только продай мне эту кассету. Я умоляю тебя.

У меня закружилась голова. У меня в глазах мелькал чемодан набитый купюрами с портретом Франклина. Всего за один вечер я мог разбогатеть. Я знал, что я хочу от нее.

- Любую цену? - спросил я с недоверием.

- Любую! Никакая цена не будет слишком высокой для меня.

Если хочешь я в добавок могу сделать тебе миньет. Ты ведь знаешь, что я была проституткой - сказала она нагло.

Она была очень красивой женщиной, знающая о своей красоте и о желаниях мужчин.

- Я хочу, чтобы ты дала мне рецепт творожного пирога, который ты испекла в тот вечер - я сказал ей это таким тоном будто требовал от нее секса, и вдобавок перешел на "ты" не спрашивая разрешения.

Она посмотрела на меня как на дурака.

- Ты не хочешь денег? Ты в одно мгновение можешь разбогатеть - удивилась она.

- Я слышал, что ты мне сказала, я не глухой. Вы не взяли у нас ни гроша за наши ночлеги. Стефан сказал, что наступит такой момент в жизни, когда и я смогу кому-то что-то дать и что не будет иметь для меня никакого значения, а для другого человека это будет бесценно и спасет жизнь. Его слова стали для меня пророчеством. Они так сильно врезались мне в память, что я даже стал почетным донором крови.

Она засмеялась своим давно уже забытым перламутровым смехом.

- Сегодня это звучит как пророчество Стефана, но тогда я и не предполагал что смогу отблагодарить его с помощью тебя.

- У меня такое впечатление, что именно он тебя прислал...

- А у меня впечатление, что именно он пригнал эту непогоду.

Если бы не буря я бы никогда не заметил, что не хватает куста роз под окнами, и в следующий раз я бы не застал здесь тебя.

- Когда ты догадался?

- Только тогда, когда ты сказала, что перенесла куст. Я понял, что и ты собираешься туда переехать.

- Я собиралась это сделать сегодняшней ночью. Ты мне испортил все планы.

- Так же как и мои эта снежная буря. Я не знаю как долго я буду ехать теперь до Варшавы.

- Мы сейчас узнаем. - она подошла к телефону и набрала короткий номер.

- Сколько надо, чтобы доехать до Варшавы? - сказала она в трубку.. - Мы уже отрезаны от мира. Уже более двух часов царит бездорожье аж до Вроцлава. Хорошо, что ты остался, а то наверняка застрял в ужасной пробке. Аж до утра дороги не смогут почистить от снега. Тебе придется остаться на ночь - проинформировала она меня о ситуации на дорогах.

- Черт!

- Что случилось?

- Наша фирма потеряет контракт, если я не привезу чего-то до девяти утра.

- Это маловероятно, даже если снег перестанет падать.

- Я знаю. Если бы я сразу поехал домой, то уже три часа назад был бы дома. Можно я позвоню Эле?

- Хорошо, скажи ей что случилось, а я сбегаю в магазин.

- Мне наверное стоит ехать.

- Нет! - сказала она тоном не терпящим сопротивления.

Я позвонил.

Как я и предполагал это было первой частью адского скандала. Мои объяснения ничем не помогли. Эля не принимала никаких объяснений. Ее не интересовали непроездные дороги. Она настаивала на том, что я уже давно планировал измену и что я наверняка сейчас у какой-нибудь п...ы и мне просто не хочется вылезать из теплой кровати. У меня уже в горле стояли ее бессмысленные обвинения. Я знал, что как только я приеду меня ждет следующая часть авантюры и еще более мерзкая. На протяжении нескольких дней я не курил. На столе лежала открытая пачка сигарет. Я закурил...

Вернулась Мария с двумя сетками покупок.

- Не уходи, ты мне поможешь - сказала она, когда я понес продукты на кухню.

Я не знаю как она все это нашла. Тогда в магазинах практически ничего не было, а она доставала из сумок одну только роскошь.

- Если и так не остается ничего делать как ждать пока непогода утихнет, давай сделаем что-нибудь полезное.

Я не мог ошибаться, в ее голосе была радость.

- Налей нам по рюмочке, чтобы работа шла веселее.

- С водой или со льдом?

- Я что похожа на такую, которая разбавляет? - ответила она вопросом на вопрос.

Я открыл холодильник. Он был совершенно пуст, только в морозильнике лежал одинокий пакет со льдом.

Я наполнил рюмки.

- Ну, за то, чтобы не пригорело! - выпил я до дна.

Она давала мне всевозможные поручения относительного порядка и пропорций. Она открыла упаковку с яйцами и третья слева яйцо достала и положила в холодильник.

Когда мы ставили в разогретую духовку противень с творожным пирогом, пол бутылки уже было выпито. Потом Мария жарила котлеты панированные в кокосовой стружке, а я смотрел новости. Самой главной

новостью был неурожай из-за снега. Вся южно-западная часть Польши была непроезжая. На дорогах царил ужасный беспорядок. Огромные TIR-ы заблокировали много дорог в горах, потому что не могли въехать под гору. Очень многие городки были отрезаны от мира. А буря тем временем двигалась на восток парализуя тем самым все больше и больше дорог. Вероятность того, что я до завтрашнего утра попаду в Варшаву упала до нуля.

- Почему ты так волнуешься? - спросила она видя мое озабоченное лицо.

- Из-за ситуации.

- Но именно в данную минуту чем?

- Тем, что у меня с собой нет даже пижамы. - сказал я и засмеялся.

- Счастливы те, кто беспокоится о наличии пижам сидя в теплом доме во время непогоды наружу. - сказала она пробуя подделывать голос Стефана.

Мы сели за стол.

Еда была просто потрясающей и к тому времени алкоголь развязал нам языки.

- Как ты, о дорогой поэт, расцениваешь этот ужин с Чайкой? – спросила она кокетливо.

- Может когда-то ты была, но не сейчас!

- Откуда ты можешь это знать?

- Потому что проститутка не способна так любить как ты...

- Что я?

- Ты все еще любишь Стефана, а не его деньги. Ты готова была отдать все за его голос на кассете.

- А ты, что жалеешь, что не попросил денег?

- Нет.

- Врешь! Я вижу, что ты сожалешь!

- Мне немного жаль... Можно было испечь два пирога... – пробовал шутить я.

- Ты жалеешь, что не потребовал секса?

- Нет!

- Тогда говори внятно. Жаль что?

- Что я не попросил тебя чтобы и ты рассказала о своей жизни.

- Я что ты хочешь знать?

- Скажи как там?

- Где?

- В публичном доме... - выдавил я.

- Зачем?

- Обычное любопытство. Я никогда там не был и скорей всего никогда не буду.

- Тогда скорее всего ты настоящий поэт... - улыбнулась она мне словно сыну.

Пирог пекся, а Мария рассказывала мне о своем прошлом, о женщинах из публичного дома, о клиентах... У нее был необыкновенный дар рассказчика. Она очень умело переплетала грустные истории с шутками, и каждую историю заканчивала выводом или моралью. Ее рассказа хватило бы на несколько томов.

Она посмотрела на часы. Достала пирог из духовки и поставила его на подоконнике, чтоб он скорее остыл.

- Теперь ты знаешь о борделе больше, чем если бы ты там действительно побывал. У тебя есть еще вопросы?

- Правда ли то, что в публичных домах часто умирают клиенты? – решился я спросить.

Она посмотрела на меня внимательно, будто я был продавцом наркотиков и собирался ей продать фальшивый товар. Потом она долго смотрела на фонарь за окном.

- Очень редко или почти никогда. Это действительно исключения. Стефан не раз шутил, что хотел умереть в постели с проституткой. Он получил инфаркт, когда мы занимались любовью. Он умер так, как мечтал - призналась она, тихо смотря за окно.

На улице было очень тихо. Буран прекратился, но снег продолжал сыпаться огромными хлопьями.

- Теперь я уверена! Это все-таки твоя работа, сукин сын - сказала она, смеясь обращаясь к портрету Стефана. - Это очень серьезный повод и я имею право это сделать!

Она сняла его портрет со стены и повернула его к стене. С задней стенки оторвала серую бумагу, подошла с ней к телефону и набрала номер.

- Муж мне сказал, что если когда-либо мне нужна будет помощь я могу позвонить по этому номеру и сказать пароль. "Розенстраух" -

прочитала она надпись на обратной стороне портрета - Я жду. Хорошо. Улица перемен, 34.

Я поняла. - и положила трубку.

Она порезала пирог.

- Почему ты режешь пирог по форме ромбов, а не на квадраты как все? - спросил я.

- Потому что Стефан сказал, что в тот вечер ты порезал пирог именно так.

Это был точно такой же пирог как и в тот вечер. Восьмое чудо света. Он таял во рту. Я не мог сдержать восхищения и съел четыре куска. Мария только один.

- Ешь, он весь для тебя.

В окне мелькнул чей-то силуэт. Потом кто-то постучал в дверь. Мария пошла открыть. Странник был одет в белый комбинезон без всяких знаков. На ногах у него были белый лыжные ботинки. В руке у него была рация.

- Здравствуй Мария. Я слышал у тебя проблемы? Что случилось? - спросил он очень сердечно.

- Я хочу чтобы этот мужчина вместе с его машиной как можно быстрее оказался в Варшаве.

- Тот кремовый малыш, это ваш автомобиль? - странник обратился ко мне.

- Да - ответил я, слегка смущенный тем, что у меня нет ягуара.

- Хорошо, что это не Мерседес. Подождите пожалуйста.

Он с меня смеялся или просто радовался я так и не понял. Я не был уверен. Он вышел и уже через две минуты вернулся обратно.

- Через двадцать минут приготовьтесь к путешествию.

Я хотел выйти чтобы почистить машину от снега. Он остановил меня жестом и снова вышел. Через пятнадцать минут на улице стало что-то происходить, скорее всего солдаты чистили дорогу от снега.

- Съешь еще кусок - сказала Мария, будто нанесенный визит и то, что происходило снаружи не имело никакого значения. - Спасибо тебе за подарок.

- Мелочи - ответил я, думая о кассете.

- Жизнь это не мелочь. Ну, тебе уже пора - Мария обняла меня, целуя в щеку.

Вошел другой мужчина в белом комбенеzone, у него на ногах не было лыжных ботинок. Он дал мне белый мешок, что то похожее на то в чем дети носят сменку в школу.

- К сожалению вам надо будет одеть это на голову Анджей – обратился он ко мне по имени.

Он затянул шнурок на мешке и завязал его на узел. Он вывел меня под руку на улицу и посадил в свою машину.

- Но мне надо взять мой чемодан.

- Пожалуйста не беспокойтесь об этой. Мария уже дала мне ваш чемодан.

Мы ехали около десяти минут по бездорожью и машину ужасно трясло. Потом я летел на вертолете. Но даже тогда мне не разрешили снять мешка с головы. С подслушанного разговора я так ничего и не узнал. Пилоты только говорили короткие команды на иностранном языке. Я не знал, как долго мы летели, так как алкоголь сделал свое дело и я уснул.

Я проснулся, когда кто-то дотронулся до моего плеча. Это был тот мужчина, который обращался ко мне по имени, он помог мне выйти и попросил опереться о крышу какого-то автомобиля.

- По этой дороге до конца, а потом на лево. До свидания, Анджей. Счастливого пути! - и он ушел не снимая мешка с моей головы.

Несколько минут я мучался с узлом на мешке. За это время вертолет успел взлететь. Я должен был схватиться за автомобиль, чтобы меня не сбило с ног порывом воздуха. Когда мне наконец-то удалось развязать узел, вертолета и след простыл. Я со злостью бросил мешок на землю и осмотрелся. Я стоял на поляне возле моего многоуважаемого малыша. Вокруг был лес. Следуя инструкциям я доехал до асфальтированной дороги и повернул налево. По обеим сторонам шоссе стояли редкие здания. Потом я увидел фонари какого-то города. Я обрадовался, что вот уже через минуту увижу табличку с надписью "Вроцлав" и я успею к утру в свою фирму. Вдруг я вспомнил, что в новостях говорили о том, что дороги во Вроцлаве полностью зысыпаны снегом, а вокруг меня не было ни единой снежинки.

Это была Варшава!

Когда я парковал машину на стоянке я посмотрел на спидометр, он показывал все те же триста одну тысячу триста тринадцать километров. Приближалась полночь.

Эля встретила меня с ужасным скандалом. Она считала, что если бы не наорала на меня тогда по телефону, то я наверняка бы остался до утра у какой-то проститутки. Она насмеялась с нашего телефонного разговора, с бурана и непроездных дорог. Она считала меня вруном и использовала огромное количество матных слов, которых знала достаточно.

Я ничего не говорил. Я ведь не мог доказать ей того, что пережил. Где-то в лесу остался полотняный мешок, который я сорвал с головы. Даже если бы я поехал за ним обратно и привез как доказательство, то это бы и так не имело для нее никакого значения. Я стиснул зубы, боясь что-либо говорить. Я знал, что если она почувствует от меня алкоголь, то скандал не прекратится до утра.

Я подождал пока она уснет и зажег свечу.

Я хотел с кем-нибудь поделиться своим приключением. Я рассказал мою историю в самых маленьких деталях, точно также как рассказываю ее тебе сейчас.

Бэлла слушала, не перебивая. Я думал, что она тоже посчитает всю эту историю выдумкой и начнет меня подозревать в измене.

- Ты мне тоже не веришь?

- Верю. Ты же знаешь, что я могу понять когда ты врешь. Во время всей истории ты соврал только один раз, когда сказал: "Я купил Марии три розы".

- Я купил семь - признался я.

- Ты очень хорошо поступил. Это счастливое число. А что случилось с оставшимся пирогом? - спросила она.

- Оставшиеся четыре куска остались на столе.

- А чемодан?

- Они взяли его у меня, когда натягивали на голову мешок. Потом я нашел его в машине.

- Ты заглядывал внутрь?

- Нет.

- Тогда посмотри.

Я открыл чемодан.

Внутри была жестяная коробка от конфет. В нем поверх пирога лежала фотография куста роз, росшего под домом Марии. На обратной стороне была надпись: "Я хочу, чтобы у тебя осталась память о Стефане - Мария".

- Что мне теперь сделать с этим пирогом? Засушить как колбасу?
- пошутил я не понимая в чем тут дело.
- Дай мне попробовать - попросила Бэлла.
Я достал один кусок и маленькими кусочками кормил спящую жену.
- Замечательный. Это скорее духовная радость, а не пирог. – сказала она. - Ты тоже поешь.
Я достал следующий кусок.
И...
Под пирогом лежали золотые часы. Очень редкий экземпляр. Специальный выпуск посвященный семипятидесятилетию фирмы "Доха". Мечта, на которую у меня никогда не было денег.
Они у меня есть по сегодняшний день.

Вампир

- Очень неправдоподобная история, будто из персидской сказки о ковре-самолете - рокомментировала Ида.

- Ты права. Но жизнь с твоей мамой больше напоминала криминал, чем сказку.

- Она часто устраивала тебе сцены ревности?

- А что для тебя означает часто? Раз в месяц это часто? Или каждый день это часто? - ответил он чередой вопросов.

- Ты считаешь эти сцены были абсолютно без повода?

- А какой повод ты считаешь достаточным, чтобы устраивать сцены?

- Ты часто изменял маме?

- Ты еще не догадалась?

- Что?

- Ты не слышишь, что я говорю?

- А что ты говоришь?

- Ты еще считаешь, что этот разговор ведет куда-то?

- А ты думаешь иначе? - она явно не понимала, что он имеет в виду.

- Ты заметил, что уже какое-то время мы только задаем вопросы друг друга, не отвечая на них?

- Ты делаешь это специально?

- А как ты думаешь?

- Я считаю, что ты просто посмеиваешься надо мной...

- Конечно - признался он чистосердечно.

- Зачем?

- Потому что если ты задаешь вопрос и тебе не интересен ответ это значит, что у тебя есть свое собственное мнение, которое ты не захочешь изменить - объяснил он.

- Тогда для чего я спрашиваю?

- Чтобы утвердить свое видение мира, а не для того чтобы его проверить или узнать что-то новое. Ты не хочешь изменить своего мнения обо мне и поэтому ты не ждешь моего ответа. И у тебя на это есть полное право.

- Право на что?

- У тебя есть право считать меня бабником, который не занят ничем другим а только гоняется за юбками и изменяет твоей маме направо и налево.

- Я так не думаю.

- А как ты думаешь?

- Я не знаю...

- Что бы случилось, если бы я оказался другим нежели тот образ, который создала тебе обо мне твоя мама?

- Другой, т.е. лучший?

- Да.

- Тогда моя мама показалась бы мне...

- Обманщицей? - решился сказать он то, что уже давно лежало камнем у него не сердце.

- Не совсем... Но ты прав, я боюсь...

- Ты догадываешься чего ты боишься?

- Я уже сама не знаю, что думать.

- А ты бы хотела во мне увидеть вампира? - спросил он нескладно.

- Папа, не мучай меня...

- Чем я тебя мучаю?

- Вопросами...

- Вопросами, которые я задаю или на которые не отвечаю? А может ты чего-то боишься?

- Я этого боюсь!

- Чего?

- Это ужасно... - она закрыла лицо перед чем-то невидимым.

- Ты можешь от этого избавиться если захочешь... - он понял, что проблема Иды намного серьезней чем он предполагал.

- Я не раз пыталась, но он постоянно возвращается.

- У него мое лицо?

- У него никогда не было твоего лица...

- У кого?

- Этот вампир из моего сна... Это очень больно... Я не хочу... - расплакалась она. Она свернулась в кресле в клубок. Голову она прислонила к коленям, будто это могло ее от чего-то защитить. Она вся тряслась от страха.

Он не знал что происходит. Ида никогда не рассказывала ему о своих страхах. Он сидел некоторое время удивленный и вдруг что-то пришло ему в голову. Он испугался. Он услышал, как бьется его собственное сердце. То, что переживала сейчас его дочь должно было быть в сто раз сильнее.

Он встал с кресла и встал напротив Иды, на таком расстоянии, на котором бы она чувствовала себя в безопасности.

- Это был не я! - сказал он очень громко.

Она услышала его голос и перестала трястись.

- Это был не я! - повторил он.

Медленно она оторвала голову от колен и посмотрела на него.

- Это был не я! - повторил он в третий раз. - Теперь ты в безопасности. Открой глаза!

- А кто это был? Ты знаешь кто это был? - спросила она.

- Вначале встань.

- Зачем?

- Встань так медленно как только можешь, чтобы этот страх остался на кресле - сказал он. - Выйди из этой эмоции и встань прямо.

- Это же невозможно!

- Встать это очень просто. Ты можешь это сделать.

- Она встала.

- Ты чувствуешь ковер под ногами?

- Да.

- Ты видишь меня отчетливо?

- Вижу.

- Ты слышишь что я тебе говорю?

- Да, слышу.

- Если ты меня слышишь, значит ты можешь пересесть на стул оставляя в кресле ту плохую эмоцию.

Она села.

- Там на кресле осталась заплаканная Ида, а я разговариваю с девушкой, которая сидит на стуле. Ты можешь понаблюдать за ее поведением и говорить со мной?

- Да.

- Ты хочешь, чтобы она никогда больше не боялась?

- Но я не могу не бояться...

- Не ты - сказал он спокойно, но решительно. - Ты сидишь рядом со мной и наблюдаешь за Идой сидящей в кресле. Ты не можешь бояться, потому что ты не Ида, это ОНА чувствует страх. Ты только наблюдатель. Ты видишь ее?

- Да. - посмотрела она на пустое кресло.

- Если тебе удобнее наблюдать за Идой в своем воображении с закрытыми глазами, то закрой глаза. Как выглядит Ида?

- Она сидит сгорбившись и дрожит. Она ужасно боится.

- Чего боится Ида?

- Я...

- Не ты! Ты сейчас не Ида! - поправил он дочь, чтобы та набрала дистанции к страху. - Что ее так пугает?

- Она боится вампира - ответила дочь и закрыла глаза.

- Что это за вампир?

- Он ужасный.

- Когда она встретила его? - он сменил вопрос так как она не хотела описывать явление.

- Он обычно приходит ночью...

- Он проиходит на яву или тогда, когда Ида спит?

- Он приходит только в снах.

- И что тогда происходит?

- Я просыпаюсь с криком и ...

- Не ты. Ты только наблюдатель. Что происходит с Идой?

- Она просыпается с криком и не может больше заснуть. Она ужасно его боится.

- Кого напоминает этот вампир?

- Каждый раз это кто-то другой. Кто-то кого я знаю...

- Не ты. Ты только наблюдатель. Откуда Ида его знает?

- Ида знает его лицо, но не знает откуда он появился.

- Этот вампир это мужчина или женщина?

- Это всегда мужчина.

- А что в нем такого страшного?

- Он постоянно меняется.

- Как меняется? Расскажи какой-нибудь сон который Ида запомнила.

- Это один и тот же сон. Иде снится, что она лежит в постели и в ее комнату входит мужчина, подходит к ней. Но когда он подходит, он

превращается в кого-то другого. Будто это какой-то компьютерный эффект. Он протягивает к ней руки и дотрагивается до нее. Я это чувствую...

- Не ты!

- Ида чувствует как от к ней прикасается. Тогда вампир умирает в ужасных муках. Он превращается в отвратительный труп из которого вылазят черви или на Иду льется кровь или же он рассыпается в пепел или сгорает... Скажи мне, была ли я...

- Не ты!

- Иду когда-нибудь использовали сексуально?

- Я не знаю. Я не был все время с Идой, когда она была маленькая...

- Она тоже этого не знает. Она скорей всего это вытеснила из своей памяти, но вампир существует. Она боится уснуть, потому что он снова к ней придет.

- А Ида хочет, чтобы этот сон никогда больше не повторился?

- Очень хочет.

- Спроси Иду хочет ли она тоже этого.

- Она кивает головой. Она очень хочет заснуть не чувствуя страха.

- Скажи Иде, что она навсегда может попрощаться с вампиром.

- Но Ида не знает как.

- Я сейчас ей скажу как, но вначале попроси Иду чтобы она удобно села в кресле и расслабилась. - Он затих на минутку, чтобы дать дочери достаточно времени на представление Иды сидящей свободно. Он наблюдал как напряжение дочери спадает. - Уже?

- Да, но Ида говорит что в это не верит.

- Скажи Иде, что если она ищет веры то пусть лучше пойдет в костел. Я не ксендз. Но если Ида хочет избавиться от вампира, пускай делает то, что ты ей говоришь.

- Она села.

- Ноги Иды стоят на полу, также как и твои?

- Нет она положила ногу на ногу и ей махает.

- Скажи, чтобы она села точно также как ты. Скажи мне, когда она это сделает.

- Сейчас.

- Она уже расслабилась?

- Только немного, она все еще боится.

- Как выглядит Идин страх? Если бы этот страх был чем-то материальным, что бы это было? Присмотрись внимательно. Что ты видишь?

- Он выглядит как черная пелерина.

- Скажи ей что она может ее снять и положить слева от себя.

Сняла?

- Да.

- Чтонибудь у Иды поменялось?

- Она перестала бояться. - на лице дочери появилось удивление.

- Прекрасно. А теперь попроси Иду, чтобы она представила перед собой пуленепробиваемое стекло, через которое не может просочиться ни один вампир даже самый маленький. За этим стеклом на безопасном расстоянии стоит кресло. Пусть она попросит вампира сесть на это кресло. Скажи мне когда Ида это сделает.

- Она уже это сделала.

- Она чувствует себя в безопасности?

- Да.

- Тогда пусть передвинет это стекло и поговорит с вампиром.

- Она не может этого сделать.

- Почему?

- Потому что она не может двигаться.

- Почему?

- Ее парализовал страх. Точно такой же как она испытывала во сне.

- Где у Иды этот страх? Как выглядит этот парализующий страх Иды? Присмотрись.

- У нее на шее металлическое кольцо.

- Это кольцо является каким то символом?

- Послушание. Абсолютное послушание...

- Скажи ей, чтобы она его сняла и положила рядом с пелериной.

- Она сняла.

- Что случилось когда она сняла кольцо?

- Она может снова говорить. Наконец-то она может сказать НЕТ.

- Это хорошо?

- Очень хорошо. - дочка улыбнулась.

- А теперь она может передвинуть стекло?

- Нет.

- Почему?
- Потому что она все еще парализована.
- Что не позволяет ей двигаться?
- Я ничего не вижу.
- Присмотрись внимательней.
- У нее в сердце кинжал! - крикнула она с ужасом.
- Что символизирует этот кинжал?
- Я не знаю.
- Спроси Иду?
- Она говорит, что не знает...
- Тогда спроси что этот кинжал не позволяет Иде сделать?
- Она говорит, что не может любить так сильно как бы этого хотела, что она никогда не сможет сильно полюбить своего ребенка.
- Скажи Иде, чтобы она выняла кинжал и положила его рядом с пелериной. Попроси чтобы она сделала это очень осторожно.
- Сделала.
- Чтонибудь изменилось?
- Да, она смеется. Она радуется.
- А теперь она может отодвинуть стекло?
- Да, она уже не боится этого вампира.
- Тогда скажи ей теперь...
- Нет!
- Что нет? - спросил он удивленно.
- Я уже не хочу быть только наблюдателем! Я снова хочу стать

Идой!

- Тогда встань, сядь в кресле и снова стань Идой.
- Дочь пересела в кресло.
- Кто ты сейчас?
- Я снова Ида!
- Что ты чувствуешь?
- Это необыкновенно! Я больше не боюсь вампира!
- Я что ты сейчас чувствуешь?
- Злость.
- Где она и как она выглядит?
- Я чувствую будто у меня в животе камень.
- Ты хочешь его там носить?
- Нет!

- Тогда достань его и положи рядом с пелериной.
- Как мне это сделать?
- Точно также как до этого это делала Ида. В своем воображении.
- Я уже достала.
- Что ты чувствуешь?
- Спокойствие.
- Тебе хорошо?
- Очень хорошо - ее звала она радостно.
- Тогда посмотри на вампира сидящего напротив. Между ним и тобой есть какая-либо связующая нить? Какаянибудь веревка, шнурок?
- Откуда ты это знаешь папа?
- Я потом тебе это объясню, а теперь скажи мне что ты видишь?
- Между его ладонями и моей грудью есть что-то, что выглядит как растянутая жевательная резинка. Это так противно - она скривилась с отвращением.
- Отклей ее от своей груди и отдай вампиру.
- Да.
- Отдала?
- Да.
- Скажи ему, что ты больше никогда не хочешь его видеть.
- Я ему сказала!
- Что делает вампир?
- Он плачет.
- Ты хочешь узнать почему?
- Хочу.
- Тогда спроси его.
- Он говорит, что он не хотел причинять мне боль и плачет.
- Ты можешь ему сказать, что прощаешь его. Попроси его взять эту пелерину, кольцо, камень и кинжал и пусть уходит. Он ушел?
- Нет.
- Спроси у него почему он не хочет уходить.
- Он говорит что кольцо не принадлежит ему.
- Тогда пусть оставит кольцо, забирает все что принадлежит ему, и пусть уходит. Забрал?
- Да.
- Он оставил только кольцо? Или еще что-нибудь?

- Только кольцо.

- Он ушел?

- Да. Его уже нет! Его на самом деле больше нет! - обрадовалась она.

- Попроси прийти и сесть на кресле того, кто дал тебе кольцо.

- Это мама - с удивлением сказала Ида.

- Отдай ей его.

- Да.

- Она взяла?

- Да, но очень неохотно.

- А у мамы есть что-то что принадлежит тебе?

- Я не понимаю...

- Присмотрись внимательно к маме нет ли у нее чего что принадлежало тебе, когда ты была маленькая, а теперь у тебя этого нет.

- У нее есть моя радость!

- Скажи, чтобы она тебе ее отдала. Отдала?

- Да, но неохотно.

- Скажи маме, что она может уже идти.

- Ушла.

- Как выглядит твоя радость?

- Она словно золотой колокольчик из "Питер Пэна".

- Что ты сейчас можешь?

- Я могу радоваться жизни!

- Тебе хорошо?

- Очень хорошо!

- Я теперь слушай внимательно. Присмотрись к себе еще раз и проверь от макушки головы и до кончиков пальцев ног нет ли у тебя чего-то чужого.

- Нет, вроде уже ничего нет.

- Сделай это очень тщательно, сантиметр за сантиметром.

Посмотри также внутрь себя не мешает ли тебе что-либо.

- Что-то есть на моих ладонях, но это очень приятное чувство.

- Что это?

- Это перчатки. Но они такие мягкие и теплые. Пожалуйста, не проси их снимать.

- Не переживай я ничего не буду просить. Скажи что такого дают тебе эти перчатки?

- Я чувствую себя в безопасности.
- А чем-нибудь они мешают?
- Вроде ничего не ограничают, но может только немного остроту прикосновения.
- Пожалуйста, ты можешь их на минуту снять и положить рядом, чтобы почувствовать как это без них?
- Да, я уже сняла. - она сделала жест будто снимала перчатки.
- Потри ладони одна о другую, пошевели пальцами и проверь какие это вызывает у тебя ощущения.
- Это очень необычно! - сказала она удивленно - они ограничивали сердечность!
- А что случилось с чувством безопасности?
- Они только давали это ложное чувство. Я больше не хочу надевать эти перчатки.
- Чтобы ты не могла делать, если бы продолжала носить эти перчатки?
- Я не могла бы держать на руках своего ребенка.
- Кто тебе надел эту гадость?
- Мне страшно сказать...
- Чьи это перчатки?
- Папа, это ты мне их дал... - ответила она нерешительно, будто боялась его реакции.
- Тогда отдай мне их обратно - сказал он протягивая к ней руки, чтобы она могла отдать ему свое ограничение.
- Что ты этим обрела? - спросил он весело.
- Доверие.
- Тебе хорошо?
- Очень хорошо, ты даже не представляешь как хорошо!
- Как ты себя чувствуешь?
- Прекрасно. - по щекам Иды текли слезы радости.
- Почему ты плачешь?
- От счастья!
- Тогда разотри ладони так, чтобы они стали горячими и приложи их к лицу.
Она растерла сильно ладони и сидела неподвижно с руками на лице.

- Скажи себе "спасибо" и потихоньку вернись в реальность.

- Спасибо - прошептала она.

Он ждал молча пока она откроет глаза.

- О, Боже! - удивилась она оглядывая комнату.

- Что случилось? спросил он, хотя знал уже ответ.

- Здесь все как-то по-другому...

Она встала с кресла и подошла к отцу. Она села к нему на колени и обняла его за шею, прижалась к нему будто снова была маленькой девочкой.

- Папочка, спасибо тебе. Я так давно не чувствовала себя так счастливо как сейчас - прошептала она ему на ухо. - Как ты прогнал того вампира? Он исчез навсегда.

- Откуда ты знаешь, что он больше не вернется.

- Потому что он больше не существует! Я не сказала тебе всего: я видела его только во снах, но его присутствие ощущала постоянно в реальности тоже. Я пробовала избавиться от него разными способами, но ничего не помогало. А теперь его нет. Он ушел!

- Ты знаешь символом чего был этот дух?

- Я наверное начинаю догадываться. Мне кажется это было мнение моей мамы, которая считала, что каждый мужчина превращается в подлеца. Она часто это повторяла. Я скорее всего ей поверила. Ты думаешь я тоже не смогу научиться доверять?

- Ты не Эля! Ты это Ты! Может быть ты будешь доверять, а может ты будешь ужасно ревновать. Я этого не знаю.

- Я бы не хотела стать такой как мама... Она всех ревновала, даже меня. Она часто относилась ко мне как к сопернице, а не как к дочке... – задумалась она. - Это была не любовь.

- Когда у тебя будет ребенок и давая ему свою любовь, ты часть этой любви сможешь дать и себе и вознаградить недостаток той любви, которой ты недополучила в детстве.

- Я знаю. Ты уже говорил, что чем больше любви даешь, тем больше ее получаешь. А теперь объясни мне почему я носила твои перчатки.

- Потому что тогда я был очень слабый и не вел себя нормально.

- Когда? Что ты хочешь этим сказать? - удивилась она. - Твоя мама никогда не смогла избавиться от своих детских страхов, которые

были вызваны переживаниями, вытесненными из сознания и со временем она начала меня с ними ассоциировать.

- Объясни мне это пожалуйста проще, без использования психологических терминов.

- Чем старше ты становилась, тем труднее было общаться с ней. В конце концов она начала меня подозревать в педофилии. Каждый мой чувственный жест по отношению к тебе она воспринимала как сексуальные. Она даже грозила мне, что обратится в суд если я буду к тебе прикасаться. Она даже не разрешала взять тебя на колени или обнимать тебя.

- А мне казалось, что это ты не хочешь меня подпускать к себе потому что ты меня не любишь!

- Чувства нельзя передать только словами и взглядом! Любовь это не только слова и взгляды, это также прикосновения и объятия.

- Я считала тебя холодным и бесчувственным.

- Таким образом у тебя создалось это фальшивое чувство комфорта. Потому что если нет контакта, то и опасность не существует. Нет также и чувственности. Но не имея возможности прикасаться к тебе я не мог также показать как я тебя люблю.

- Поэтому ты сказал, что ты не был этим вампиром?

- Я был уверен, что если у тебя и был какой-то неприятный сексуальный опыт, то у него не могло быть моего лица. Это был самый легкий способ, чтобы вырвать тебя из лап этого страшного сна.

- Я всегда мечтала о том, чтобы у меня была возможность так сидеть у тебя на коленях. Я счастлива словно ребенок. Я чувствую себя так, будто я заново родилась! Как ты это сделал?

- Я ничего не сделал. Это ты все сделала. Я тебе только подсказал как это сделать.

- Ладно, ладно... Откуда ты знаешь эту технику?

- Это старый индейский метод.

- Кто тебя этому научил? Ты ведь никогда не был в Америке?

- Я не был, а ты еще не догадываешься?

- Нет. Скажи кто?

- Ты знаешь который час? Нам пора уже спать.

- Ну уж нет! Ты научил меня говорить НЕТ! Я не разрешу тебе сейчас заснуть. Я сварю тебе кофе, а ты приготовишь для меня очередную историю. Будет так, как я говорю! Меня совершенно не

интересует то, что ты устал. Я чувствую себя так, словно мое "нет" первый раз в жизни звучало как настоящее НЕТ.

- А я чувствую будто ты первый раз в жизни говоришь ДА и понимаешь, что это значит.

- Ты прав. Что-то в этом есть.

- Если мы не используем слова НЕТ, то наше ДА не имеет никакого значения.

- Ты прав. А мне нужно в туалет... - сказала она, вставая с его колен и целуя его в лоб.

- Нет проблем и завари мне кофе - ответил он.

Ракетница

- На этот раз я сделала тебе с молоком, чтобы твое сердце не остановилось при такой дозе кофеина, когда ты будешь рассказывать свой очередной рассказ. Насколько я знаю тебя, этот рассказ не будет коротким. - поставила она перед ним кружку с кофе.

- У меня нет другого выхода и я должен пить то, что ты мне наливаешь. Если самую чудесную дочь на свете родила женщина, которую психиатры считают тяжело страдающей раздвоением личности, то я только радуюсь от того, что ты мне не заварила каких-нибудь трав.

- Когда я варила кофе я догадалась откуда ты знаешь этот метод работы с воображением. Если Бэлла жила в средневековье, то наверняка также и с индейцами.

- Bravo! Ты угадала!

- Тогда рассказывай дальше.

- На чем я остановился?

- Свечка погасла и ты уснул голым в кресле - напомнила она ему прерванный рассказ.

- На следующий день я вздремнул после обеда и выспался про запас. Как только Эля закрыла глаза я спросил:

- Спишь?

- А Бэлла ответила «сплю» - передразнила дочь.

- А вот и нет! Не сплю - услышал я ответ Эли. - У меня только закрыты глаза, а почему ты спрашиваешь? Ты еще раз хочешь проверить говорю ли я во сне?

- Я хотел бы рассказать сказку на ночь. - я стал настолько осторожен, что тотчас же сочинил сказку о священнике стерегущем святой огонь. Я не хотел провоцировать ее на очередной скандал. Как только она заснула я попробовал еще раз. На этот раз с ожидаемым результатом.

- Здравствуй Бэлла.

- Мне очень нравится когда ты ко мне так обращаешься – сказала она как приветствие.

- Я знаю, поэтому я так и говорю.

- Откуда ты знаешь? - удивилась она.

- Потому что если бы я был Бэллой, то мне бы это тоже нравилось. Я просто очень рад, что мы можем поговорить.

- О чем бы ты хотел узнать сегодняшней ночью?

- За что ты меня любила?

- За то что ты храпишь, как духовой инструмент. - засмеялась она.

- Прошу тебя, ответь серьезно.

- За то какой ты есть, за то что ты любишь Элю, за твою ответственность и верность.

- Откуда ты можешь знать про мою верность?

- Я бы тотчас заметила самые маленькие детали измены. Когда ты идешь с Элей по улице ты не смотришь на других женщин. Ты даже не замечаешь знакомых.

- И этого было достаточно?

- Нет.

- Когда ты поняла, что меня любишь?

- Когда в кино ты плакал на Питер Пэне. Это был для меня самый сложный момент. Эля сказала, чтобы ты перестал вести себя как дурак, потому что дети с тебя смеются. Ты не представляешь, как мне было больно. Тогда мне захотелось тебя обнять. Я никогда не предполагала, что ты поцелуешь меня, а не Элю. Я боялась, что сойду сума если буду продолжать об этом думать.

- Ты до сих пор боишься?

- Нет. Теперь я знаю, что ты меня любишь. Я счастлива.

- Я тоже - признался я.

- А что тебя огорчает?

- А откуда ты знаешь что что-то не так?

- Я слышу это по твоему голосу.

- Я забыл, что перед тобой ничего нельзя скрыть.

- Тогда расскажи о своей проблеме.

- Возможно ли что мы будем заниматься с тобой любовью?

- Да. Теоритически это возможно, если мы оба будем этого хотеть, но в тебе мешает моральный выбор. Ты считаешь, что таким образом ты бы изменил Эле.

- Да.

- В таком случае не изменяй.

- Но я ей уже изменяю психологически. Когда вчера я занимался любовью с Элей, я думал о тебе.

- Я знаю. В последний раз ты смотрел на нее подругому.

- И что мне теперь делать? Я люблю тебя и люблю Элю. Это с ней я заключил брак, а не с тобой. Я бы хотел заняться с тобой любовью, если бы только это не была измена.

- А если это будет измена, то ты не будешь заниматься со мной любовью?

- Да. Нас будет соединять только платоническая любовь. Она тоже прекрасна.

- Ты говоришь глупости, но я люблю тебя также и за это.

- Я не понимаю, объясни мне пожалуйста.

- Я люблю тебя за твои ценности и за твою ответственность. Ты решился на то, чтобы заниматься любовью только после того как ты уверился в своих чувствах.

- Теперь я знаю, что не мог бы обидеть ни тебя ни себя, но я не могу тебе предложить переспать со мной.

- Я тебе в этом не помогу.

- Я знаю, что ты не можешь.

- Ты ошибаешься. Я могу помочь тебе принять решение, но я этого не сделаю, потому что таким образом я бы никогда не узнала насколько сильно ты меня хочешь. Я женщина и хочу чувствовать, что ты меня добиваешься, а не то, что я сама преподношу тебе себя на подносе.

- Прости меня за этот разговор, но своими сомнениями я пересек какую-то границу. Между нами полное доверие уже не будет возможным.

- Ты снова ошибаешься. Это возможно. А теперь иди, покури и поговори.

- С кем?

- Сам с собой. Это единственный человек на острове, который может дать тебе какой-либо совет.

- Я пошел на берег чтобы подумать. Я вспомнил прогулки по лесу вместе с ксендзом Бронекком. Мы разговаривали на разные темы. Мы говорили о моих мыслях и о моем видении мира. Я рассказывал ему, что произошло в моей жизни от нашей последней встречи. Прогулки всегда заканчивались очень необычным для меня способом. " Стань на колени", говорил мне мой старый друг и избавлял меня от моих грехов. Именно так выглядела исповедь у ксендза Бозовского.

Это был самый чудесный человек с которым мне удалось познакомиться. У него не было ничего кроме стола, стула, кровати и стены, обклеенной сотнями людских лиц. Каждый из этих людей был ему благодарен за что то свое. Чаще всего это была улыбка и замечательная легкость в сердце.

Какое то время перед моей свадьбой разговор с ксендзом Брониславом перерос в дискуссию на тему морали. Тогда мы уже спали с Элей, будто уже были мужем и женой. Мы делали это по любви и с четкой ответственностью о том какие могут быть результаты. Трехчасовая дискуссия не сблизила наши мнения. Каждый из нас держался своих убеждений так, словно тонущий острой бритвы. В конце концов Бронек сказал: "Может быть Бог не для того сотворил человека, чтобы он грешил, а для того чтобы любил. Мне очень жаль, но я только являюсь католическим ксендзом и святой отец запретил мне отпускать грехи детям, счастливым без святых таинств и плюс ко всему не чувствующих своей вины за то, что они делают. Если ты не в состоянии возбудить в себе сожаления за свои грехи, то я не могу дать тебе отпущения грехов. И позже он добавил: "Исключая день твоей свадьбы конечно же".

Когда он нас венчал, то обратился к моей жене с необычными словами: "Ты являешься обещанием, которое никогда не сможет быть выполнено до конца". Что значили его слова я смог понять только когда я смотрел на гладкую поверхность воды в которой отражались звезды.

Я вернулся домой и встал на колени перед кроватью.

- Я хочу тебя и хочу чтобы нас соединяло все что только возможно. Я не знаю что из этого получится. Но я беру на себя всю ответственность перед тем, что может случиться. Я прошу тебя также, чтобы ты никогда об этом не жалела.

Мы занимались любовью до самого утра...

Нас соединил секс такой же свежий как и утренняя роса на траве...

Наш секс это были ласки, слова, жесты и шутки...

Это было словно путешествие в горах, когда приходится часами входить на вершину, чтобы сесть на несколько минут и наслаждаться видом, расстилающимся перед глазами.

Я могу это описать как танец, как поэзию, как сказку...

Его голос задрожал.

Он затих.

Дочь тоже молчала.

Он встал и пошел в ванную.

Очень громко высморкался и вернулся.

- Это было начало. Каждую ночь я занимался любовью с Бэллой и каждый день с Элей.

Одна была моей женой, а другая любовницей.

Одна была как повседневный хлеб, а другая как показ салюта.

Я жил одновременно в двух мирах.

Но уже через неделю я почувствовал перенасыщение и стал избегать сексуального контакта днем. Тем не менее наши отношения продолжались каждую ночь. Эля ничего про это не знала... Моя жена почувствовала, что я ее игнорирую, тем более что спал я до полудня. Днем мне не хотелось даже разговаривать, так как я хотел найти время чтобы обдумать все то, что я узнал ночью во время наших долгих разговоров аж до рассвета.

Эля начала мне все это выговаривать, а я не мог ей ничего ответить и чувствовал себя в тупике. Я не мог ей объяснить почему так все происходит и я не мог ей рассказать про ночную жизнь. Она была разочарована нашей супружеской жизнью и даже перестала это скрывать. В конце концов мне очень сильно опротивели ее выговоры точно также как и она сама. После дневного ада ненависти и скандалов я зажигал свечку, чтобы перейти в рай любви и понимания. А на следующий день я избегал ее еще сильнее. К сожалению самый прекрасный Эдем не может вознаградить ужасов Хедеса. Мы открыто ненавидели друг друга. Целый день она высмеивала все мои правдивые и ложные недостатки. А я совсем не оставался в долгах и колол ее в самые чувствительные места.

Если бы тогда мы смогли уехать с острова, то на судебном процессе в суде встречались бы за нас наши адвокаты. Мы уже даже не могли друг на друга смотреть. В конце концов в один вечер она взяла ракетницу, чтобы позвать бережную службу спасения. Я смеялся с нее, что у нее не хватит смелости ее выстрелить. Я хотел ее разозлить, я хотел чтобы именно она ее выстрелила. Таким образом я мог свалить всю вину о нашем проигранном супружестве на нее. Она отложила ракетницу и начала высмеивать меня за мою трусость и за то, что я не могу взять на себя ответственность.

- У тебя ничего не получится! Сегодня твой день устраивать идиотские сценки! Если сегодня ты это не сделаешь, то завтра я выстрелю ракетницу и надеюсь, что никогда в жизни тебя больше не увижу. А теперь иди спать, потому что ты мне настолько надоела, что я хочу задушить тебя голыми руками... - Я был в состоянии амока и мог сделать это не моргнув глазом.

Но если бы я это сделал я бы убил Бэллу тоже!

Она уснула очень быстро, а моя злость не проходила.

- Спишь? - позвал я.

- Сплю... - ответила Бэлла своим теплым голосом, будто она совсем не понимала что со мной происходит, а ведь видела все своими глазами.

- Ты знаешь, что это наш последний разговор. У нас никогда в жизни не появится шанса увидеть друг друга. Еще минуту назад я был готов убить свою жену. Если бы не ты, то я наверняка бы это сделал. Я не могу так жить. Вначале это было удивительное приключение, но теперь превратилось в ужасный кошмар. Дошло до того, что я ненавижу ее и себя тоже. Если мы завтра не расстанемся я сойду сума. Я дошел до границы за которой уже ничего не существует. В данный момент я не мечтаю ни о чем другом как только о смерти. Я завтра расстанусь с Элей, а послезавтра наверняка покончу жизнь самоубийством. Я уже не умею так жить, я больше не хочу так жить. Я мечтаю только об одном, чтобы уплыть в море точно так же как несколько дней назад и никогда больше не возвратиться... Но я боюсь, что окажусь трусом и даже не смогу утопиться.

- Значит ты все-таки жалеешь, что со мной познакомился?

- Нет. Если бы мне еще раз пришлось выбирать, я бы сделал тоже самое. Я ни о чем не жалею. Эти несколько ночей были одними из самых прекрасных, что удалось мне пережить в жизни. Мне очень жаль, что все должно закончиться именно так.

- Так не должно было случиться - ответила спокойно Бэлла.

- Ты знаешь почему так случилось?

- Знаю.

- Почему эта ситуация стала выше моих сил?

- Потому что ты разрешил этому случиться. С каждым днем становилось все хуже и хуже. И ты не сделал ничего, чтобы это изменить.

- Ты тоже считаешь, что я во всем виноват?
- Я не знаю, что такое "вина", я не судья.
- Тогда почему все так?
- Ты соглашался на то, чтобы в тебе нарастала обида, ненависть, злость...
- А значит ты обо всем знала! - перебил я ее со злостью. – как ты можешь говорить, что меня любишь если ты ничего не сделала?
- Любовь это не зонтик - ответила она серьезно.
- Почему ты мне не помогла?
- Потому что это твоя жизнь. Ты уже не ребенок и ты не нуждаешься в том чтобы тебя вели за руку. Если когда-либо ты станешь женщиной, то только тогда, когда сам сможешь управлять своей жизнью. Когда ты полностью возьмешь на себя ответственность за то, что ты сделал и за то, что ты проигнорировал.
- Я надеялся что эта проблема сама как-то решится.
- Притворяясь, что проблема не существует, ты довел до того, что она становилась все больше и больше. Во время наших ночных разговоров ты ни разу не сказал о своей проблеме.
- Я боялся тебя обидеть. Я боялся, что ты перестанешь со мной разговаривать, чтобы спасти наше замужество.
- А сегодня ты готов был убить Элю и меня. Боясь потерять какую-то малую часть чего-то ты можешь потерять все. Самым ужасным грехом является грех игнорирования.
- Я все потерял. Теперь уже слишком поздно что бы что-либо изменить.
- Никогда не запоздно.
- Это только пустые слова. Слишком поздно. Я уже не хочу ничего менять. Единственное чего я хочу чтобы у меня появилось достаточно сил, чтобы сегодня утопиться.
- Я могу дать тебе достаточно сил, чтобы ты совершил самоубийство. Но я могу тебя научить как избавиться от ненависти и обрести бесстрашие для того чтобы жить дальше.
- Это возможно?
- Да, я могу помочь. Завтра тебя может не быть на этом свете и ты будешь абсолютно спокоен или же у тебя может появиться отвага, чтобы жить дальше и начать налаживать отношения с Элей. Выбирай.

Есть еще и третье решение. Мы можем окончить наш разговор и просто лечь спать ничего не меняя.

- Я очень устал и хочу спать.

- Это тоже твой выбор.

- Но я не хочу выбирать.

- Не выбирая ничего, ты выбираешь проигрыш.

- Больше всего мне нравится решение проблемы при помощи самоубийства, если я на него решусь мне больше никогда не придется принимать решения.

- Я в этом не уверена...

- Почему?

- Потому что я не могу тебя уверить в том что реинкарнация не существует.

- А существует?

- Ты знаешь об этом в свое время - ответила она очень серьезно.

- Когда?

- Я не знаю. Каждому обозначно свое время и твое тоже когда-то наступит...

- И что случится тогда? - она разбудила во мне любопытство.

- Тогда ты узнаешь ответы на все свои вопросы!

- Ну а что мне сделать сейчас?

- Выбирать.

- Самым простым было бы сейчас просто пойти спать, намного тяжелее покончить с собой, а самое тяжелое это продолжать жить. Но ты до сих пор надеешься, что я выберу жизнь.

- Да.

- Почему мне снова надо выбрать то, что самое трудное? Только потому, что ты меня любишь?

- Нет.

- Тогда по какой причине? - Бэлла молчала. - Ты же видишь что не осталось причин для которых я бы продолжал жить.

- Есть по крайней мере одна.

- Какая? - спросил я с радостью.

- Жизнь человека имеет более глубокий смысл, чем ты думаешь. Это не ты дал себе жизнь и поэтому ты не можешь ее у себя отнять. Если бы ты это сделал, то...- Бэлла замолчала. По ее лицу текли слезы, но это

уже не вызывало во мне никаких чувств. Одна слеза задержалась на щеке и блестела в свете свечки как искорка. Это было прозрение которое мне было нужно. На долю секунды это отвлекло меня от моих мыслей. Меня заинтересовало явление которое в физике известно как абсолютное отражение луча света. Бэлла все еще молчала, а это означало, что она не хочет говорить мне что-то очень важное. Она не должна была говорить...

- Я бы превратился в такую же Бэллу как ты? Молчаливую личность, которая живет в чужом теле? Ты когда-то совершила самоубийство? А теперь тебе приходится жить в Эле и ... - Иногда только одна слеза может изменить всю жизнь человека.

- Да... Но есть еще одна причина по которой тебе не стоит этого делать - прошептала она.

- Какая?

- Потому что я в тебя верю.

Этих простых слов никто в жизни мне не говорил. Даже моя мама. Вера оказалась тем, что мне было необходимо больше всего. Вера оказалась важнее надежды и любви, которые не могли принять решения. Если Бэлла верила в меня, то я мог найти в себе надежду на то, что все можно изменить.

Я понял, что "мы в состоянии расти и развиваться только для того кто в нас верит".

Мы начали кропотливую работу с моими чувствами и взглядами.

Бэлла научила меня как стать тем, кем я хочу стать, пересматривая свои убеждения на каждую проблему.

Первой ушла ненависть, которая душила меня как колючая проволока.

А на следующий день солнце начало светить более светлым светом.

К счастью природа придумала менструацию...

Скорее всего счастье не приходит в одиночку.

Эля была очень удивлена моей переменой за одну ночь и моими извинениями, я был удивлен ее переменой по отношению ко мне.

Мы снова начали друг с другом разговаривать.

Ракетница осталась в шкафу даже тогда, когда я повредил себе запястья.

Скорее всего нам необходимо было пережить ад, чтобы создать брак.

На руинах беспечной любви мы построили очень редко встречаемый вид сознательного чувства.

После нескольких ночей я понял, что моя собственная личность была лепкой из мечтаний, сказок и идолов принесенных с собой из детства. У них было очень мало общего с тем миром который окружал меня, и все равно я так сильно за них цеплялся. Когда я был ребенком, я все, что попадалось на пути расценивал как "хорошо" или "плохо".

Во время многочасовых разговоров с Бэллой я пересмотрел свое отношение к миру. У меня не осталось никаких табу: религия, этика, секс и чувства пошли под пересмотр. То что мне казалось очевидной ценностью не выдерживало конфронтации с умом.

Честь, гордость и патриотизм лопались как воздушные шарик или рассыпались, как пепел.

Я боялся, что во мне не останется ничего, что бы я мог считать ценностью.

Но ЛЮБОВЬ пережила. Она оказалась основной ценностью. Именно на ней, очищенной от прав и обязанностей я начал строить свой новый мир. Благодаря Бэлле я построил новое, более или менее сплоченное мировоззрение.

- Откуда Бэлла знала как все это делается?

- Ты помнишь больного аутизмом Раймонда из фильма Rain Man, которого играл Дастин Хофман? У Бэллы были очень похожие способности. Плюс ко всему она могла их использовать, но конечно только во сне. Если бы у меня был настолько гениальный ум я бы выиграл все Нобелевские премии.

- Это Бэлла научила тебя той технике по работе с воображением, которую ты провел со мной?

- Точно так же выглядела чистка моего мира.

- Это она это выдумала?

- Нет. Этот способ по работе с изменением отношения к жизни и работе посредством визуализации был известен много лет назад.

- А как она этому научилась?

- Бэлла считала, что Эля является очередным но не последним ее вселением.

- Ты веришь в реинкарнацию?

- Я не знаю существует ли метемпсихоз и это для меня не имеет никакого значения.
- Тебе безразлично, существует ли переселение душ или нет?
- Ты очень хорошо меня поняла. Именно так выглядит мое мировоззрение.
- Я не понимаю.
- Чего?
- Почему вы развелись?
- Потому что твоя мама этого хотела.
- Но сегодня в больнице ты мне сказал, что любил ее в период развода.
- Да и еще несколько лет после развода.
- Почему ты тогда на него согласился?
- Когда я исчерпал все свои возможности мне просто пришлось это принять. Скорее всего наши дороги должны были разойтись.
- А может быть ты любил только Бэллу, а не маму?
- Нет. С Бэллой я расстался на много раньше.
- Когда?
- Еще до того как ты родилась.
- Как вы расстались?
- Бэлла просто ушла.
- Как это ушла? Она ведь не могла ходить.
- И все-таки ушла.
- Ты знаешь, но просто не хочешь мне об этом сказать.
- Ты права, я не хочу.
- Бэлла умерла?
- Нет.
- Тогда, что с ней случилось? Ты ведь говорил, что она не может перестать существовать и не может покончить свою жизнь самоубийством.
- Мы расстались.
- Как?
- Она переселилась.
- Ты бы хотел с ней опять встретиться?
- Я верю, что когда-нибудь мы будем вместе.
- Ты все еще любишь Бэллу?
- Да. А теперь пошли спать, а то скоро рассвет.

- У меня есть еще один вопрос. Ты носишь на шее какой-то талисман. Что это?

- Это единственный сувенирчик с острова. До того как мы сели в лодку я нагнулся и поднял с песка два камешка - один из них я ношу на шее.

- А что случилось с другим?

- Второй я дал твоей маме, когда наш остров уменьшался на горизонте. Всю оставшуюся дорогу до Варшавы она держала его в ладони... - окончил он свои воспоминания.

- Я расстелю тебе постель.

- Я не хочу спать в постели. Я предпочитаю остаться на диване.

Пожалуйста, дай мне только подушку и одеяло - попросил он голосом не терпящим сопротивления.

Она принесла ему то, что он просил и обняла его.

- Спокойной ночи, доченька.

- Спокойной ночи, папа - прошептала она, закрывая за собой двери.

Продовольствие

Не раздеваясь, он лег навзничь. Он закрыл глаза, но не собирался спать. Он даже не накрылся одеялом. Он хотел еще подумать и проанализировать еще один прожитый день своей жизни.

Размышляя над тем не рассказал ли он слишком много, он дотронулся к своему талисману и тотчас же уснул. Когда он захрапел, Ида зашла в комнату. Она легла рядом со спящим отцом и положила свою голову на его плечо. Она была уверена, что сегодня он не рассказал всего. Она чувствовала, что через несколько месяцев они снова встретятся и он расскажет ей следующую часть истории.

Она догадывалась, что через несколько часов отец встанет, когда она еще будет спать, и как он всегда это делает уйдет не прощаясь. На дверной ручке она повесила белый пакет с надписью: "Продовольствие на дорогу для Анджэя". Она улыбнулась своим мыслям когда думала о его реакции на то, как между бутербродами с сушеной колбасой он найдет записку с надписью : " Я люблю тебя - Бэлла".

Он стал для нее не только отцом, но кем-то большим...

Она захотела, чтобы первое тепло которое почувствует набухающая в ней жизнь, было его теплом.

Она расстегнула свои брюки.

Она взяла его безчувственную руку и положила ее к себе на живот. Потом прижала его горячую ладонь в очень важном для всех женщин месте - где-то между пупком и границей трусиков.

Варшава 13 января 2004

Конец

